

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Харламов

Перед грозой

Повесть

Александр Сергеевич Харламов

Перед грозой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37842531

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта повесть о войне и жизни обычной русской семьи в немецкой оккупации. В центре повествования семья Подерягиных, бывших раскулаченных крестьян, которые хлебнули немало горя от советской власти, но на что они пойдут ради того, чтобы их Родина оставалась свободной? На чьей стороне они будут воевать и пойдут ли на сделку со своей совестью? Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	6
2	12
3	25
4	39
5	51
6	57
7	65
8	78
9	85
10	91
11	98
12	105
11	109
12	115
13	121
14	126
15	135
16	143
17	147
18	172
19	181
20	190
21	195

22	201
23	209
24	214
25	218
25	225
27	239
28	245

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0. Указания авторства не требуется.

« Перед грозой...»

Май 1942

За окном медленно и неспешно, уверенная в своем превосходстве растекалась, иссини черная грозовая туча. Несколько раз раскатисто и надрывно громыхнул гром. Мелькнула молния на затянутом пушистым облачным покрывалом небе. Ветер колыхнул могучие стволы полувековых тополей сначала робко и нерешительно, а потом с каждым разом все сильнее и сильнее, сгибая их до самой земли, ломая хрупкие тонкие ветви, подметая неровными зелеными листочками пыльную брусчатку перед зданием горсовета.

Потом ветер заглянул в окошко, смел несколько разбросанных писем с письменного стола, швырнул их в общую кучу, сваленную у двери, но всего этого глава горисполкома товарищ Савинков не заметил. Он сосредоточенно работал, вытаскивая из сейфа одну за другой толстые папки с важной документацией. Некоторые из них он сразу бросал в огромную кучу бумаги, сложенную у двери, другие внимательно читал, но потом все же отправлял их следом за первыми.

За плотно прикрытой, обитой дерматином дверью слышался возмущенный голос секретарши Валечки и ее неловкие попытки ответить на с утра постоянно трезвонивший телефон.

– Алексей Сергеевич занят! – прокричала она из-за двери,

привлекая внимание Савинкова.— Подождите! Да, подождите же вы!

Глава горисполкома поднял голову от бумаг, наблюдая за вошедшим в его кабинет крепко сложенным крепким мужчиной в форме НКВД. Туго затянутая портупеей грудь была украшена орденами. Хмурое узкое лицо с чуть татарским разрезом глаз пересекал сабельный шрам, обезобразивший офицера. Не поздоровавшись, он прошелся по кабинету, громко цокая каблуками хромовых сапог. Подошел к раскрытому окну и стал смотреть на опустевший город, замерший в ожидании первой майской грозы.

За неплотно прикрытой дверью в приемную зазвонил телефон. Валечка сняла трубку и в тысячный раз за это утро начала рассказывать одно и тоже своему невидимому собеседнику.

— А я вам говорю, что это все слухи! Нет! Горисполком не собирается в эвакуацию! Да нет немцев под Алексеевкой! Нет! Кто вам такое наплел, товарищ?! Нет! Все на местах! Товарищ Савинков не может подойти к телефону... Потому что занят! Он не коров пасет, в конце концов!

С раздражением, накопившимся за целый день, Валечка положила телефонную трубку рядом с аппаратом, схватилась за голову, приглушенно стоная.

— Людям врешь...— заметил чекист, прикусив нижнюю губу, так и не взглянув в сторону Савинкова.

— Тарас Павлович, товарищ майор, так если правду ска-

зять, паника начнется!— виновато пожал плечами глава горисполкома, бросая очередную папку в угол.

— Где немцы знаешь?— майор НКВД отвернулся от окна, медленно и с наслаждением закурив. Ароматный густой дым сизым облаком повис в комнате, огибая дорожную хрустальную люстру, висевшую под потолком.

— Час назад звонил Петренко из Алексеевки,— торопливо пояснил Савинков,— сказал, что немцы уже зашли в город!

— Документацию не уничтожили, сами не уехали. Плохо,— покачал головой майор Говоров, глубоко затягиваясь. В его удивительном спокойствии было что-то от обреченности, толкающей людей на самые отчаянные поступки. Он вяло чиркнул спичкой и бросил ее в кучу бумаг, наваленных в углу. Пламя вспыхнуло и потухло. Он выразительно посмотрел на Савинкова, и тот моментально все понял.

— Сейчас...сейчас...Один момент...— он начал отчаянно шарить по своим карманам серого летнего пиджака в поисках спичек, но найти их никак не мог, от этого волновался еще больше и терялся все сильнее.— Минутку...Валечка! Валечка!— громко позвал он секретаршу.

Молодая розовощекая девушка с красными от слез глазами заглянула в кабинет.

— Да, Алексей Сергеевич!— вопросительно взглянула она на главу горисполкома, хлопая своими огромными ресницами, похожими на крылья бабочки.

— У тебя спичек нет?— попросил Савинков, продолжая

бесполезные поиски. Руки его тряслись. Он не сразу попал в карман. Вывернул его наизнанку, выронив какую-то мелочь.

– Да вы что же, товарищ Савинков!– удивилась Валечка.– Я же не курю...

– Иди, деточка... Иди домой!– махнул на нее рукой глава горисполкома.– Иди!

– А как же вы?

– Иди, я сказал!– рявкнул Савинков на нее.– Выходной у тебя сегодня...И завтра...Черт! Где же эти спички, будь они неладны!

За Валечкой захлопнулась дверь, и лишь тогда Говоров с легкой улыбкой протянул ему полный коробок.

– Угощайтесь!– проговорил он, отходя от окна.

– А? Спасибо...

Дрожащими руками Савинков поджег несколько бумаг в куче, прикрыв их другими. Тут же зачадило. Комната наполнилась густым едким дымом. Говоров закашлялся, выбросив недокуренную папиросу.

– Значит, уходите?– спросил он, взглянув на главу горисполкома, протиравшего заслезившиеся глаза.

– Партия...

– К черту партию!– стукнул кулаком по столу майор госбезопасности.– К черту приказы! А люди? Как же ваши люди? Валечка эта...– он кивнул своей лысой головой в сторону приемной.– Вам их не жаль?

– Это все лирика! Жаль ни жаль!– неожиданно осклабил-

ся Савинков.— Приказы партии не обсуждаются, и вы, Тарас Павлович, не меньше меня об этом осведомлены... Да и что от меня зависит? Жизнь Валечки? Кто я такой, чтобы их спасти? Господь Бог? В нашем государстве в него не верят!

— Ясно...— сухо кивнул майор.— И далеко собрались?

— План эвакуации из города был составлен заранее и согласован с вами.

Савинков огляделся по сторонам. Нашел взглядом кожаный портфель, поднял его с затоптанного пола и отряхнул. Быстрым движением сгреб со стола какую-то мелочевку, запихнул туда несколько объемных кожаных папок с особо важными бумагами.

— Осмелел, гад...— удовлетворенно кивнул Говоров, глядя на суетящегося Савинкова с долей презрения и легкого превосходства.— Осмелел... Забыл, как в тридцать седьмом умолял меня, в ногах валялся, лишь бы на должности остаться и под суд не угодить, а?

— А я за все это, Тарас Павлович, с лихвой рассчитался!— надев круглые очки и оправив пиджак, пояснил глава горисполкома.— Прошло ваше время... Прошло! — почти прокричал он, выбегая на улицу. Говоров не стал его догонять. Быстрым шагом подошел к окну, разглядывая побег городского начальства из окна его кабинета.

Савинков выскочил во двор почти бегом. Под окнами возле потертой, выдавшей вида полуторки курил знакомый особисту шофер — Яшка. С тревогой он смотрел, как и Говоров

на почерневшее небо, мечтая лишь только о том, чтоб не пошел град.

– Поехали! Поехали, мой родненький! Бегом-бегом!– закричал водителю Савинков, прыгая рядом на сиденье.

Оглушительный раскат первого весеннего грома порвал сонную разомлевшую тишину маленького уездного городка. Глава Горисполкома дернулся, словно это была авиационная бомба.

– Нас ждут на вокзале!– прокричал он Яшке, торопя его.

И вот, в унисон с этим громом с неба сорвался холодный крупный дождь, отчаянно заколотивший по подоконникам и накрытым железом крышам. Полупорка, громыхая на кочках, покатила прочь из города, а Говоров так и остался стоять возле открытого окна, подставляя свое морщинистое лицо ледяным струям ледяного ливня, словно пытаюсь смыть с себя то, что не давало ему покоя уже очень долгое время – ощущение безысходности, тревоги, волнения.

2

– Шурка, смотри, как я умею!– Коля залез на самую верхушку дерева и прыгнул оттуда с высокими брызгами, разлетевшимися во все стороны. Маленькая щупленькая девочка с длинной черной косой наблюдала за купанием брата с берега. Сашка плавать не умела, о чем в тайне от всех горевала, предпочитая бросать мелкие камешки с берега в воду, да сопровождать в постоянных купаниях брата.

– Попробуй! – предложил ей брат, широкими косыми саженьками подгребая к обрывистому берегу, поросшему толстыми тугими корнями плакучих ив, обильно разросшихся по всему берегу реки.

– Коль, ты же знаешь...– покачала головой отрицательно Шурка, чутко прислушиваясь к шороху шагов, раздавшихся где-то позади в кустах.

– Вот они – малолетние козявки!– раздвинув густые кусты высокой травы, к реке вышел Митька – местный дурачок, над которым все потешались и насмехались. Шурке его было даже немного жаль, особенно когда тетка Варька или дед Федор плохо отзывались о нем.

– А Митька вас ищет, ищет... Думает уж не найти! – самодовольно усмехнулся здоровый увалень, потирая раздутое от постоянного недоедания пузо.

– Тебе чего?– строго спросил Коля, выходя на берег. Его

худое, поджарое тело светилось на солнце миллионами мелких водяных капелек, растекавшихся по бронзовому загару серебристой волной. У него были крепкие разбитые от тяжелой работы руки, чуть раскосые мамины глаза и хорошо сложенная отцова фигура.

– Митька искал вас, чтобы передать слова деда Федьки!– заулыбался дурачок.– Он сказал, что если эти два прохиндея не явятся домой, то хворостины они отведают точно!

– Спасибо!– поблагодарила его Шурка, собирая букет нарванных полевых цветов.– И правда, Коль, что-то мы загулялись сегодня...

– Митька-дурачок! – из кустов в след за Митюшей выскочили трое ребят постарше с Масловки. Их Шурка знала плохо, только главного среди них Ваську Полухина – сына Колькиного крестного.

– О-о-о...-протянул этот самый Васька нудным голосом.– А тут и Подерягины здесь! С дурачком якшаетесь? Может вы сами такие же?– трое парней, стоявших позади своего лидера противно захихикали. – Митюша? Скажи «а»?– рассмеялся Васька, подняв с земли большой угловатый камень.

– «А»!– заулыбавшись, протянул Митька.

– Камень в рожу на!– крикнул Васька, со всего маху влепив его в дурачка. Острый угол расшиб тому колено, брызнула алая кровь.

– Ах ты, гад!– Колька, сжав кулаки бросился вперед, но Шурка его удержала.

– Оставь ты их...

– Что струсил?– вперед выступил второй мальчишка, уперев руки в бока.– Трус! А Колька Подерягин – трус!– запел он, строя противные рожицы.

– Я...– брат бросился вперед, но тут же на половине пути остановился, чутко прислушиваясь к тишине. Где-то далеко, на самом пределе слышимости, ему показался незнакомый звук, который становился все громче и громче, медленно и неотвратимо, как лавина, приближаясь.

– Что застыл, трусишка?– хмыкнул Васька, закатав рукава линялой клетчатой рубахи, доставшейся ему от отца.– Ссышь?

– Тихо!– прикрикнул на него Коля, всматриваясь в ярко-голубое небо, прошитое белоснежными перистыми облаками.– Слышите?

Все подняли голову наверх. Звук стал отчетливо слышен, будто работал двигатель трактора в МТС.

– Самолет кажись...– пробормотал один из ребят, задрав голову вверх. Плоская кепка с длинным козырьком слетела на землю.

– Какой самолет, дурень!– вскинулся на него Васька.– Наши-то еще неделю назад ушли...

– Самолет!– закивал радостно головой Митюша.

– Молчи хоть ты!– рявкнул на него Полухин, вглядываясь в синеву чистого неба.

– Самолет!– Шурка увидела его первая. Из-за пушистой

кроны дерева выглянул острый нос с пропелером, а потом и размашистые длинные крылья с черными крестами в белой окантовке.

– Немцы!– вырвалось у Полухина, неотрывно смотрящего за полетом бомбардировщика.

– Фашисты идут...– убитым голосом согласился с ним Колька.

– Бежим!

– Стой!

За первым самолетом показался еще один, а за ним еще и еще, и еще... Они плыли по небу, как лавина, от которой не было спасения, вскоре заполонив весь небосвод от края до края, куда хватало взгляда. Моторы надрывно гудели, а самолеты шли мелко покачивая крыльями в знак приветствия.

– Бомбить едут...– кивнул Колька, сжав губы от злости.

– На город пошли!– кивнул Полухин, злобно прищурившись, а потом земля вдруг встала на дыбы, поменявшись местами с небом, взлетев высоко вверх. Оглушительно бахнуло в стороне деревни, потом снова и еще, и еще. Застрочил пулемет. Кто-то отчаянно запричитал.

– Бежим!– Ваську дернули за руку и потянули прочь. Ссора была забыта. Короткими перебежками вся троица исчезла за кустами.

– Ба-бабах!– радостно оскалился Митюша, хлопнув себя по коленке.

– Сиди уж, дурень!– отмахнулся от него Колька, ужом

скользнув в кусты.

– Коль!– позвала его напуганная бомбежкой Шурка.

– Глянь-ка, Шур! – позвал ее из кустов брат.– Ты только посмотри!

Обдирая коленки о ребристые камни, девчонка подползла к брату. Из их импровизированного укрытия была хорошо видна дорога к центру села. По дороге, сыто урча мощным двигателем, катил немецкий танк. Противно лязгали гусеницы. В башне, высунувшись наполовину, торчал самый настоящий фашист в черной пилотке и запыленной гимнастерке. Он скалился своими белыми зубами, мерно покачиваясь в такт ухабам. Позади танка ехало несколько доверху забитых солдатами бронетранспортеров, грюкала подцепленная длинноствольная пушка, за ней еще одна и еще. Широкой цепью, посматривая по сторонам, шли автоматчики. Из штабного автомобиля с установленным на крыше громкоговорителем слышалась бравурная мелодия, наподобие какого-то марша.

– Это ж немцы!– прошептала брата Шурка, вытирая покотившиеся по щекам слезы.

– Немцы, Сань... Фашисты...

Позади них раздался шелест листвы и на пригорок выбрался Митюша.

– Солдаты!– тыкнул он пальцем в сторону дороги.– Ура!

Колька не успел закрыть ему рот ладонью. Ближайший к ним фашист резко развернулся в их сторону, внимательно

прислушиваясь.

– Тихо ты!– ругнулся на него Коля.

Косая автоматная очередь прошла намного выше того места, где они лежали. Пули с легким чмоканьем впивались в толстую кору деревьев, срывая нижние листочки.

– Ахтунг! – прокричал незнакомое слово немец и выпустил еще одну очередь. Кусты затрещали под напором свинцовых пуль. Шурка укрылась вместе с братом за небольшим камнем, оттуда наблюдая за немцами.

– Ба-бах!– снова проговорил Митюша, выглядывая из-за кустов, но Колька дернул его назад, стянув вниз.

– Сиди тут!– строго приказал он дурачку, поглаживая того по голове. – Скоро мы вернемся назад и принесем тебе сахара. Понял!

Митька закивал, ослабив рот счастливой улыбкой, а брат с сестрой медленно стали продвигаться вслед за немецкой колонной, въезжающей в деревню. На пол пути к сельсовету из-за угла раздался одиночный ружейный выстрел. Немец в танке неожиданно покачнулся, схватился за сердце и повалился вниз, уткнувшись лицом в броню. Громкое тархтенье автоматных очередей раздалось в ответ. Разлетелись окна в угловом доме бабки Степаниды. Из дверей выпрыгнул ее сын и рванул через огород к «березке».

– Стоять!– с легким акцентом прокричал ему офицер, вылезший из штабной машины с громкоговорителем.

– Убьет...– прошептала перепуганная до смерти Шурка

на ухо своему брату, тесно прижавшись к нему всем своим тщедушным тельцем.

– Далеко!– отмахнулся от нее Николай, прикусив нижнюю губу, наблюдая за действиями немецкого офицера. Тот достал из кобуры пистолет и медленно прицелился. Колька даже отсюда видел его прищуренные глаза, напряженное лицо, запотевший монокль, вставленный в один глаз.

Кто-то не выдержал из женщин и запричитал вместе с выстрелом, прозвучавшим оглушительно громко в наступившей тишине. Сын бабки Степаниды на секунду замер, словно споткнувшись, широко раскинув руки в сторону, покачнулся и рухнул на землю.

– Свят! Свят! Свят!– перекрестился дед Матвей, которого немецкое вторжение застало сидящим на лавочке перед домом.

– Отличный выстрел, господин комендант!– похвалил на чистом немецком языке своего начальника адъютант, но как ни странно, Колька, не знавший немецкого все отлично понял. Слишком уже самодовольные рожи были у обоих.

– Граждане! – офицер повернулся к начинающей собираться на площади перед сельсоветом толпе. В нее, ловко лавируя между селянами, затесались, и Шурка с Колей. На противоположном конце площади, у старого ясеня, они рассмотрели деда Федьку, который незаметно показал им кулак, нахмутив густые кустистые брови. Рядом с дедом, опиравшимся на сучковатую палку, стояла и их мать Акулина

Васильевна, вытиравшая уголком цветастой шали текущие по полноватым щекам слезы. – Граждане! Немецкое командование сообщает вам о том, что оно наконец-то освободило вас от рабской и нищенской политики управления Советов! – вокруг немца уже образовался большой полукруг деревенских, в основном стариков и женщин, а так же ребяташек, которые с интересом рассматривали замершую перед площадью технику. – Отныне и навсегда ваши колхозы упраздняются! В селе устанавливается немецкое управление и администрация, – слова немец подбирал с трудом, коверкая их почти до неузнаваемости, поминутно протирая то и дело запотевающий от жары монокль. Местные слушали его внимательно, напрочь забыв о только что застреленном сыне Степаниды. Только бабка, стоявшая на коленях перед мертвым сыном, тихо подвывала что-то себе под нос, оставшись со своим горем один на один. Шурка несколько раз оборачивалась в ее сторону, жалостливо шмыгая сопливым носом.

– Тихо ты! – цыкал на нее Колька, внимательно слушавший офицера.

– Я – новый комендант вашего района! Меня зовут Эрлих Бааде.

Что-то позади всех загремело. Колька резко обернулся назад и увидел, что со здания сельсовета крепкого вида солдат в немецкой форме сорвал красное знамя, а вместо него вывесил фашистскую свастику. Народ неодобрительно загудел.

– Теперь вы находитесь под немецкой юрисдикцией, – по-

яснил Бааде, расхаживая по кругу, заложив руки назад. В его правой руке Колька сумел разглядеть небольшой стек, которым тот похлопывал себя по спине,— а знамя советов...

Солдат, подчиняясь кивку коменданта, начал топтать красное полотнище, подняв тучу пыли.

— Скоро у вас откроется немецкая школа, церковь. Многие из вас уедут в рейх, чтобы служить и работать на благо Великой Германии,— Бааде сделал паузу, словно ожидал аплодисментов. Народ молчал, напряженно хмурясь, пытаясь угадать, чего ждать от новой власти. Во время Гражданской войны их село часто переходило из рук в руки. То белые зайдут, то красные, только легче ни от тех, ни от других отчего-то не становилось. Первые придут — грабят, вторые едут — грабят... Теперь немцы...

— Мне нужен будет помощник, который станет моими глазами и ушами в вашей деревне. К нему вы можете придти с любым вопросом, любым предложением...— Бааде внимательно оглядел толпу, провожая взглядом каждого.

— Ты!— указал он вдруг стеклом на Васькиного отца.— Ком...ком...

— Я?— растерялся Полухин-старший, нелепо улыбнувшись.— А что я-то... сразу? Я вообще...

— Ком!— нетерпеливо махнул ему стеклом Бааде, рассматривая его в монокль, как энтомолог изучает попавшееся ему редкое насекомое.— Не бойся, товарищ!

Полухина подтолкнули сзади автоматом в спину. Он спо-

ткнулся, пошатываясь, подошел к коменданту.

– Я...

– Ты, товарищ!– указал тонким пальцем на него Бааде.– ты будешь бургомистром!

– Нет...– выдавил из себя жалкую просящую улыбку Полухин.– Я не могу... У меня здоровье не то... Тут силы нужны! Характер... Господин Комендант!

– Ты!– ткнул ему в грудь пальцем Бааде.

– Прошу вас...

– Хорошо!– улыбнулся ему комендант, отходя в сторону.– Я пойду вам навстречу, и не буду назначать на должность бургомистра...

– Спасибо, герр комендант! – выдохнул облегченно Полухин, переводя дух.– Век не забуду!

– Я вас расстреляю, товарищ!– неожиданно спокойно сообщил Бааде с безгловым выражением лица.– Фаер!

Автоматчики, стоящие позади офицера, будто того и ждали. Защелкали предохранителями, взвели курки, направив сразу несколько автоматов на Василия.

– Да как же это... Герр комендант?!– воскликнул Полухин, пятясь назад. В его глазах Шурка с ужасом рассмотрела страх, плескающийся в зрачках, готовый выплеснуться наружу, подобно огромной волне. Еще никогда она в своей коротенькой жизни не видела, чтобы так чего-то боялись.– Герр... Да что же... Люди добрые!

– Айн! Цвай!– сухо вел отсчет Бааде.

– Господи помоги!– прошептала, стоявшая рядом бабка Марфа, закрывая глаза кончиком платка.

– Драй!

– Стойте!– закричал Васька, падая на колени прямо в серую дорожную пыль, где только что топтали красное знамя.– Стойте!

– Никто не имеет право оспаривать решение коменданта!– нравоучительно проговорил Бааде, помахивая легкомысленно стеклом.– С сегодняшнего дня вы назначаетесь бургомистром этой деревни! Вам ясно?

– Ясно! Ясно, герр комендант!– торопливо заверил его Полухин, вставая с колен. Губы его тряслись в унисон с руками, которые ходили ходуном, когда он жал руку Бааде. После рукопожатия комендант достал белый платочек и брезгливо вытер ладонь.

– Идите, займите свое рабочее место!– он кивнул на здание сельсовета, украшенное теперь свастикой.

– Да-да! Сейчас же, герр комендант!– Васька торопливо потрусил ко входу в сельсовет, изредка оглядываясь назад, будто не веря, что чудом только что избежал смерти, и Бааде не отдаст приказ пальнуть ему в спину.

– Пусть это будет для вас небольшим уроком, товарищи!– улыбнулся комендант, присаживаясь в штабной автомобиль. Снова заиграл бравурный марш. Запел какой-то немецкий хор. Колонна снова пришла в движение, направляясь к выезду из села.

Толпа медленно и растерянно начала расходиться по сторонам. Не было слышно никаких разговоров, если и говорили, то говорили шепотом, чтоб никто не расслышал, вспоминая, как обошлись с сыном бабки Степаниды. У каждого в душе остался неприятный осадок и звенящее предчувствие чего-то плохого.

– Вот ядрена Матрена!– ругнулся дед Матвей на своей покосившейся лавочке перед домом, попыхивая самосадам.– Под белыми жили, под красными жили, под немцем не было такого!

– Я б этого немца!– зло проговорил Колька, сжав кулаки.– Своими руками задушил бы...Как они сына Степаниды-то, а, Шурка?– он повернулся к сестре, но вместо сестры увидел деда Федьку, стоявшего рядом с приготовленной в руках палкой. Сашка жалась к ногам матери, испуганно всхлипывая.

– А я вот такому герою сейчас, как дам! Как дам!– разошелся дед, хватая Николая за ухо. – Как выдеру, чтоб знал наперед...Тебя, стервец этакий, Митька нашел?– спросил он, больно выкручивая ухо.

– Нашел, дедуля! Нашел!– прокричал Колька, извиваясь всем телом, в крепких руках деда.– Ой, больно-то как!

– Чего передал, а?– ехидно уточнил Федька, накручивая уже алое ухо внуку.

– Передал, чтоб домой спешили. Мамка зовет!

– А ты что, послушался али как?– мучил его дед.

– Мы только собирались, а тут немцы из-за речки! Стрелять по нам, мы в кусты и утекать! Пока дошли, пока...

– Я тебе покажу, как старших не слушать, гадость ты маленькая!– ухо все-таки вывернулось из крепкого дедова захвата, и Колька, что есть силы, рванул через плетень, огородами домой, зная, что строгий, но справедливый дед пока дойдет, следом уже утратит свой запал, считая наказание исполненным.

– Стервец, да и только!– покивал головой укоризненно дед, вслед Николаю, пятки которого засверкали уже в районе тока.– Совсем распустился без отцовского пригляда, глядишь, и эта такая растет!– замахнулся он шутливо на Шурку, которая тут же юркнула за широкие бедра матери.– Бандит, ей богу бандит!

Акулина вяло улыбнулась, вспомнив о муже, которого в марте проводила на фронт. Письма от него доходили редко, а сердце болело, ныло, истомленное в разлуке. И только она знала, как каждую ночь ревела в подушку, молясь на старые образа, спрятанные по углам от бдительного ока главы сельсовета, чтобы остался жив, пусть пораненный, хоть какой, лишь бы живой!

«Резерв ставки...»

Март 1942

Переполненная станция, на которой стоял их состав, встретила призывников надрывными гудками отправляющихся паровозов, шумом колесных пар и едким запахом сгоревшего угля. На каждом из путей толпились люди. Слышался незнакомый говор, толпились люди. Откуда-то с начала перрона зазвучал надрывный женский плач. Эвакуированные, военные, беженцы – все замерли в ожидании дальнейшей дороги. Кому на запад, кому на восток, а кому и в самое пекло войны, где не считаясь с потерями пытались остановить немца.

Куцая телогрейка не грела. Петр поправил шапку и повернулся к жене, закутанную в теплую шаль и дедов тулуп, завистливо вздохнул, поглаживая ее по плечу. В этом году весна выдалась поздняя. К концу марта только стаял последний снег, оставив после себя расхлябанные, разбитые сотнями машин и телег дороги, сырой ветер, полосовавший лицо не хуже хлесткого кнута и постоянное ощущение сквозняка.

– Ну, будет тебе, Акуля... – он попытался улыбнуться, ободрить, обнять, но все в этот момент выходило как-то неловко и фальшиво, словно между ними, мужем и женой, с момента получения повестки на фронт пролегла невидимая борозда, разделившая их жизнь пополам. Акулина улыбну-

лась, затопталась на месте, понимая его состояние, испытывая нечто похожее в душе.

– Да, да... Ты береги себя там!– произнесла она, понимая, что говорит ерунду, что надо побежать, обнять, поцеловать, насладиться их встречей, ощущая, что она может быть последней, но что-то внутри нее, какая-то беспочвенная надежда останавливала.

– Детей не балуй!– наказал Петр, посматривая на закрытый сигнал семафора.

– Да куда уж баловать... Война ведь...– согласилась Акулина, чувствуя неловкость за свою излишнюю холодность.

– Подерягин!– окликнули его из забитой солдатами до отказа теплушки. В дверях виднелась чубатая голова лейтенанта Прохора Зубова – совсем молоденького парнишки, только что окончившего пехотные курсы и сразу же посланного за пополнением для вновь формирувавшейся где-то под Вологодой 100-й стрелковой дивизии Резерва Ставки.– Прощание закончить! Отбываем!– прокричал лейтенант, махая ему рукой.

Петр затоптался на месте вместе с Акулиной, улыбнулись друг другу, ожидая, что кто-то из них сделает первый шаг. В чуть раскосых черных, как смоль, глазах жены стояли слезы. В сердце мужчины противно заныло, но они так же стояли и смотрели друг на друга в немом ожидании чего-то непонятного, какого-то толчка, который раскроет их души навстречу, сломав защитную скорлупу, надетую каждым из

них, дабы не было так больно расставаться.

– Ну, пора!– проговорил он, разворачиваясь к теплушке, широким шагом пересекая узкий перрон. Паровоз уже дал прощальный гудок к отправлению, и вагоны с противным лязгом натянулись на автосцепке.

– Петя!– закричал вдруг Акулина, бросаясь за ним, будто только сейчас поверила в то, что провожает мужа на фронт.– Петя! Петька!

Она побежала за ним, путаясь в длинной юбке, бросилась к нему в объятия. Ощущая его запах, ставший родным, его колкую щетину на обветренном подбородке, целуя родное и такое любимое лицо короткими нежными поцелуями, чувствуя его крепкие, загрубевшие от тяжелой деревенской работы ладони у себя на плечах.

– Прости! Возвращайся скорей! Прошу! Умоляю! Возвращайся!– просила она, утыкаясь холодными губами ему в щеки.

– Подерягин!– эшелон медленно тронулся с места, проплывая мимо заполненного провожающими перрона, зазвучала откуда-то бравурная музыка, но ее, как и криков Зубова, Петр не слышал. Он впился губами в мягкие податливые губы жены, наслаждаясь их пряным вкусом, нежностью. Голова кружилась от сладкого ощущения счастья и горя. Эти два чувства одновременно переполняли его, заставляя сердце трепетать от непередаваемой любви, испытанной впервые так ярко и отчетливо.

– Подерягин!– вагон с лейтенантом проскакивал, как раз напротив них. Зубов наполовину высунулся наружу и отчаянно махал ему рукой, призывая вернуться.

– Мне пора...– прошептал Петр жене, поглаживая ее плечи.

– Петя...

– Пора!– он оторвался от нее, будто бросаясь в омут. Побежал за набирающим скорость эшеленом, стараясь не слушать и не слышать отчаянного крика жены, догоняющего его в спину. С головы Зубова слетела фуражка, на ходу Петр ее подобрал, ухватился за поручень, вталкивая себя в теплушку, набитую людьми, остро пахнущую человеческим потом, дымом самокруток и горящих дров.

– Ну...Подерягин!– стараясь казаться строгим начальником, проговорил ему Зубов, одевая на голову поданную фуражку.

– Виноват, товарищ лейтенант!– лихо вытянулся Петр, поддерживая паренька.

– Иди, погрейся!– благосклонно кивнул Зубов, указывая на освободившееся место подле буржуйки, где ласково и по-домашнему потрескивали дрова. – Наверное, застыл на холоде.

Петр кивнул, проходя среди нескольких десятков сонных, одуревших от постоянной езды тел, лежавших вповалку прямо на дощатом полу, укрытым душистым сеном. Где-то позади него, кто-то беседовал, рассуждая о том, что после Моск-

вы Гитлер не оправится, и их формируют, чтобы гнать супостата до самой границы. Чей-то охрипший болезненно-простуженный голос ему возражал. Они спорили, мешая дре-мать.

Возле буржуйки было тепло. Петр протянул к ней озябшие пальцы, ставшие колом на ледяном ветру, наслаждаясь мягким золотистым свечением пламени за чугунной задвижкой, вспоминая жадные целующие губы Акулины, ее прощальный взгляд черных глаз, в которые он когда-то влюбился окончательно и бесповоротно.

Да... Тогда тоже был март, когда он впервые увидел стройную статную девушку, идущую по проулку, где стояла их мельница.

– Чего застыл?– грубовато окликнул его отец, подталкивая в плечо. Выглянул в узкое чердачное окно и неодобрительно хмыкнул, покачав седой головой.– Герасимовых девка! Бесприданница...

Для богатых и зажиточных крестьян Подерягиных она была явно не парой для их сына. От того и бил нещадно Петьку отец, когда он ночами бегал к ней на улицу, а потом ходил сонный до одури по мельнице, сталкиваясь с деревянными притолками, словно слепой, а то задремывал где-то в углу, просыпаясь от доброго отцовского пинка.

– Куришь?– над головой раздался чей-то звонкий голос. Петр медленно повернулся, возвращаясь из терпкого плена своих воспоминаний. Рядом с ним усаживался молодой па-

рень, лет тридцати, достающий кисет из нагрудного кармана вылинявшей гимнастерки.

– Курю!– кивнул Петр, освобождая ему место перед буржуйкой. Пальцы отогрелись, разливая по телу приятное тепло.

– Угощайся!– парень протянул ему полный кисет, пахнущего кислым табака. Закурили, пуская сизый дым вверх, где уже под потолком плавало серое облако от десятка курящих.– Меня Гришка зовут!– протянул он мозолистую крепкую руку, которую Петр с удовольствием пожал. – Табак домашний! Ты не бойся...– похвастался он, делая первую затяжку.– Батя сам собирал по лету! Так и сказал, служи сынок, да вспоминай за что служишь...А сам я с Оскола. Знаешь такой город?

Петр кивнул, в пол уха прислушиваясь к болтовне Гришки, думая о своем, пытаясь прогнать из головы образ жены, оставшейся на промозглом перроне.

– Говорят, в Вологду гонят! Там целая дивизия формироваться будет,– болтал Григорий, не умолкая.– Пополнение на фронт! Мы теперь сам резерв Ставки будем! Самого Сталина! Слышишь меня или нет? Петь? Слышишь! Петр! Подерягин, ёшкин кот!

Кто-то тряс его за плечо, но вырваться из теплого плена буржуйки было очень трудно. Петр открыл глаза, с трудом вспоминая где он, разрывая вязкую сонную одурь.

Узкий, плохо протопленный барак с длинными щелями в

неплотно пригнанных стенах, сквозь которые слабо пробивались первые солнечные лучи. Ряды грубо сбитых нар по краям и земляной пол, от которого постоянно тянуло сыростью. На нарах, прижавшись плотнее друг другу, чтобы подольше сохранить тепло, спят такие же, как он, солдаты 100-ой стрелковой дивизии. Буржуйка, за которой он был поставлен следить – давно потухла. Лишь в самом ее углу, красноватым свечением тлели маленькие красные угольки.

– Ну, и здоров же ты спать!– покивал головой, стоящий над ним друг и товарищ Гришка Табакин.

С трудом, понимая. Где он находится, Петр потер глаза, вставая с нар. Только сейчас до него начала доходить мысль, что и прощание на вокзале с Акулиной, и знакомство с Табакиным ему приснились.

– Который час?– спросил Петр, шаря по земляному полу в поисках автомата.

– Светает! Твоя смена заступать в караул.

– Сейчас!

Выходить в сырость не хотелось. От мысли, что его ждет на улице, где еще лежал снег, вперемешку с липкой грязью, тело пробила крупная дрожь.

– Все нормально?– уточнил он, надевая на плечо автомат.

– Только холодно,– рассмеялся Гришка, усаживаясь на его место,– погода такая, что хороший хозяин собаку не выгонит.

– Служба...– протянул Петр, покидая натопленный барак.

В грудь ударил ледяной ветер, пытаясь повалить с ног. Теплогрейка не спасала. По груди забегали мурашки. Кирзовые сапоги провалились в грязную мутную жижу, поверх которой плавали комья сырого серого снега. В портянках захлопало. Тяжело ступая, борясь с налипающей на обувь глиной, Петр вышел к невысокому деревянному забору, туго обтянутому колючей проволокой.

Полевой лагерь 100-й стрелковой дивизии был расположен в угрюмом густом лесу недалеко от самой Вологды, недалеко от Кубинского озера. По правую сторону от него возвышались узкие пологие холмы, чем-то напоминающие Петру его родные меловые. Он помнил, как совсем еще маленькими детьми, они с друзьями бегали собирать малину под Масловку, где белыми глубокими промоинами, поросшие жиденькими соснами, их встречали, как им тогда казалось, самые настоящие горы.

На посту было тихо и спокойно. Ветер начинал стихать. Холодная оторопь, какая бывает, когда выходишь из тепла на улицу, поутихла. Подерягин размялся, легкими движениями рук, разгоняя тепло по телу.

Прямо перед ним сплошная стена, казавшегося в пред-рассветных сумерках черным, леса. Чуть левее узенькая тропинка, по которой солдаты их части ходили в деревню за домашним молоком и женским вниманием.

Надо бы письмо домой написать... Подумалось Петру, и он тут же решил. Что едва сменится, то непременно возьмет-

ся за это дело. Мысль о доме согрела, и мелкая белая крупа, то и дело сыпавшаяся с неба, уже не мешала.

– Рядовой Подерягин!– лейтенант Зубов показался откуда-то из-за спины. От холода его неприкрытые фуражкой поношески оттопыренные уши покраснели, нос стал сизым, а губы едва шевелились. Если солдатская телогрейка не спасала от пронизывающего ветра, то тоненькая шинелька и подавно. Полы ее были вымазаны грязью, а на сапоги налипла кусками глина.

– Я, товарищ лейтенант!– Петр попытался встать «смирно», но у него это плохо получилось.

– Заступил на пост?– дую на замерзшие пальцы, зачем-то уточнил Прохор.

– Так точно, товарищ...

– Ладно-ладно! Не кричи уж... Побудим всех...– лейтенант оглянулся на барак, сквозь щели в котором парило теплом и виднелся свет буржуйки с придремавшим возле нее Табакиным.– Тут дело такое, Петр Федорович...– замялся Прохор.– ЧП в городе случилось... Меня, только что вызывал комдив и рассказал. Из Вологодского СИЗО сбежали двое опасных рецидивистов, возможно уже вооружены. Так как у нас оружие и все такое... Надо б поглядывать!– то ли приказал, то попросил со значением Зубов, у которого совсем не просто складывались отношения с личным составом, многие мужчины из которого годились ему в отцы.

– Есть поглядывать!– кивнул Петр.– Вы б пошли погреть-

ся,— кивнул Подерягин на барак, наблюдая как неловкими замерзшими до крайности пальцами лейтенант пытается раскурить папиросу.

— Да, да...— согласился Zubov.— Пожалуй, пойду, подремлю. Скоро на фронт...— зачем-то вспомнил он, уходя в барак, гордо носящий звание казармы. Подерягин снова остался один. От нечего делать решил пройтись вдоль забора, мысленно начав писать письмо домой. Что он расскажет жене? О том, что формируют их в поле? Кормят сухпайком? И постоянно холодно? Или то, что скоро на фронт? Что командир у них хороший?

Петр повернулся назад, снова посмотрев на сгорбленную спину молодого лейтенанта, который обивал сапоги на пороге дощатого сарая. Нет...Он не напишет ей об этом. Не напишет о вшах, смертным поедом съедающих тебя настолько сильно, что ты не можешь неделями заснуть. Нет...Он напишет, что у него все хорошо! Спросит о сыне и дочке, ворчит ли дед Федька? И далеко от них немцы? Каков урожай? И живы — здоровы их многочисленные родственники? Он не напишет о своих бедах и лишениях, пусть Акуля не волнуется...

— Эй, служивый!— хриплый прокуренный голос окликнул его в тот момент, когда он уже заканчивал обход территории, борясь с навалившимся сном. Резко сдернув автомат с плеча, Петр направил его в сторону кустов, откуда ему послышался голос.

– Тормози, братан!– из-за толстой корабельной сосны на полянку перед колючей проволокой вышел мужик в черном ватном бушлате и шапке ушанке с опущенными ушами. Сквозь гнилые желтые зубы, он, лениво поплеывая, шел к нему, засунув руки в карманы.

– Стой стрелять буду!– угрожающе спокойно произнес Петр, передернув затвор ППШ, направив его прямо в грудь зэку, идущему на него.

– Да, не кипишуй ты!– из-за спины первого урки вышел еще один, пониже ростом и шире в плечах. Сквозь неплотно застегнутый ворот телогрейки виднелась густо татуированная кожа.– Мы ж без зла...закурить дай!

– Не курю!– коротко бросил Петр, почему не поднимая тревогу. Что-то его останавливало, что-то внутри, какая-то внутренняя нерешительность, словно он действительно верил в их добрые и вполне естественные намерения.– Стоять!– снова прокричал он, решив, что если зэк приблизится к проволоке еще на пару шагов, то придется стрелять.

– Стою, братан!– поднял руки вверх первый, усмехаясь беззубой улыбкой.

– Мы ж по-хорошему...Курить охота – сил нет!– теперь вперед выступил невысокий, чуть обогнув первого.

– Не курю!– палец Петра на курке задрожал. Он никогда не стрелял раньше в людей, никогда не убивал, оторопь брала от этого ощущения превосходства.

– Так хоть подкурить бы...Пару спичек...

– Сказал, не курю!– отрезал Петр.

– Ах ты, сука ментовская!– второй ринулся из-за спины напарника с быстротой молнии. В предрассветном густом тумане, клубящемся у влажной земли, мелькнуло острое жало финки, которое Подерягин еле успел заметить. Палец на спусковом крючке автомата непроизвольно дернулся, нажимая на спуск. Короткая каркающая очередь прорезала сумерки яркой прерывистой лентой. Петр увидел, как тугие пули разрывают телогрейку на груди бросившегося на него эка, как второй хватается за шею, как кровь хлещет из порезанной шальной пулей простреленной шеи.

– Сука...– прошипел первый, падая на землю у самой колючки. Отверстия на черном бушлате на спине еще дымились.

– Подерягин!– на крыльцо, спешно набрасывая шинель, одновременно доставая из-за пояса пистолет, выбегал лейтенант Зубов. Следом за ним, громко топоча коваными сапогами, выскакивали остальные из его роты, уже вооруженные и готовые ко всему. Петр устало закинул автомат за спину, выпрямился, стараясь не глядеть на только что застреленных им людей.

Проход Зубов вместе с Табаркиным прибежали первые. Один бросился к колючке, а второй ободряюще похлопал друга по плечу, проверяя, цел ли?

– Это что такое?– осмотрев лежащие тела, уточнил лейтенант.

– Зэки!– коротко ответил Петр.– Пришли, попросили закурить... Потом кинулись на меня, я стрелять. Вот...

– Ты что с ними разговаривал?– от удивления глаза лейтенанта испуганно расширились.

– А что ж в них сразу стрелять надо было? Люди все-таки...какие-никакие,– пожал плечами Петр, поправляя оружие.

– Сначала надо было сделать предупредительный выстрел, рядовой! Согласно устава...– за спиной столпившихся солдат из разведроты появился особист дивизии в кожаном до пят плаще фуражке с синим околышем. Он легко перепрыгнул колючку, присел рядом с трупом. Перевернул его на спину, прощупав пульс.

– Оба наповал!– сообщил он, обыскивая карманы зэков.

– Знатный ты стрелок, Петр Федорович, – рассмеялся Табакин, но тут же осекся, заметив строгий взгляд особиста.

– Кажется наши бегунцы...– майор Тополь брезгливо отряхнул руки, встав с колен.– То-то местная милиция будет рада! Одной головной болью меньше...

– Лейтенант Зубов, рапорт о случившемся мне и командиру дивизии на стол. Подерягина с караула сменить...

– Есть сменить...– хмуро кивнул Зубов, покусывая нижнюю губу, уперев взгляд в раскисшую землю.

– До выяснения всех обстоятельств рядового поместить на гауптвахту.

– Есть поместить!– Прохор вяло протянул руку Петру, за-

бирая автомат.

– Да что же это такое творится?!– возмутился Табакин.– Солдат на посту защищался, застрелил двух бандитов, а ему вместо медали на грудь, еще в «холодную» запихнули! Братцы! Где справедливость-то?

Но никто его уже не слушал. Четверо из их роты полезли за телами убитых ээков, а двое, следуя приказам лейтенанта Зубова, повели Петра к старому дощатому сараю, выполнявшему в части функции гауптвахты.

– Братцы. Как же это...– растерялся Гришка, но ответом ему было лишь надрывное карканье воронья, уже закружившегося над лежащими трупами.

« В оккупации »

Май 1942

После всех событий, произошедших после того, как немцы вошли в город и их деревню сельчане долго не могли успокоиться. То там, то здесь возникали группки людей, которые живо обсуждали события, произошедшие на площади перед сельсоветом. Кто-то осуждал сына Степаниды, намекая на то, что погиб зазря, кто-то наоборот восхищался его мужеством. Ведь он один, по сути, сумел противопоставить себя всем немецким солдатам вместе взятым.

Колька, наведя порядок в сараях, вместе с дедом Федором отремонтировал конскую сбрую – наступал период полевых работ, а теперь сидел на завалинке вместе с Шуркой, мастеря ей свистульку из глины. Акулина готовила вечерять, а дед Федька сидел рядом, о чем-то задумавшись.

Солнце медленно и неуклонно садилось за горизонт, оставляя после себя на небе размытые ярко розовые волны.

– Завтра ветрено будет...– произнес дед, закуривая ароматный табачок, набив его в самодельную узкую трубку, вырезанную из осины.

– Дед, а дед...– позвал его Коля, отвлекшись.– А немцы к нам надолго?

– Не знаю, внучек, мабуть может навсегда,– с горечью в голосе произнес старик, выдыхая терпкий дым вверх аккумуля

ратными круглыми колечками.

– А дядька Васька теперь за них?– спросила Шуручка, наблюдая за братом, нетерпеливо ерзая на месте, желая тут же опробовать новую игрушку.

– За них...– вздохнул дед Федор.

– Значит он враг народа?– невинно поинтересовалась Сашка, даже не представляя, что это слово может значить.

– Цыц, егоза!– прикрикнул на нее старик.– От горшка два вершка и туда же... Политику обсуждать. Свой он... Наш деревенский! Сама видела. Как комендант этот поступил. У Полухина и выбора-то не было! Помирать никому не хочется. Тем более так по-глупому...

– По глупому это конечно...– через невысокий, в половину человеческого роста плетень к ним во двор заглянул лысый мужчина слет сорока, через все его лицо шел широкий, плохо зашитый в свое время, шрам от сабельного удара. Одет он был в кургузый пиджак, почти новую железнодорожную фуражку со споротым околышем. Неизвестный приветливо улыбался, ожидая реакции деда Федора.

– Закурить-то не раздолжишься, отец? – с усмешкой попросил он, лихо поправив фуражку на затылок.

– А ты кто будешь, мил человек?– настороженно уточнил дед Федька, перехватив поудобнее костыль, с которым постоянно ходил, не расставаясь, еще со времен Гражданской войны, когда в одном из боев ему прострелили коленный сустав, оставив на всю жизнь почти инвалидом.

– Калика перехожий... Тут хожу, там смотрю... Авось, счастье найду!– туманно ответил мужчина, подходя к калитке.– Так что насчет табачку? Впустишь? Неудобно как-то на улице разговаривать...

– Отчего не впустить? Заходи...– пригласил дед, доставая вышитый узорами кисет, подаренный Акулиной сразу после ее свадьбы с Петром, чтобы хоть как-то умаслить слишком уж серьезного и несговорчивого тестя.

Колька и Шурка на завалинке замерли, чутко прислушиваясь к разговору взрослых. Им в силу их возраста все было интересно и до всего было дело.

– Так кто ты будешь?– отсыпав на подставленную бумажку чуть-чуть табачка, снова спросил дед, вытряхивая пепел из своей трубки, стуча ее о раненную коленку.

– Местный я, отец, местный. Селивановский я. Живу недалеко...– быстро и ловко скрутив самокрутку, мужик задымил, закашлялся тяжело и надрывно. – А табачок-то у тебя знатный... Горло продрало, даже в глазах защипало.

– Другого не держим!– довольный, что угодил рассмеялся дед Федор.

– Так что ты тут ищешь? – спросил он, разом посерьезнев.– Ходишь, бродишь... Аль, только за табачком зашел из самого Селиваново.

– Да нет, отец...– мужчина резко и быстро огляделся по сторонам, настороженно определив, не слушает ли их кто-то.– Хочу про немцев узнать... Сколько их? Где квартируют?

Не подскажешь ли?— голос неизвестного пришельца снизился до шепота. Он воровато огляделся, низко наклонив к деду Федьку свою лысую голову. Колька с Шуркой придвинулись поближе, заинтересованно затихнув.

— А что ж в Селиваново-то немцев нет?— вопросом на вопрос ответил дед Федька. Он прекрасно помнил те времена, когда вот таким же образом действовали провокаторы. Ты им расскажешь про то, какая власть плохая, что в колхозы насильно заставляют вступать, что мельницу отобрали, которую своими руками вместе с сыном ни один год строил, а потом приезжает воронок, и вежливый товарищ в форме с синими погонами предлагает проехать в особый отдел на беседу. Уж сколько раз так возили деда, он уже и не помнил. Не мог он простить советам, что из пусть и захудалого дворянина с небольшим поместьем в Нижегородской области, офицерским чином, он превратился сначала в обычного крестьянина со своей ветряной мельницей — единственной на всю округу, а потом и того лишился, став пастухом колхозного стада под давлением органов. Только это его и спасло от расстрела. А вот бабка Валентина Михайловна таких испытаний не выдержала, преставилась, как только мельницу отобрали, не смогла пережить такого самоуправства.

— Отчего же нет...— пожал плечами, прищурившись, лысый мужик.— Есть, конечно!

— Значит, не такие, как здесь?— насмешливо спросил дед Федька.

– Такие...

– Тогда чего ты мне, мил человек голову морочишь, ума пытаешь? Селивановский он... Знаем мы таких селивановских! Они после революции... – кулаки деда плотно сжались и побелели от злости.

Колька с сестрой, зная, что деда в таком состоянии лучше не трогать, быстренько сбежали в хату, плотно прикрыв за собой дверь. Акулина стряпала возле плиты, поминутно вытирая пот, текущий рекой от жара, который давала раскаленная до красна лежанка.

– Знаем мы таких! Иди вон со двора! Пока я тебя этим костылем не обиходил, как следует! – все больше распалялся дед. – Табачку ему! Ишь!

Его пламенную и яркую речь прервал выстрел, прозвучавший неожиданно и резко, словно материя треснула на платье пополам. Дети моментально бросились на улицу, сделав вид, что не расслышали предупреждение матери, доносящееся им в след.

Дед Федька уже стоял возле плетня, выглядывая на узкую улицу, поросшую с обеих сторон бурьяном. Рядом, чуть поодаль держался лысый мужик.

Возле дома Окуловых стоял мотоцикл с коляской. Возле него трое солдат в серо-зеленой немецкой форме. У одного из них на длинном поводке держалась собака, отчаянно залаявшая при излишне громком выстреле.

– Выходи, гад! – двери избы Окуловых распахнулись от тя-

желого крепкого пинка. Через порог, кубарем, не удержавшись на ногах, полетел их младший сын. Голова разбита. Из нее течет кровь, заливая глаза. Позади них заревела в голос бабка Нинка, схватившись за голову. Следом за ней вышли Василий Полухин и какой-то офицер. В руках офицера был автомат, которым он напряженно водил из стороны в сторону, вот-вот готовый нажать на спуск.

– Да что же это делается, господи...– прорыдала бабка Нинка, бросаясь к сыну, но бургомистр сурово отстранил ее. Отшвырнув к плетню. Сейчас он был непохож на того перепуганного человека, которого селяне видели на площади. Теперь Васька был одет в новенький пиджак, чистую холщовую рубаху-косоворотку и выстиранную кепку. На плече у него висела повязка с надписью «КАПО», а в руках была винтовка, прикладом которой он и рассек лоб сыну Окуловых.

– Эх, ты, ядрена шишка,– ругнулся дед Федька и попытался открыть калитку, чтобы броситься соседям на помощь, но на его плечо легла мускулистая рука лысого, до этого наблюдавшего за этой сценой в полном молчании.

– Не стоит, Федор Алексеевич,– попросил он,– парня уже не спасти, а себя и семью свою погубите!– проговорил он, прикусив от злости нижнюю губу. Колька с Шуркой заметили, что ему самому хотелось вступить за паренька, но чувство осторожности пересилило.

– Да я... Да он... Этот же Васька кум Петра – сына моего! Сволочь немецкая! Он же на коленях просил, не хотел, что-

бы его ставили бургомистром!— заревел дед, стучая по плетню своим сучковатым костылем.— Уколов Степан все пытался поймать Ваську на краже колхозного имущества, а теперь мстит, значит...

— Не надо...— неизвестный рассудительный мужчина отодвинул деда подальше от плетня, чтобы его не было заметно с улицы. — Вот, чтобы такие, как ваш Васька Полухин не ушли от наказания. Когда наша власть вернется, я и хочу узнать сколько немцев у вас квартирует, где они располагаются, кто помогает им... Поверьте, никто от наказания не уйдет!

— А ты что же...— отдышался дед Федька.— народный мститель будешь?

— Почти...— оглядевшись по сторонам, лысый полез куда-то в нагрудный карман, долго там шарил, пока не выудил оттуда помятое и потертое удостоверение в красной обложке.

— Грамотный?— уточнил он, подавая его деду.

Федор Алексеевич скосил на него умные глаза и молча взял корочку. Полушепотом медленно прочитал.

— Начальник Валуйского управления НКВД майор Говоров Тарас Павлович... Интересно, ядрена шишка! Что ж твои тебя бросили тут?— усмехнулся он, отдавая удостоверение назад.

— А никто...— начала было Говоров, но его прервал отчаянный крик. Оба мужчины бросились к плетню, за кото-

рым сын Окуловых оттолкнул одного из немцев в сторону и побежал по улице, петляя из стороны в сторону, как заяц. Солдат, кажется, это абсолютно не расстроило. Они рассмеялись над своим поднимающимся из пыли товарищем, а потом один из них указал автоматом на Василя. Мол, давай, стреляй, докажи свою преданность. Полухин затоптался на месте, беспомощно оглядываясь по сторонам, будто ища в глазах немцев какую-то поддержку или намек на то, что это все нелепая шутка. У него вовсе не входило в планы убивать своего односельчанина на глазах у всей деревни. Но фашисты были настроены очень серьезно. Один из них подал ему автомат, забрав из рук Василя винтовку. Кивнул на бегущего по улице Степана.

– Ком! Ком!– подбодрил он его кивком головы.

– Не выстрелит...– прошептал Колька, выглядывая из-за плетня.

– Ком! Ком!– улыбка медленно сползала с лица немца, уступая место злости. Еще чуть-чуть и солдат сам расстрелял Василя.

– Сейчас!– мокрая ладошка Шурки поплотнее обхватила руку брата.

Длинная тугая очередь разрешила тишину деревни. Степан Окулов неожиданно споткнулся, замер и кубарем полетел на землю. На его белой рубахе четко были видны пулевые отверстия.

– Гуд! – похвалил побледневшего Василя фашист, заби-

рая у того из трясущихся рук автомат. Видимо, опасаясь, что от избытка переживаний, он может повернуть оружие и против них. Овчарка залаяла, бросаясь на Полухина.

– Сука... – прошептал дед Федор, побелевшими пальцами сжав плетень, так сильно, что толстая перекладина лопнула под его сильными руками.

– Вот таких мы и будем наказывать, – тихо проговорил Говоров, отходя обратно к завалинке. Ему совсем невыгодно было, чтобы кто-то еще заметил его в деревне, – меня не бросили, меня здесь оставили по приказу партии, Федор Алексеевич.

– И в чем же приказ? – спросил дед, присаживаясь рядом. Его старые, но все еще крепкие руки, тряслись от злости. Дрожащими пальцами он набил трубку и глубоко затянулся, закашлявшись. Потом разглядел замерших внуков и закричал, срывая злость на них за свою беспомощность. – А ну, брысь отсюда! Нечего слушать такие разговоры! Малы еще... А туда же... Сейчас, как хворостину возьму. Да как пройду по заднице.

Он сделал вид, что ищет какую-нибудь палку для наказания. Детей, как ветром сдуло с завалинке. Они точно знали, что дед шутить не любит, а если наказывает, то потом недельку-другую сидеть на мягком месте не то, что больно, а практически невозможно.

– И в чем приказ? – повторил свой вопрос дед, удостоверившись, что дверь в хатенку прикрыта, и ни Акулина, ни

внуки их разговора слышать не могут. Мотоцикл за забором завелся и потарахтел по улице к приемной бургомистра, построенной на месте старой церкви, сожженной сразу после революции коммунистами.

– Не допустить, чтобы такие люди, как ваш Васька Полушин, спаслись от наказания. Собрать отряд и терзать немцев, заставлять бояться собственной тени! – горячо заверил деда Говоров, вытирая с высокого лба крупные капли пота.

– А кем же ты собираешься немцев-то терзать. Мил человек? Их-то поболи будет, чем один взвод! Вчера, говорят, румыны и итальянцы на станцию прибыли. Дивизия «Кассандра», кажется....

– Наш отряд состоит из комсомольцев и коммунистов, оставшихся в городе, чтобы защищать его... Человек пятьдесят уже наберется, – уверенно заявил Говоров.

– Только, что ты ко мне пришел? Стар я уже для того, чтобы по лесам скакать. Да и внуки с невесткой у меня на руках. Нога вот... – он с горечью посмотрел на искаленную ногу. – Да и не отношусь я партийным-то... Или мое личное дело ты не читал? Кулак, бывший офицер... Контра!

– Потому что читал, того и пришел, – проговорил Тарас Павлович, – на допросах стояли на своем, никого не предали, проявили себя с самой лучшей стороны! А то, что тягали в управление, партия осудила те времена, считая их перегибами. Вон, генерал Рокоссовский, и тот вернулся в армию прямо из лагеря в Кремль. Москву вместе с Жуковым спас.

Неужто вы зло затаили, Федор Алексеевич?

Перед глазами старика моментально всплыла серая полутемная влажная камера, с плесенью на стенах, где невозможно было ни сидеть, ни лежать, а только ходить. Постоянные допросы, которые тянулись долгими ночами, ухмыляющиеся глаза молодого следователя, обещающего расстрел... По бои... Выбитые зубы и боль от постоянных истязаний.

– Признавайся, сволочь белогвардейская! – прозвучала в ушах колокольным набатом воспоминание о последней ночи в застенках конторы.

Отобранная мельница и смерть жены... В левом боку неприятно затянуло. Сердце у него начало пошаливать еще с тех самых времен. Слишком ярко, слишком живо – все еще было в не зарубцевавшемся сердце.

– Не затаил... – после долгой паузы произнес дед Федор. Картинки из прошлого сменились вчерашними воспоминаниями. Убийство сына Степаниды, Степки Окулова... Их трупы, валяющиеся в пыли посреди дороги. Боль и ужас, охватившие их семьи, и радостное гоготание немцев, будто они провернули лихую и очень веселую шутку.

– Нет у меня злости на советскую власть! Обида есть! – честно ответил дед Федька. – Злости нет!

– Мне нужен связной, который станет моими глазами и ушами в каждом селе, на каждой улице райцентра. Я хочу знать обо всех передвижениях немцев, обо всех передислокациях румын и итальянцев. Все!

– Много чего хочешь...– коротко бросил дед Федька. – Нашел связного. Калеку...

– Прошу вас!– горячо попросил Говоров.

– Добро!– согласился дед Федька.– Будет тебе связной... А сейчас иди с Богом! Не хватало бы, чтоб тебя кто узнал тут.

Говоров кивнул, подал руку для рукопожатия, но Подерягин – старший сделал вид, что не заметил ее. Отвернулся, заходя в дом. Перекрестился на образа. Оглядел комнату, где кроме лавок и стола с колченогими стульями, да узкого сундука ничего и не было. Колька и Шурка сидели на печи, высунув грязные носы, любопытствуя из-за занавески в красный горошек.

– Кто это был? – спросила Акулина, накрывая на стол, жидкий суп и лепешки из лебеди зеленоватого цвета.

– Знакомый один заходил. Справлялся, как дела у нас...– взяв деревянную ложку, дед Федор с удовольствием зачерпнул пахнущее укропом варево.

– Знакомый? Я что-то таких не помню...– проговорил задумчиво Акулина, вытирая мокрые руки о подол фартука, усаживаясь за стол рядом со свекром.

– А он мой знакомый, городской... В тридцать седьмом с ним познакомились...– угрюмо буркнул дед Федор, раздумывая о чем-то своем.

«Знакомство с особистом»

Март 1942

В штабе царила традиционная суэта. Составлялись планы, щелкали клавиши пишущих машинок. Ординарцы носились из одной комнаты в другую, слышался чей-то рассерженный голос, отчитывающий нерадивого исполнителя. Лишь в кабинете командира дивизии полковника Перховича было спокойно. Горела буржуйка, потрескивая дровами, выпуская ароматный смолистый дым через узенькое отверстие в трубе.

Франц Иосифович перебирал штабные карты, продумывал будущий маршрут многокилометрового марша, рассчитывая сколько техники понадобится для того, чтобы вывести скудное хозяйство нажитое в Вологде, сколько железнодорожных составов и времени необходимо для перевозки такого количества людей и техники. В дверь постучали.

– Входите!– не отрываясь от бумаг, произнес полковник, поправляя сползшие на нос маленькие очки-половинки. Он был немного подслеповат. Годы давали свое, ведь Франц Иосифович присягал задолго до образования республики советов и русской революции. Служил на фронтах Первой Мировой, где впервые встретился с немецким военным педантизмом и отточенной тактикой кинжальных обхватов. Окончил пехотное училище, выходец из дворянской семьи. Он

получил замечательное образование, разговаривал на двух языках, прекрасно мог найти себе работу и в эмиграции, но в какой-то момент, когда самодержавие рухнуло. Решил остаться на Родине, присягнув РККА. С того момента прошло много лет, но никогда Перхович не пожалел об этом. Даже когда повсеместно черные воронки темной непроглядной ночью забирали его сослуживцев, таких же белых офицеров, перешедших на сторону победившего социализма, Франц Иосифович оставался непоколебим, уверен в том, что государство лучше знает, что оно разберется. Воспитанный в лучших традициях монархизма, он не мог, не умел думать по-другому, свято оставаясь верен своей клятве служить России.

На пороге его кабинета, если можно было так назвать узкую, будто пенал для карандашей, лачугу, освещенную тусклым светом керосиновых ламп, развешенных по углам, стоял начальник особого отдела дивизии майор Тополь – хамовитый нагловатого облика офицер, который имел довольно смутное представление о военной службе и организации войскового жизнеобеспечения, зато умело и ловко составлял докладные записки на имя начальника особого отдела армии товарища Гаврилова.

– Разрешите, товарищ полковник?– уточнил он, расстегивая черный кожаный плащ, который придавала ему сходство с теми самыми первыми чекистами, строившими революцию, чем Тополь в душе невероятно гордился. Перхович

кивнул и убрал бумаги на край стола. Усталое снял очки, протер их идеально белым платочком. Терпеливо стал ждать, уверенный, что майор начнет объяснять сам, зачем пришел.

– Товарищ полковник, – начал, откашлявшись, Тополь, заметно смутившись от такого спокойного и холодного приема, вам известно, что творится в вашей 189-ой разведроте? Особый отдел очень обеспокоен происходящими там событиями... – покачал он головой, выводя полковника на разговор.

– И что же у меня творится в разведроте? – спокойно переспросил Перхович, все так же протирая очки.

– Вы в курсе утреннего инцидента?

– Конечно, товарищ майор! Командир дивизии обязан знать, что творится в вверенном ему подразделении, – Перхович наконец-то отложил свои очки и посмотрел на особиста прямо и открыто, – что такого в том, что наш солдат застрелил двух опасных преступников, которые намеривались на него напасть, отобрать оружие и черт знает, простите, как им воспользоваться... Наградной лист на присвоение младшего сержанта я ему уже подписал и отправил в штаб армии...

– Да как... – майор Тополь не мог выговорить и слова. Его скрутило от злости, и если бы он мог, то он непременно врезал бы этому заумному старому деду, корчащему из себя, не пойми что... – Я посадил его на гауптвахту!

– За что, если не секрет? – улыбнулся полковник своей спокойной дедовской улыбкой, которая вроде и не таила в

себе опасности, но вкупе со вкрадчивым голосом, напоминало шипение гадюки, готовой броситься из-за кустов на противника. Его не могли съесть тогда, в тридцать седьмом, не позволит он сделать этого и сейчас.

– За невыполнение пунктов устава гарнизонной и караульной службы. Перед открытием огня по мирным жителям рядовой Подерягин был обязан сначала сделать предупредительный выстрел, а потом открыть огонь на поражение.

– Боюсь, бежавшие заключенные ни того, ни другого сделать ему не позволили. В сложившихся обстоятельствах, я считаю, что солдат поступил абсолютно правильно,— отрезал Перхович, начиная закипать.

– Да вы видели вообще его личное дело?!— разозлился майор Тополь, вскочив со своего места. Нависнув над Францом Иосифовичем, как скала.— Сын дворянина, кулак, ярый противник революции! Таких расстреливать надо, а не награждать!

– Хватит!— стукнул кулаком Перхович, вскочив следом, расплескав по оперативным картам остывший чай.— Хватит! На расстреливались! Страна находится в состоянии войны с сильным и хорошо обученным противником! У нас каждый солдат, каждая жизнь на счету, потому что идет война на полное истребление! От таких вот, как этот ваш Подерягин. Умудренных жизнью сорокалетних мужиков, на фронте больше толку, чем от безусых идеалистов, которых можно использовать только как пушечное мясо, чтобы заткнуть

дыры на фронте!

– Ах, вот вы как думаете о настоящих коммунистах? О комсомольцах, идущих добровольцами на фронт! Для вас они пушечное мясо? А кулак, белобандит, контра вшивая – настоящий защитник Отечества?

– Давайте закончим этот разговор, товарищ майор! – остыл Перхович, который понял, что наговорил лишнего и перегнул палку. – Пока я командир дивизии и я отвечаю за ее боеспособность! Такие как Подерягин в разведке нужны. Что может придумать лейтенант Зубов – восемнадцатилетний мальчишка, только что окончивший пехотное училище, опираясь на таких, как этот солдат, у него появляется робкий, но единственный шанс выжить!

– Понятно все с вами... – обреченно покивал головой Тополь, застегивая плащ обратно, собираясь на выход. – Перед моим назначением в управлении штаба армии мне тоже говорили, что вы из этих...

– Этих? – нахмурился Перхович.

– Разрешите идти, товарищ полковник? – сделав каменное лицо, спросил разрешения особист.

– Что значит из этих майор?

Но Тополь, не ответив, быстрым шагом покинул штаб. Перхович устало сел на свое место и потер усталые, воспаленные от постоянного недосыпа, глаза. Ему не хотелось ссориться с особым отделом, но и отдать на растерзание НКВД хорошего солдата он не имел права, не этому его учили в пе-

хотном училище. Руки трясло. Он с удовольствием отхлебнул холодный чай, наслаждаясь его сладостью. С мыслью о том, что Тополь, так этого не оставит и обязательно доложит о случившемся в штаб армии. Ну и плевать... Подумал Франц Иосифович. Дальше фронта сейчас уж точно не пошлют. Через пару минут он снова склонился над картой, прокладывая маршрут переброски дивизии под Воронеж, где она вскоре должна была войти в состав 40-ой армии Воронежского фронта.

6

Пребывание Подерягина на гауптвахте закончилось так же молниеносно и быстро, как и его попадание туда. Петр, пожалуй, даже не успел осознать моментально меняющуюся ситуацию. Вот только что, он отдавал свое личное оружие, ремень своему комроты, спарывал пуговицы с гимнастерки, а через полчаса в его сарай зашел сам Прохор Зубов и отдал все обратно с извиняющимся видом, явно смущенный такими переменами.

В душе Петр понимал, что парнишка не виноват, что мал еще, чтобы показывать зубы таким волчарам, как дивизионный особист, вступаясь за своих людей, но горечь все равно осталась, потому он и не жалел виновато потупившего глаза в пола лейтенанта.

– Петр Федорович...– он протянул автомат и солдатский ремень лежавшему на узких плохо обструганных нарах Подерягину.

– Я так понимаю, я прощен?– с легкой усмешкой сквозь свои черные густые спросил Петя, принимая всю амуницию от своего командира.

– Командир дивизии подписал представление в штаб армии на младшего сержанта...

– Угу...– буркнул Подерягин, натягивая ремень.– Это конечно было бы хорошо, если б еще сержантов точно так же,

как и рядовых не убивали.

– Всех убивают!– заметил Прохор.

– Вот и я говорю, товарищ лейтенант,– улыбнулся ему Подерягин,– что, какая разница, сержантом тебя убьют или рядовым? Семье ведь от этого легче не станет? Детям твоим? У тебя есть жена, Проша?– неожиданно по-домашнему обратился к нему Подерягин, глядя прямо лейтенанту в глаза.

– Только мать в Ленинграде...

– А у меня жена и двое деток! Думаешь мне охота умирать? Нет, Прохор Иванович, не охота!

– А Родина?

– Родина...– задумался Петр, а потом, словно надумав что-то, присел рядом с лейтенантом, отложив автомат в сторону.– А что мне дала Родина? Вот бьюсь и не припомню. Может хату срубила? Нет...Когда отца поместье отобрали, сожгли, мы переехали сюда, и тут дед мой развернулся. Сам смастерил избу, сам поставил мельницу, начав молоть муку всем в ближайших селах. К нему из города ехали, помол такой мелкий был. И что? Кулаками сказались... Отобрали мельницу, батю в колхоз запрятали коровам хвосты крутить. Меня трактористом на МТС. Так за какую Родину мне надо умирать, а? За ту, которая мне все это сотворила? Или за какую-то другую? Вот, что я скажу тебе товарищ лейтенант, выбрось из головы всю эту ерунду про Родину. Ты защищаешь свою мать и свой дом, больше ничего! Такие фанатики, которые за Родину, за Сталина кричат на полях сражений,–

он понизил голос до почти шепота, – на дзот грудью бросаются, под танк со связкой гранат, таранят вражеские «мессеры» в небе... Они не понимают, что дзот можно было обойти, не положив роту возле него, танк пропустить, а пехоту от него отсечь, а с самолета катапультироваться, чтобы потом на другом таком же уничтожить десять, нет, двадцать истребителей врага. Для них главное почетно умереть, а не победить, чтобы товарищ Сталин покивал головой, читая заметку в «Правде» и похвалил. Вот когда ты это поймешь, что надо воевать без фанатизма, а просто профессионально, тогда и станешь хорошим офицером.

– Но вы же пошли на войну... – заметил потрясенный Зубов, для которого слова Подерягина стали настоящим откровением. Это настолько сильно отличалось от того, что ему говорили, в школе, в училище, настолько было оглушительно резко и болезненно, что он чуть не расплакался совсем по-детски, чувствуя, как все его внутренние идеалы втаптывают в грязь.

– Пошел! – кивнул Петр, вставая с нар. – Не хочу, чтобы мои Шурка с Колькой, когда подросли на немецком балакали... Разрешите идти, товарищ лейтенант? – спросил Подерягин, но Зубов не услышал его вопроса. Он отрешенно смотрел в противоположную стену, решая очень сложный, первый серьезный в своей восемнадцатилетней жизни вопрос. Кто этот рядовой Подерягин? Тщательно маскировавшаяся все эти годы контра? Или все-таки патриот, который любит

свою Родину, молотившую его почем зря всю его сознательную жизнь, то и дело, опуская на самое дно существования, своей, извращенной грубой любовью?

После затхлого, пропахшего насквозь мышами сарая воздух на улице показался кристально чистым. Петр с наслаждением вдохнул его, подумав, что зря все-таки открылся Зубову. Мало ему было проблем с особистом, который спит и видит, чтобы разоблачить в нем немецкого шпиона, так теперь еще, похоже, он умудрился настроить против себя и лейтенанта.

– Петька! Петр!– откуда-то сбоку от него раздался голос Гришки Табакина. Спотыкаясь, он бежал к нему по начинающей подсыхать дорожной грязи. – Выпустили все-таки? А у нас весь взвод не верил... Говорят, если майор Тополь в кого-то вцепится, то его силой не оторвешь...

– Оказалось можно,– пожал плечами Подерягин, двигаясь в сторону их барака.

– Говорят, сам Перхович за тебя заступился!– довольно сообщил Табакин, будто это за него писал представление сам командир дивизии. Хороший он был парень Гришка Табакин – простой и открытый, такие Петру нравились. – Особист то, особист это... Да что там говорить! Сами милиционеры из Вологды приезжали, хотели лично благодарность тебе выразить, да только Тополь не пустил...

Гришка оборвался на полуслове, только сейчас заметив, что настроение у Петра далеко не радостное. Подерягин по-

ложил автомат на нары, а сам сел за небольшой стол, где солдаты обычно писали письма домой. Свет от чадающей керосиновой лампы был слабым, но Петр все равно достал мятый тетрадный листок и чернильный прибор.

— Понятно... — поняв, что он сейчас стал лишним Гришка со вздохом удалился из палатки, оставив Петра наедине со своими мыслями.

Желание написать письмо домой пришло неожиданно, вместе со спором о Родине и семье. Вспомнились улыбочивые, черные, как омут глаза Акулины, ее мягкая покорная улыбка, вредный и склочный голос отца, шумливые выходы Коли и послушная Шурочка. От тоски засосало в груди. Макнув перо в чернильницу, он хорошо поставленным почерком начал писать, зная, что из всей семьи грамотным является лишь отец, Петр обращался ко всем сразу:

Дорогие мои, домашние! Шлю вам привет из холодной и зябкой Вологды, где стоит наша часть. Здравствуй, моя дорогая и любимая Акулюшка, как ты там живешь без меня? Как здоровье? Как ведет себя батя? Как дети? Передавай большой привет Николаю и обними за меня крепко-крепко нашу Шурочку! Подросли уже, небось? Сколько времени прошло с того момента. Как я попал в армию... Уже май, а прощались мы в марте, как я жалею, что так и не сказал тебе, что очень вас всех люблю! Немцы от вас далеко? До нашей части новости доходят плохо! Стоим в лесу, Вологда где-то рядом. Познакомился с земляком Гришкой Таба-

киным . Служим с ним в одном подразделении. Командир у нас хороший, но молодой и горячий. Зовут Прохор Зубов – коренной ленинградец. Гришка со Старого Оскола.

Уж, простите меня, что не так часто пишу. Редко выпадает свободная минутка. Все чаще нас гоняют на стрельбы, марши и учения. Командир дивизии – Франц Иосифович Перхович белый офицер, человек чести и наивысшего достоинства. За солдата заступается и в обиду никому не дает.

У вас, наверное, уже сады зацвели? А здесь слякотно, сыро и промозгло...Постоянно дует холодный ветер! Тут и снег не везде сошел. Служу нормально, служба нравится. Сегодня за задержание особо опасного преступника обещали повысить в звании. Буду младшим сержантом, но вряд ли пропустит штаб армии. Слишком у нас , бать, подпорченная биография.

Ходят слухи, что скоро возможно пошлют на фронт. Оттуда почта будет ходить медленнее. Не все время нам в резерве ставки стоять! Как отправимся и куда – напишу. За этим прощаюсь, всех обнимаю и целую!

Май 1942 года Вологда

Ваш сын, муж и отец Петр Подерягин.

Еще раз перечитав письмо, коротенькое и лаконичное, Петр отложил перо и аккуратно закрыл чернильницу. Легкими, давно заученными движениями свернул треугольник, на таком импровизированном конверте подписав несколько строчек адреса.

Мысль о том, что его родное село находится в оккупации, даже не приходило ему в голову. Мир разделился для него с марта месяца по какому-то территориальному признаку. Там, где находилась его семья – был мир, а там где он – война. Вот такое странное ощущение ему перебороть никак не выходило, зато получилось одолеть нахлынувшую после всех сегодняшних перипетий грусть. Какую мог нежность, накопившуюся в сердце, он вложил в это коротенькое послание и стало немного полегче, словно поговорил с родными, хвастаясь своими успехами, стараясь оградить от неурядиц.

Спрятал письмо в карман, пообещав себе, что завтра непременно отдаст его почтальону. Сквозь щели в бараке спускались серые сумерки. Он все никак не мог привыкнуть к вологодским вечерам, когда не было розового длинного заката, как на его родине, а ночь опускалась в одно мгновение, будто везде тушили свет. За дверями барака слышались голоса сотни ног, возвращающихся с вечерней прогулки. Кто-то запел песню. Перед баракom шаги стихли, раздался звонкий голос Зубова:

– Становись!

Спохватившись, Петр схватил автомат и поспешил на вечернее построение. Не хватало еще за это сегодня ему заработать несколько суток гауптвахты. Он бегом врезался в кривоватый стоящий строй, заняв свое место возле Гришки Табакина. Перед строем стоял лейтенант с розовыми от мороза щеками и зачитывал список личного состава:

– Начинаем вечернюю поверку. Александров...

– Я!

– Барабулька!

– Я...

« Комендант Бааде »

Июнь 1942

Эрлих Бааде наслаждался в своем рабочем кабинете первым утренним кофе. За окном светило солнце, пробиваясь своими яркими лучами через неплотно прикрытые шторы, пахло начинающей зацвести черешней и абрикосом. Такого одурманивающего запаха в его родной Германии не было. Там пахло по-другому, если вообще пахло.

Он с наслаждением распахнул плотно закрытые створки окна и потянулся. День обещал быть хорошим. Гладко отутюженный мундир висел на спинке стула. Под окнами куда-то промаршировал патруль. С ревом покатил грузовик, плотно набитый солдатами тайной полиции вермахта. Эрлих с неудовольствием вспомнил, что через несколько минут к нему должен заявится проклятый итальяшка – командир итальянской дивизии «Виченца» и так называемый союзник.

К макаронникам он испытывал нечто сродни брезгливому отвращению. Что стоит говорить о них? Если показателем их боеспособности является количество гвоздей вбитых в их тоненькие, летние ботинки, если в эти проклятые русские степи они прибыли на мулах и ишаках, навьюченных разномастным оружием, которое в вермахте уже давно бы ушло под списание!

Эрлих их понимал, но не принимал. Каждому хотелось

успеть под дележку лакомого куска пирога под названием Советская Россия. Вот и этот хитроумный Муссолини, чтобы не опоздать или вообще не участвовать прислал этот альпийский экспедиционный корпус. Теперь Бааде был вынужден его как-то использовать, разбираться с его мародерами и недовояками.

– Господин комендант!– в дверь заглянул его личный адъютант, которым он обзавелся, как только вступил в должность. Это был молодой хваткий парнишка, который отлично справлялся не только со своими прямыми обязанностями, но и в каждом городе, где они находились умудрялся найти такие вещи, которые вдвоем они потом вагонами отправляли в родную Германию, откладывая на безбедную старость.

– Да, Герхард!– кофе остыл и отдавал горечью. Как давно он не пил настоящего кофе! В армию поставлялся суррогат, который химики Рейха творили, чуть ли не из опилок. Пах он похоже, но на вкус напоминал жженую резину. Так, когда он пил кофе последний раз? Это было в госпитале, точно! Госпитале, за попадание в который он благодарил Бога ежечасно. В 41-ом Эрлих Бааде служил командиром штурмового батальона «Викинг» 8-ой пехотной дивизии группы армии «Центр». Они медленно и уверенно ползли от самой границы союза, подавляя сопротивление русских без особого труда, пока не столкнулись с хорошо организованной обороной под Москвой. Пришлось перейти к вынужденной обороне. Ударили лютые морозы, а окопная жизнь привела Эрлиха на

больничную койку с гангреной. Ногу удалось спасти, но к строевой службе он оказался негоден, а вот его батальон в полном составе погиб при контрнаступлении советов. С того момента Бааде считал, что родился под счастливой звездой, и все что не делается в этом мире, все к лучшему.

– Слушаю!– повторил он, одним глотком допивая кофе и набрасывая на плечи мундир, висящий на стуле. Свою комендатуру он решил совместить с единственным нормальным жильем в этом полу деревенском захолустье. Двухэтажный дом, разделенный на множество квартир, скорее всего, принадлежал до оккупации каким-то партийным бонзам советов. На первом этаже Эрлих устроил приемную, а на втором комнаты отдыха, но иногда, заработавшись, он оставался ночевать и в рабочем кабинете.

– К вам генерал Бруно Виери!– отрапортовал адъютант. По его воспаленным красным глазам, Бааде понял, что молодой парень снова ночевал у русской девицы, о посещении которой коменданту города тут же доложили. Журить паренька он не стал, но предупредил, что эти отношения могут плохо закончиться. Русским верить нельзя. Та же самая грязная шлюха, за еду делящая с тобой постель, может однажды ночью воткнуть тебе нож в спину, объяснил он ему. Адъютант согласился с доводами начальства, но делал по-своему.

– Впусти!

Громко цокая каблуками, словно только что подкованная лошадь, в кабинет коменданта зашел генерал Бруно Ви-

ери. Белый парадный китель сверкал непонятными орденами. Идеально начищенные сапоги матово блестели в лучах медленно поднимающегося солнца. На голове Бруно была широкая пилотка с аляповатой кокардой сухопутных войск Италии, а в руках Виери крутил тоненький стек, взятый на встречу с Бааде, наверное, для пущей важности.

– Я приветствую вас, мой друг! – щелкнул браво своими сапогами генерал, поклонившись.– Командир дивизии «Ви-ченца» – генерал Бруно Виери.

– День добрый, господин генерал!– Эрлих подал ему руку, и указал на стул, приглашая присесть.– Я так понимаю, что ваша дивизия прибыла на станцию и готовится к выгрузке из эшелонов? – спросил комендант, прикидывая, куда можно расселить такую огромную ораву прожорливых макаронников.

– Да, господин комендант! Дуче послал нам помочь нашим немецким союзникам в нелегкой борьбе против этих восточных варваров. Мои войны готовы не жалеть живота своего ради...

– Я понял,– прервал его Эрлих, подумав о том, что дуче послал их вовсе не помогать. А по возможности тянуть из России все, что только можно.

– Прошу довести до моего сведения ваш план по размещению моих частей и подразделений!– недовольно поджав губы, проговорил итальянский генерал.

– Вы находитесь в резерве 6-ой армии генерала Паулюса.

Мне приказано, разместить вас на квартиры в этом районе и его окрестностях. Планы размещения вы можете взять у моего адъютанта,— Эрлих внимательно уставился в глаза Бруно Виери, и тот вскоре не выдержал этой игры взглядов. Резко встал со своего места и оправил мундир.

— Благодарю вас!— кивнул и широким шагом покинул приемную. Дверь за ним с грохотом захлопнулась, даже штукатурка осыпалась вниз. Бааде недовольно поморщился, когда Бруно напал на бедного Герхарда. Его отчаянный крик слышали наверное в соседних домах. Оскорбленный в лучших чувствах столь холодным приемом, его крик был слышен даже на улице. Он требовал точные координаты, карты, эшелоны, но Эрлих был уверен в своем адъютанте. Хитрый и сообразительный парнишка сможет справиться с экспрессивным итальяшкой.

Сел за бумаги, но работать не выходило. Протерев монокль, Бааде вспомнил, что собирался съездить сегодня на станцию и посмотреть, как идет укрепление этого района. Почему бы этого не сделать сейчас? Машина —старенький «виллис» уже тарахтела у подъезда. Личный водитель отличался немецким педантизмом и ждать его никогда не приходилось. Надев фуражку, он вышел из приемной.

Бруно Виери уже исчез. Его гневная ругань слышалась где-то на улице. На своем каркающем языке он костерил союзников почем свет стоит. Ну и пусть... Из итальянцев военные...

– Я на станцию!– сообщил он Герхарду, мгновенно вскочившему при его появлении.

– Мне отбыть с вами, господин комендант?

– Нет, Герхард,– покачал головой Бааде,– разберись с размещением этих макаронников. Пусть успокоятся, наконец.

– Есть!

Тяжело ступая, поврежденная нога еще с утра начала ныть, Бааде спустился вниз. Несколько офицеров вскинули, проходивших мимо вскинули руки в приветствии. Он ответил. Водитель предупредительно бросился распахивать дверь, когда звериным чутьем, оставшимся со времен битвы под Москвой комендант города почувствовал неладное. Слишком тихо было на улице. Кроме немецких солдат и офицеров никого из прохожих видно не было. Только на другой стороне улицы шел молодой человек в необычайно длинном плаще для этого времени года. Бааде остановился, глядя на него. Смутное предчувствие засосало под ложечкой. Минуты шли, а он все наблюдал, как приближается к нему этот молодой паренек.

– Господин комендант!– окликнул его водитель.

– Да, Ганс!– плащ местного паренька распахнулся. Рука, спрятанная за его полу, потянулась вверх. В ней блеснул холодный металл, кажется револьвер. Сейчас...

Бааде прыгнул в сторону, на секунду опережая выстрел. Пуля прошла где-то над головой, опалив висок. Фуражку снесло в сторону и будь комендант чуть по нерасторопнее,

то, несомненно, уже лежал бы с прострелянным черепом на земле. Парень продолжал стрелять, приближаясь.

– Господин... – начал было водитель, потянувшись в салон автомобиля за оружием. Не было времени думать. Эрлих ухватил его за плечи и развернул к убийце, прикрываясь телом своего шофера. Еще три выстрела... Тело немецкого солдата несколько раз дернулась в его руках. Левый рукав обожгло болью. Эрлих застонал, выпуская тяжелое тело шофера из рук. Пальцы мгновенно онемели. С грохотом он рухнул на землю, возле «виллиса».

Конец... Подумал комендант, видя, как быстрым шагом убийца приближается к нему. Конец... Черное дуло повернулась в его сторону, замерев точно напротив лба. Щелчок... Опустевший барабан крутнулся, так и не выплюнув смерть. Щелк... Щелк... Парень нажимал на курок, еще не сообразив, что закончились патроны. Щелк!

– Ахтунг! – длинная очередь дежурного патруля прорезала тишину еще дремавшего города. – Ахтунг!

Окно комендатуры со звоном битого стекла вылетело, и оттуда застрочил автомат.

Парень испуганно отбросил в сторону револьвер и побежал вниз по улице. Ему в след ударил автомат, выбивая фонтанчики земли у его ног. Из комендатуры выбежало несколько солдат, бросившихся в погоню, и Герхард.

– Взять живым! – прохрипел Бааде, зажимая рукой сочащуюся кровью рану чуть выше локтя.

Адъютант обернулся, но ничего не сказал. Среди пустых кварталов было хорошо заметна сгорбленная фигура паренька. Герхард остановился, переводя дыхание, тщательно прицелился. Пуля срикошетила от кирпичной кладки чуть выше, чем необходимо. Убийца нырнул в один из проулков, позади него слышался лай собак, автоматные очереди и топот ног, но знакомый со всеми закоулками родного города комсомолец легко скрылся от преследования, и погоня вернулась ни с чем.

Тяжело дыша, адъютант бросился к коменданту, сидящему на земле и зажимающему рану чуть выше локтя. Сквозь тонкие пальцы текла тонкая струйка крови. Он морщился, но выглядел не при смерти.

– Господин комендант, – бросился Герхард к нему.

– Вы его догнали? – прохрипел Бааде, подслеповато щурясь. Монокль в ходе этого покушения разбился и висел бесполезным медальоном у него на шее.

– К сожалению, преступник скрылся...

– Немедленно начальника тайной полиции ко мне! – взревел Эрлих. Испуг прошел. Теперь вместо чувства панического страха в его сердце клокотала злость, требующая немедленного выхода.

Но сначала его осмотрел доктор Шюрле. Бааде уложили на твердый диван, оставшийся в комендатур от прежних хозяев. Руку перевязали, и опытный специалист заверил, что ничего страшного не случилось. Пуля прошла на вылет, не

задев кости, а прошив лишь мягкие ткани. На руку коменданта наложили повязку, а самому офицеру прописали покой.

Таким его застал Василий Подерягин, приехавший в город на доклад о состоянии дел в селе.

– Вчера был проведен арест пособника коммунистов Степана Окулова. В ходе задержания подозреваемый был застрелен, – доложил Василь, избегая смотреть на коменданта.

Он вообще уже передумал идти на доклад, когда узнал о покушении, но страх перед возможным наказанием пересилил личные амбиции. Полухин долго топтался на пороге комендатуры, пока его не заметил рассерженный Герхард. Пришлось объяснить, почему он тут ошивается, а потом и последовать за хмурым адъютантом.

– Погиб, значит? – уточнил Эрлих, на лбу которого выступила легкая испарина. Действие обезболивающего прошло, и раненая рука начала противно дергать.

– Так точно! – кивнул Василь.

– Это хорошо, мой друг! – похвалил его Бааде, пытаясь подняться на диване. Полухин услужливо бросился ему помогать, поправляя под спинкой подушку. – Сегодняшние события показали, что не все коммунисты сбежали из города. Часть из них осталась и продолжает вести партизанскую борьбу. Мне нужна информация обо всем, что случается у вас подозрительного на вверенной вам территории. Все

незнакомые люди, все контакты, бывшие коммунисты, мне нужно знать о каждом, чем кто дышит! Нас должны бояться, чтобы начать уважать!

– Я понял, господин комендант!– кивнул понятиливо Василь, заискивающе глядя в глаза Эрлиху. Эта почти собачья преданность была Бааде неприятна, он брезгливо отвернулся, чтобы не плюнуть ему прямо в лицо.

– Я выделю вам несколько солдат из комендантской роты, чтобы они сохраняли спокойствие и порядок на вверенной вам территории! Можете считать это вашей личной охраной. Как видите...– он с грустной улыбкой показал Василию перебинтованную руку.– Охрана нам в наше беспокойное время не помешает!

– Это точно!– обрадовался Полухин, который после вчерашнего убийства Степан Окулова все чаще стал замечать злые и мстительные взгляды односельчан.

– Забирайте, Василий, их немедленно, а приказ я подпишу чуть позже!– благосклонно кивнул головой комендант, давая понять, что аудиенция закончена. – И помните, Василий, мне нужна любая информация о партизанах или других подпольных организациях, действующих в нашем районе. За эту информацию, вы будете в праве требовать с меня все, что угодно. Вплоть до...

– Чего?– жадно уточнил Полухин.

– Возможности продолжить свое существование в Великом Рейхе, где-нибудь на берегу Одера с настоящим немец-

ким паспортом и домиком с видом на реку.

Василь обрадовано проглотил застывший ком в горле. Перед ним открывались просто сумасшедшие перспективы для службы. И если в первый день, в пустой избе бургомистра он сожалел о том, что не показал свой характер, смалодушничал, струсил, не сумев отказаться от назначения, то теперь, после слов Бааде о возможном отъезде в Германию, он переменял свое решение.

– Можете быть свободны!– отпустил его комендант, ожидая следующего и последнего на сегодня посетителя. Все-таки заветы доктора Шюрле надо было исполнять, чтобы как можно быстрее суметь встать на ноги.

Последним на сегодня посетителем господина Бааде сегодня был начальник тайной полиции ГФП-725 полковник Клаус Шпигель. Среднего роста мужчина с мягкими, плохо запоминающимися чертами лица, которые портили неухоженные черные усики. Он был крепкого телосложения, с развитой мускулатурой и твердолобой головой. Как он стал начальником тайной полиции, для Эрлиха было до сих пор загадкой, ибо Клаус Шпигель был беспросветно туп, но исполнительен. Громокая своими сапогами, он бодро отрапортовал, что прибыл по приказанию коменданта и замер, выпучив свои круглые рыбы глаза, уставившись куда-то в стену мимо Бааде. Это глупая солдафонская привычка давно раздражала коменданта. Он несколько раз спорил с Шпигелем по этому поводу, но добиться нужного ему результата, так и

не смог. Клаус по-прежнему пучил глаза и вытягивался во фронт, будто они были в армии кайзера Вильгельма, где полковник и начал свою службу.

– Доброе утро, Клаус!– поздоровался с ним Бааде, собираясь с силами для еще одного непростого разговора.– Вольно, садитесь!

Шпигель кивнул и занял место напротив коменданта.

– Вы в курсе, что сегодня произошло в комендатуре?– мягко поинтересовался Эрлих, начав разговор издали.

– Вы родились под счастливой звездой, господин комендант!– бодро отрапортовал солдафон.

– А что тайная полиция? Почему не сумела предотвратить покушение?

– Слишком мало времени, господин комендант. Всего неделя прошла с того момента, как мы овладели данным районом. Для налаживания агентурной сети – это слишком малый срок, но мы работаем. Думаю. Что больше такого не повторится!

– Буду надеяться! Иначе в следующий раз мне может так не повезти,– улыбнулся Бааде, прикуривая,– а как вы смотрите на то, чтобы провести акцию устрашения силами вашего подразделения, чтобы дать нам время создать эту самую агентурную сеть, а, Клаус?

Шпигель замолчал, наморщив лоб, раздумывая над словами коменданта.

– Но кого мы будем устрашать? Если у нас нет никаких

данных о пособниках партизан, если само местонахождение их неизвестно?

– А не все ли равно, Клаус?– усмехнулся Бааде.– Или вы верите в то, что хоть кто-то в этом сраном городишке относится к нам по-человечески? Бросьте! Каждый из тех кто здесь остался хочет уничтожить нас! Почему же мы должны хотеть другого?

Губы Шпигеля тронула довольная улыбка. Он наконец понял к чему клонит его начальник. Не надо искать виновных, не надо искать доказательства, достаточно сделать так, чтобы русские были жестоко наказаны за содеянное и впредь думали, перед тем как совершить нечто подобное.

– Совсем необязательно искать виновных в покушении на вас?– озвучил свои мысли в слух Шпигель.

– Именно, мой дорогой! Достаточно провести операцию «возмездие»!

– Это понятно... Это хорошо, господин комендант, – довольно улыбнулся Шпигель, – разрешите приступить?

– Идите, полковник!– махнул целой рукой Бааде.– Идите и сделайте так, чтобы я всю ночь слышал крики русских под своим окном.

За начальником тайной полиции закрылась дверь. Комендант лег поудобнее и закрыл глаза, намериваясь подремать. Все-таки силы его были не беспредельны.

« Партизанское логово »

Июнь 1942

Станция была переполнена людьми, почти так же, когда они провожали Петра на фронт. Только люди теперь эти были другие. Крикливые чернявые итальянцы, беспрерывно что-то говорившие на незнакомом языке. Вокруг них плотным кольцом сопровождения выстроились серые мундиры немецких пехотинцев. Они зорко наблюдали за разгрузкой союзников, не опуская оружия.

Вокруг потрепанного авиацией фашистов здания вокзала, обложенного горой из мешков с песком, прогуливался патруль, негромко перекликаясь между собой. Прогудела по Привокзальной площади грузовая машина, протарахтел мотоцикл с коляской. Несколько солдат погрузились в поданный транспорт и уехали куда-то в сторону Раздолья.

Мимо деда Федьки строем промаршировал отряд итальянских карабинеров, распевая на своем чуждом русскому уху языке, что-то бравурное. Медленно и неузнаваемо менялся родной город, превращаясь из советского заштатного городишки, пусть и с узловой станцией, в настоящий немецкий укрепрайон. Вот и флаг на здании вокзала развивался уже не кумачовый, а нацистский со свастикой. Из всех путей, готовых и отремонтированных к приему поездов, занятых было только четыре. На них выгружались итальянцы,

несколько рот румын, венгров и немецкой техники. Создавалось ощущение, что оккупанты собираются здесь остаться всерьез и надолго.

Вы то, что здесь забыли... Подумал дед Федька, глядя, как два итальянца, что-то горячо обсуждая, показывают на до-революционную архитектуру вокзала.

– Тьфу ты!– сплюнул Подерягин на землю и медленно пошел к стихийному рынку, образовавшемуся на Привокзальной площади. Здесь толклось немало народа, который продавал, менял ненужные вещи на картошку, муку и другие продукты питания. В основном стояли тут старухи в потертых платках и домотканых платьях с накинутыми на плечи жилетками. Одна из них, завидев деда Федьку, тут же закричала:

– Сапоги новые, яловые! Подходи! Покупай! Налетай!– с глубоким сожалением, Подерягин – старший прошел мимо, хотя у самого обувь была латаная – перелатаная.

– Тулупчик купи!– твердила вторая.– За ведро картошки отдам! Пусть гнилой...

Дед лишь качал головой и наблюдал за бродящими по рынку немцами. Один из них примерял женский бюстгальтер, а двое других уморительно гоготали над его глупой шуткой.

Зачем он пошел сегодня в город? Наверное, дед и сам себе не смог бы ответить. С тех пор, как в деревню вошли немцы, он не мог поверить, что по его земле вот легко и непри-

нужденно разгуливают захватчики, что мирная жизнь при их приходе не прервалась, ничего не изменилось. Только флаги поменялись, а все остальное стало по-прежнему... Вот, наверное. Чтобы доказать себе обратное, он и отправился в город, ничего не сказав о своем походе Акулине с внуками.

– Ахтунг!– закричали чуть в стороне от рынка. Беспрерывно галдящие бабки напряженно замолчали. Небольшой броневилок, словно сделанный из картона, резко затормозил возле одноэтажного домика бывшего дежурного по станции. Из броневика высыпались несколько солдат в черной форме, с автоматами на плечах. Грамотно рассыпались по двору. Дед Федор остановился, чтобы понаблюдать, что будет дальше. Несколько зашли внутрь. Раздался выстрел, потом еще и еще один. Из открытых настежь дверей за руки и ноги вытащили труп ровесника Подерягина. Его голова седая голова безвольно болталась на весу, а тело скользило по мокрой после дождика земле, оставляя за собой ярко красный алый след.

– Что делается, батюшки святы!– прошептала над ухом та самая бабка, которая пыталась ему всучить зимний тулупчик, обильно поеденный мышами.

– Так аресты, почитай, целое утро идут!– подхватила вторая, шепча товарке на ухо.– говорят, что какой-то партизан в самого коменданта стрелял сегодня!

– Вот полиция и зверствует!

– Танюшку Сатину-то тоже схватили! Учительницу... Го-

воят партизанская связная!— проговорила первая с тулупом.

— Ой, Стеша, и не говори... Немец он и есть немчура проклятый!— покачала головой та. Что меняла яловые сапоги.

— Тут может быть небезопасно, Федор Алексеевич...— Подерягина под руку подхватил тот самый лысый мужчина, который представился в деревне Говоровым. Сейчас он был одет в какие-то старые обноски, а на лицо его была низко надвинута кепка с длинным широким козырьком. Щеки и нос вымазаны то ли сажей, то ли землей. Если бы взглянуть на него со стороны, то в этой нескладной сгорбленной фигуре дед Федька никогда бы не угадал бывшего начальника НКВД района.

— Тарас Павлович...— вскинулся Подерягин, чувствуя, как крепкие руки тянут его в сторону.

— Тсс...— приложил палец к губам майор и заблеял звонким противным голосом.— дай копеечку, любую работу буду исполнять по дому, по полю... Кушать хочется сил нет! Трое деток на полках, все голодные!

Примерявшие женский бюстгальтер пьяные немецкие солдаты посмотрели с изрядной долей брезгливости. Один из них замахнулся прикладом винтовки на сгорбленного Говорова, за что получил порцию оваций и смеха от своих товарищей. Майор скрипнул зубами, но промолчал, продолжая тянуть деда Федьку куда-то в привокзальные закоулки, о которых Подерягин даже не слышал, а не то, что ему приходи-

лось в них бывать.

Они обогнули по дуге большую кучу мусора, зашли за угол старого хозяйственного железнодорожного здания, и только тут Тарас Павлович позволил себе снять маску, снова превратившись в лихого командира партизанского отряда.

– Вы зачем тут?– снова спросил он, присаживаясь на грудку битого кирпича и сворачивая самокрутку самосада.– В городе неспокойно! Начались аресты. Мы провели акцию, но...

– Я слышал,– кивнул дед. Нога от быстрой ходьбы разнылась с ужасающей силой. Он потер травмированное колено и сел рядом, далеко вытянув болящую конечность.

– Хотели этого гада Бааде кончить! А оказалось, что везуч он сволочь!– хмыкнул Говоров, лихо улыбнувшись.

– Коменданта не ликвидировали,– констатировал Подерягин,– а кучу людей под разнос подставили! Вы слышали про учительницу? Ее тайная полиция задержала сегодня утром из-за связей с партизанами?– укоризненно покачал головой Федор Алексеевич.

– Какую учительницу?– пересохшими губами переспросил Говоров. По его лицу легко можно было понять, что эта информация стала для него новостью.

– На рынке говорили про некую Сатину!

– Танюшку что ли?– нахмурился Тарас Павлович.

– Ты ее знал?

– Она настоящая комсомолка!– потерянно кивнул Говоров, шевеля губами, видимо, вспоминая что-то свое, личное,

запрятанное где-то в душе.— Не выдаст!

— А ну как расстреляют?— прищурился Подерягин.— Я, гляжу, немцы особо не церемонятся с нашими. Чуть что — свинца в грудь! Вон, только одного на вокзале в расход пустили.

— Ее не пустят...

— Почему?

— Я что-то придумаю,— схватившись за лысую голову, проворчал Говоров.

— Придумаешь...— хмыкнул дед Федька, прикуривая от поданной ему самокрутки.— Придумал уже с Бааде! Ты ж на верную смерть пацаненка этого посылал! Чудо, что он ушел оттуда живым! А зачем? Что в Германии больше таких Бааде не найдут? Коменданта нового не пришлют?

— Они должны нас бояться!

— Эх ты...— махнул рукой дед Федька. — Эшелоны надо взрывать с техникой и солдатами, а не в народовольцев с револьверами и бомбами играть. Размах иметь, тогда немцы вас начнут бояться. А так... За каждого убитого фашиста, вы своих десять жизней отдадите.

— Спасибо,— поднял на деда Федьку впервые за весь разговор глаза Говоров.

— За что спасибо-то? Думай, как девчонку эту, учительницу выручать будешь! Они ж ее не зря оставили в живых. Видать показательное представление готовят...

— Вы думаете?

– Уверен! – кивнул дед Федька.– им тоже надо сделать так, чтобы их боялись...

– А может вместе, придумаем? Расскажите все это нашим товарищам,– предложил неожиданно Говоров.– Я провожу, тут недалеко...

Говоров провел старика через весь центр города, ловко огибая выставленные блок – посты и стационарные патрули, дополнительных в столь ранний час еще не ходило, а потому они относительно безопасно добрались до полуразрушенного авиационной бомбой дом в конце Максима Горького.

Трехэтажка, когда-то выкрашенная в зеленый цвет, сиротливо смотрела на мир пустыми глазницами выбитых оконных проемов. Задняя ее стена рухнула вниз после очередного точного попадания люфтваффе, обнажив квартиры со старенькими крашеными полами, ржавыми рукомойниками, шкафами и частью мебели. Казалось, что трехэтажка в разрезе сделана специально, чтобы, как в музейной обстановке, рассмотреть быт советских граждан начало 40-х годов.

На развалинах копалось несколько ребятишек. Слышался напряженный смех, шелест отодвигаемых камней.

– А ну брысь!– прикрикнул на них Говоров, оглядываясь по сторонам. Вокруг никого не было. Улицы были пусты. Каждый из жителей города со времени оккупации старался лишний раз не попадаться на глаза немецким патрулям, особенно в такое беспокойное время.

– Пойдем!– позвал он деда Федора, когда убедился, что за ними никто не наблюдает.

Обойдя остов трехэтажки сзади, они наткнулись на плот-

но пригнанную железную дверь подвала, закрытую на замок.

– Это бомбоубежище политического руководства города, – пояснил Говоров, заметив недоумевающий взгляд Подерягина, – о нем знают только я и несколько людей из обкома. Даже местные жители не в курсе были, что у них под ногами творится. Теперь-то нескольких мы забрали к себе, а часть отправили на постой к другим – верным товарищам.

Дверь скрипнула и открылась. В лицо пахнуло удушливым запахом сырости.

– Вентиляцию завалило. Приходится прятаться так... – пожал плечами бывший начальник НКВД. – Если мы начнем раскапывать завалы, то обязательно у немцев возникнут ненужные вопросы. Сейчас товарища делают схрон в лесах. Туда-то вскоре мы и переедим. Тут слишком опасно!

– Еще бы! – хмыкнул Федор, осматриваясь. – Прямо под носом у немцев. Вы в курсе, что через пару кварталов отсюда немецкая комендатура?

– Темнее всего под фонарем, Федор Алексеевич, – улыбнулся Говоров.

Они брели длинным неосвещенным коридором пару минут, пока не выбрались на узкую освещенную площадку еще с одной дверью.

– Это и есть наш штаб! – Говоров постучал условленным способом, чем-то вроде интернационала. За бронированной дверью зашуршали. Заскрипел вентиль, отодвигаемой защелки. Крысы с писком ринулись из открывающейся ще-

ли.

– Здравствуйте, товарищ Говоров!– поздоровалась совсем юная девчушка, еще школьница в грязной телогрейке с вылезшей из огромных дыр ватой. В руках она держала пистолет, который уперся Тарасу Павловичу прямо в живот.

– Все хорошо, Настена, это друг!– кивнул он, и девчонка с серьезным видом убрала оружие в карман. Пропустила их внутрь.

Это была довольна большая комната, ярко освещенная фонарями дневного света. Возле стены, вдоль, располагались ряды панцирных кроватей, на которых лежали, сидели молодые ребята и девчонки, такого же возраста, как и Настя. Их было человек семь. Кто-то читал, кто-то чистил оружие, кто-то курил. Они заинтересовано остановили свои занятия и уставились на вошедших жадными внимательными глазами.

Посреди комнаты стоял стол, вокруг которого разместились несколько разномастных табуреток. Видимо, мест не хватало, и молодежь принесла остальное из дома. За кроватями, в проходе было еще несколько дверей, куда ведущих непонятно, дед Федор махнул на них рукой. Если надо будет, то расскажут...

– Это Федор Алексеевич Подерягин!– объявил Говоров, усаживая старика с палочкой на самое почетное место во главе стола, где, скорее всего, сидел раньше сам. Ребята тут же прониклись уважением к этому хмурому деду с покалеченной

ногой, несомненно, представляя его кем-то из героев Гражданской войны, каково же было их удивление, когда Тарас Павлович сообщил им его биографию.

– Белый офицер, дворянин, кулак, подследственный НКВД СССР. Сидеть не сидел, но много раз был в шаге от того, чтобы отправиться в лагерь по статье 58-ой «враг народа». Человек-камень! Он нам будет помогать!

– Белый офицер?– хмыкнул один из парней, высокий, даже слишком, с коротким ежиком светлых волос, худощавый. За поясом у него торчал револьвер. И сам он себя ощущал не меньше, чем Лазо или Фрунзе.

– Это Паша Шевелев,– представился парня Говоров, с усмешкой наблюдая за реакцией Подерягина,– он у нас всеми культурно-массовыми мероприятиями в комсомоле заведовал до войны.

– Оно и видно!– кивнул дед Федор.– Потому как револьвер никто и никогда из грамотных людей за поясной ремень в штаны не засунул бы, только массовик-затейник. Курок может спуститься самостоятельно, получишь позорное ранение в мягкое место, а в экстренной ситуации зацепиться барабаном и все...Поминай, как звали!

По тому, как уверенно говорил дед Федор, прошедший Первую Мировую войну, как смеялись язвительно его серо-зеленые глаза, ребята поняли, что все это правда. Шевелев торопливо перепрятал пистолет в карман, чем вызвал смех окружающих.

– Теперь понятно, что дед Федор нам не враг?– уточнил Говоров у ребят, рассевшихся вокруг стола. Часть из них закивала, другая часть все еще смотрела настороженно, но без ненависти к неправильно подкованному классовому врагу. Уже было лучше... Атмосфера немного разрядилась.

– Сегодня утром арестовали Танюшку Сатину!– сообщил Говоров.

– Как? За что?– все знали эту добрую и ласковую учительницу начальных классов, которая даже в трудное время немецкой оккупации находила время, чтобы учить детей писать и читать в своем собственном доме. В школе, где она работала, фашисты организовали лазарет.

– По подозрению в покушении на убийство коменданта Эрлиха Бааде,– пояснил майор НКВД.– Немцы хватают всех подряд и тех, кого считают неблагонадежными. По городу прокатилась волна арестов.

– Это все из-за меня...– простонал Паша Шевелев, хватаясь за голову.

– А вот и горе-стрелок объявился!– констатировал дед Федор.

– Федор Алексеевич, хватит!– остановил его Говоров.– Это была его первая акция...

– К сожалению, ясно, что Сатину не спасти,– Подерягин положил свои крупные ладони на стол и тяжело вздохнул.

– Можно организовать нападение на тюрьму!– воскликнула та самая Настена, которая открывала им дверь.

– И мужественно погибнуть у ее входа. Немцы отличные солдаты, как бы плохо вы о них не думали, но отомстить за девчонку следует.

– Как?

– Есть одна идея... – нахмурился дед Федор

День медленно и неотвратимо катился к ночи. После обсуждения всех тонкостей, придуманного дедом Федькой плана. Несколько человек во главе с Говоровым отправились вместе с Подерягиным в его деревню. Добирались пешком. Срезав изрядный крюк через Лучку.

На задание отправились трое наиболее подготовленных, по мнению бывшего начальника НКВД, ребят – тот самый Паша Шевелев, Настя Камская и Веня Веников – хуленький ботаник в очках и куцем пальтишке с тонкой тряпичной подкладкой. Тарас Павлович сообщил Федору по секрету, что парень в школе плотно занимался физикой. И никто лучше него не разбирается во всякого рода взрывных устройствах.

Ночь медленно спускалась на город. Тревожно ухая, пролетела над их головами сова. Дед Федор подумал, что Акулина дома места себе не находит, ищет его, но ничего поделывать не мог. Раз уж пообещал, то надо исполнять. Почему он согласился на сотрудничество с Говоровым – косвенным виновником всех бед, которые свалились на его семью с двадцатых годов? Он и сам не ответил бы на этот вопрос. Может потому что слова «родина», «отечество» и их защита не потеряли за столько времени для него смысл? Или старик хоть как-то желал помочь своему сыну, волею или неволею

оказавшемуся на острие борьбы с немцами? А может просто, потому что при всей своей гнилой должности майор Говоров был ему симпатичен? Ведь остался он тут, в городе, организовал этих юнцов для борьбы с фашистами! А ведь мог уехать вместе с остальными партийными деятелями, всеми этими председателями обкомов, горкомов и прочей ереси, прости господи! Но он остался, пусть на нелегальном положении, прекрасно зная, чем грозит ему поимка немцами, но упрямо продолжал свою борьбу, веря в победу. Может, именно это упрямство и импонировало ему в Тарасе Павловичу, заставляя подчиняться его неумемной энергии и желанию бороться.

Через полчаса они вышли к железнодорожному полотну. Запахло креозотом и сыростью. Под ногами слегка захлюпало. Вокруг стало больше камыша, меньше луговой травы.

– Скоро еще?– спросил шепотом Пашка Шевелев, который держался вторым, сразу за направляющим дедом.

– Тсс!– где-то далеко, пока еще на пределе слышимости в сонной тишине деревенского вечера послышался глухой перестук колесных пар. Рельс зашелестел, передавая звук.

– Давай в посадку!– кивнул дед Федька, хромая за остальными.

Они успели, как раз вовремя. Мерно постукивая на стыках, выпуская облако черного стелющегося дыма, мимо прошел эшелон с танками. Бронированных машин, новейших «тигров» и «пантер», Настена насчитала около сорока.

– А вы говорите тюрьма!– довольно улыбнулся дед Федор.– тут таких вещей можно натворить. Немцы месяц расхлебывать будут. И главное, не оградят же они железку через каждые десять метром солдатом. Нет-нет, а лазейка сама найдется!

– Готов?– обратился Говоров к Вениамину, ковыряюще-муся в своем заплечном мешке, доставая оттуда пучки проводов, электрические взрыватели и подрывную машинку. Все это хранилось на складе в политическом бомбоубежище на Горького. Партийные деятели были людьми запасливыми и не могли предугадать, что их дети измельчают, и вместо того, чтобы защищать свой край, организовать достойное сопротивление врагу, уедут в эвакуацию, чтобы оттуда управлять регионом. Зато все эти запасы оружия и взрывчаткигодились этим молодым ребятам, которые сосредоточенно распутывают и растягивают провода, устанавливая бомбу под железнодорожную трубу.

Минут через двадцать все было готово. Настена уложила электрический кабель в траве. Шевелев закопал взрывчатку в шпальных ящиках под щебень, а Веников все соединил в одну цепь. Уставшие и довольные они залегли в посадке, наблюдая за путями.

– И теперь что?– спросила Камская, заправляя косу под серый платок.

– А теперь, деточки, – улыбнулся дед Федор,– наступает два сложных этапа. Первый – ждать, а второй после акции

унести отсюда ноги, чтобы не попасться тайной полицией.

– Скорее всего, район будет блокирован,– подхватил его мысль Говоров,– так что уйти будет трудно!

– Зато сколько танков мы разом уничтожим!– заявил Шевелев.

– Размечтался о танках...– дед Федька медленно повернулся на живот, прислушиваясь к ночной тишине.– Чтоб эшелон с танками подорвать информация нужна. Когда будет идти, во сколько...Повезет, если вообще, что-нибудь попадется.

– Слышите! Идет!– обрадовано замерла Настена, чутко вслушиваясь в ночную тишину, прерываемую только переговорами ночных птиц.

– Да вот же...

– Ничего не слышу!– покачал головой Говоров.

Паровоз вылетел из-за кривой, заросшей толстыми кустами клена вперемешку с терном. Прожектор-искатель погладил ярким лучом то место, где они спрятались, а потом вернулся в колею.

– Быстрее!

– Венька!

Состав набирал скорость и ехал намного быстрее, чем эшелон с танками. Может, дело было в том, что этот поезд был легче, а может, просто он двигался без остановки, не планируя задерживаться по узлу.

– Веня взрывай!– закричал Настена, но парень растерял-

ся, потерял снятые очки в траве, нелепо зашарил среди густого клевера, как слепой крот.

– Вижу хвост!– закричал Шевелев почти истерично. Было видно, что ребята волнуются., что это их первая акция, и им хочется, чтобы все прошло идеально.

– Черт!– Говоров оттолкнул Веникова в сторону и нажал кнопку машинки в тот момент, когда хвост эшелона, заполненного солдатами в какой-то непонятной, незнакомой форме почти прошел мост. Раздался оглушительный взрыв. Осколки и щебень разлетелись во все стороны, прокосив посадку. Над головой деда Федьки шлепнулся в молодой дуб обломок мостовой отмости. Хвостовой вагон устоял на рельсах. Его качнуло из стороны в сторону, но опасное место он успел проскочить. Кто-то сорвал стоп-кран. Из-под колесных пар полетели искры. Заскрипело... Эшелон дернулся, останавливаясь.

– Ходу!– подскочил, совсем, как молодой дед Федька, активно перебирая костылем.– Сейчас тут будут все итальянцы, которые ехали в вагонах.

Подталкивая друг друга в спину, они выбрались из посадки и двинулись по пустынной улице села. Испуганно брехали собаки, привлеченные шумом взрыва. В некоторых окнах загорелась керосинка, но никто и не думал выйти посмотреть, что случилось.

– Ко мне! В сарае отсидитесь...– торопливо произнес дед Федька, заталкивая их в калитку. Дома горела лампа. Тускло

светилось единственное окно. Не спит Акулина, не спит... И сколько раз говорил понапрасну не жечь топливо. Подумал разозлено старик. Мысль о том, что акция провалилась, не давала ему покоя. В какой-то степени он винил в этом и себя. Повел детей на дело, даже не проверив уровень их подготовки! Но Говоров ручался же за них...

– Забирайтесь на самый верх! Накроетесь сеном. Утром рано выведу вас в лес,– проговорил Подерягин, поминутно оглядываясь. Ему казалось все время, что кто-то наблюдает за ними, кто-то их рассмотрел на ночной улице, что все пропало, и он подставил, помогая этим комсомольцам, не только себя, но и Петькину семью.

– Спасибо, Федор Алексеевич!– прошептала ему на прощание Настена, неловко забираясь на аккуратно сложенный стожок.

– Не за что!– буркнул старик, закрывая сарай.

– Здравствуй, батя!– от голоса Акулины, прозвучавшего в полнейшей тишине, он вздрогнул и резко повернулся. Нога от всей ходьбы и бега ныла так, будто в нее запихнули раскаленный прут.

– Здравствуй, Акуля! Ты чего не спишь? Говорил же, что керосинку жечь без толку нельзя! – заворчал он, приходя в себя от секундного замешательства.

– Гости у нас!– хмуро проговорила невестка.

– Кого ж это на ночь глядя-то принесло?– изумился дед.

– Сам посмотри... – Акулина пропустила свекра в дом,

плотно прикрыв за собой дверь.

«На фронт...»**Июнь 1942**

Вот и закончилось их сидение под Вологдой. Рано или поздно это должно было случиться. Петр еще с утра догадался об этом. По суровому выражению командиров их дивизии, встречающихся ему на пути, по невольной суете возле штаба, где тяжелые черные чемоданы с секретными картами грузили в старенькую полуторку, по озадаченному лицу Прохора Зубова, который пришел сегодня с красными, не выспавшимися глазами, и неожиданно объявил освобождение от учебных занятий. Дивизия дышала напряженным предвкушением фронта.

Судя по сводкам СовИнформбюро, ситуация складывалась явно не в нашу пользу. Немец пер напралом, прорываясь к Сталинграду, наши войска все больше отступали, пока не уперлись в Волгу. Дальше дороги не было. Часто вечерами они своей ротой собирались в красном уголке дивизии и слушали вечернюю сводку. А потом горячо обсуждали услышанные новости. Главным предположением, куда их могут отправить, был, конечно, Сталинград. От этой высказанной мысли у Гришки Табакина испуганно округлились глаза, и образовалась икота. Он вообще был немного трусоват, но Петр списывал все это на молодость и интеллигентное вос-

питание. Подерягин до сих пор не понимал, зачем он пошел добровольцем на войну, имея бронь от института, надеясь найти ответ на этот вопрос в первом же бою, которые они примут.

Вообщем, без малого три месяца пролетели для дивизии, как один день. Акулина сначала часто писала, потом письма стали приходить все реже и реже, пока совсем не исчезли. Ничего удивительного в этом не было, ведь их район еще с мая находился в оккупации. Все мысли о доме как-то ушли на второй план. Петру удалось забыться в непрерывных нарядах, тренировках, учебно-полевых выходах и стрельбах. Неожиданно для самого себя, он понял, что ему нравится служба, чувства товарища, локтя, беседы по вечерам в Красном уголке, строевые смотры и наряды на кухню. Его сорокалетнего мужика захватила эта жизнь, закрутив в колесе времени, не давая скучать, не давая думать, не давая времени писать длинные и тоскливые письма.

Только вечерами иногда накатывала тоска по жене, детишкам, по родному селу с его обширными полями, бурлящим по весне ериком, запахом сирени, сладко растекающемся по улицам деревни, по знакомым лицам соседей, по обычной работе, по запаху лошадиного пота, по спелой пшенице, по обычной мирской жизни. Накатывало, но он старался гнать эти мысли подальше, настраиваясь на боевой лад.

Сержанта ему все-таки не дали. Майор Тополь подсуетился, накатав огромный семистраничный рапорт на имя на-

чальника особого отдела Резервной армии. Эта история еще долго аукалась не только для Петра, который не вылезал из караулов и нарядов. Но, по слухам, и для комдива Перховича. Гришка Табакин, который все в этой жизни знал и везде имел своих информаторов, словно паук, сплетая вокруг себя сеть сплетен и интриг, говорил, что Франца Иосифовича вызывали в особый отдел армии и требовали объяснений, болтали даже о возможном снятии с дивизии, но обошлось... Перхович был мужик справедливый.

Но насчет сержанта Петр и не жалел! Он никогда не хотел отвечать за людей, поднимать их в атаку. Объясняя и мотивируя что-то. Не его это было! Не его! Так что все хорошо, что хорошо кончается!

С самого утра рота шумела, как растревоженный улей. Строились самые нелепые предположения о том, куда их могут выдвинуть. Петр молчал и ждал, что рано или поздно им все объявят. Так и вышло!

Где-то к обеду в роту забежал дневальный и сообщил, что Зубов объявил общее построение.

– Вот оно!– радостно воскликнул рядовой Степкин, до хрипоты спорящий с Табакиным о том, что под Сталинградом нам делать нечего.– Сейчас-то нас Прохор и рассудит!

Бегом выбежали из барака, в котором за три месяца уже успели обжиться. Не было в нем уже ужасающих щелей в стенах. Их заделали глиной. Сложили настоящую русскую печь, постелили полы. Лейтенант откуда-то достал кровати, и быт

наладился. Покидать теперь это все было если не тоскливо, то грустно это точно.

На плацу стоял полковник Перхович, усталый до невозможности, бледный и не выспавшийся. Сколько бессонных ночей он провел, строя планы, обучая солдат, проводя совещания. Теперь настало время проверить, было ли это все зря или нет? Рядом с ним топтался Зубов, надевший по такому торжественному случаю парадный мундир, блестя новенькими золотистыми пуговицами и свеженькой фуражкой. Чуть поодаль майор Тополь, который сразу же поймал взгляд Петра и неприятно скривился. Мол, знаем мы вашу сволочную душонку Петр Федорович, знаем... И будет за вами особенный пригляд.

Прочитав это все в глазах особиста, Подерягин опустил голову и занял свое место в строю.

– Становись!– браво прокричал Зубов. Со времени их первого знакомства молодой лейтенант возмужал, повзрослел, а в голосе возникла необходимая для командира твердость. С того последнего раза им не приходилось разговаривать по душам, и ни Петр, ни сам Зубов никогда не подавали вида, что эта беседа у них состоялась.– Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

– Отставить равнение...– тихим голосом проговорил Франц Иосифович, махнув рукой на марширующего на доклад Зубова.– Ну, вот и дождались, братцы...– начал полковник, вглядываясь в каждое лицо, в каждого солдата, сто-

ящего в строю. Он научил их всему, чему только мог и знал сам. Теперь все было только в их руках. Сколько из них вернется к женам, к матерям живыми? Этого Перхович знать не мог. Он был уверен в другом, что сделал все возможное, чтобы вернулся каждый.

Рота почтительно замерла в звенящей тишине. Комдив покашлял и достал белый альбомный лист шифрограммы.

– Рота, смирно!– скомандовал он.– Слушай, боевой приказ!

Сердце Петра отчаянно застучало от предвкушения самого крупного и переломного события в его жизни. Почему-то он был уверен, что отныне его жизнь разделится на две половины. Ту что была до чтения этого боевого приказа и ту, что будет после...

– Командующий резервной армией 27 июня 1942 года. Распоряжением Ставки ВГК и Генерального штаба приказываю частям и соединениям 100-ой дивизии немедленно передислоцироваться на участок линии Масловка – Таврово. Прибыть в распоряжение командующего Воронежским фронтом не позднее 12 июля сего года. Частям и подразделениям тыла и транспорта Резервной армии обеспечить все необходимым дивизию.

– Вот тебе и раз...– прошептал над ухом мне Гришка.– А то Сталинград, Сталинград...

– Так это вам до дома рукой подать!– ухмыльнулся пулеметчик Алеша Чирков.

– Да вам до Миллерово тоже недалече!– буркнул в ответ Табакин.

– Миллерово под немцем!

– А наши будто нет...

Стоящий возле Перховича Прохор Зубов показал им тайком кулак. Призвав к тишине. Франц Иосифович еще что-то хотел добавить к боевому приказу.

– Братцы! Я сделал все, что мог, научил всему, что сам знал... Теперь дело за вами! Ваша рота вместе с 460 стрелковым полком отправляется первой сегодня вечером. Прошу серьезно отнестись к возложенному на вас ответственному заданию и не посрамить славы нашего подразделения.

– Ура!– громко и раскатисто прокатилось над плацем.

– Ура!– кричал Петр

– Ура!– надрывал голос Гришка Табакин.

– Ура!– подхватил их порыв лейтенант Зубов.

Только майор Тополь стоял в сторонке и посмеивался над какими-то своими мыслями. Неожиданно Франц Иосифович, будто вспомнил он нем, поманил рукой, выпуская вперед.

– Товарищ майор хотел бы сказать несколько слов...

Тополь откашлялся и вышел вперед. Уперев руки в крепкие бока, осмотрел всю роту строгим взыскательным взглядом.

– Едем мы на войну, а значит, вас там будут убивать, вам будет страшно, больно. В многие головы закрудятся кра-

мольные мыслишки об отступлении, сдаче в плен и тому подобное... Помните, что приказ «Ни шагу назад» нашего мудрого учителя товарища Сталина никто не отменял! За любые попытки саботажа, трусости или малодушия вас ждет расстрел! Ты понял меня, Табакин?— взгляд особиста уперся в Гришку, но Петр отлично знал, кому именно предназначались эти слова. Значит не простил Тополь истории с бежавшими зеками, запомнил...Подумал про себя Подерягин, в упор глядя на особиста.

— Так точно, понял, товарищ майор! — браво отрапортовал Табакин.

— Вот и хорошо... Я хочу, чтобы каждый это понял и намотал себе на ус!

— Товарищ майор, пора... — прервал его речь Перхович.— Нам еще в 460-й полк ехать.

— Да-да... — спохватился Тополь, уходя с плаца, бросив напоследок нам многообещающий взгляд.

— Вольно! — скомандовал Зубов, когда офицеры скрылись из виду.— Вот братцы и попали мы на фронт... — уже мирным, почти товарищеским тоном то ли сообщил, то ли констатировал он.

Сборы не были долгими. При всей их обжитости в Вологде, при всем состоянии комфорта забирать из полевого лагеря было нечего. Солдатский скарб – это вещмешок, да скатка с плащ-палаткой, котелок, да какие-то личные вещи, вроде писем, дневников, зажигалок и прочей мелочевки.

Через пару часов прибыли полуторки. Погрузка вооружения заняла минут сорок, а еще через полчаса 189-я разведрота 100-й стрелковой дивизии отправилась на вологодский вокзал, где под парами их уже ждал эшелон, который повезет их в сторону фронта.

Стрелковый полк уже погрузился. Знакомые лица сослуживцев, многих из которых Петр знал по совместным учениям, беззаботно выглядывали из открытых вагонов. Кругом царила атмосфера нервного возбуждения. Слышался неровный смех, скабрзные шуточки. Кто-то танцевал прямо на перроне под расстроенную гармошку.

– Наши два вагона самые крайние,– сообщил негромко Прохор, поправляя портупею.

– Рота-а!– прокричал он.– Приступить к погрузке!

Гришке с Петром повезло. Они заняли место недалеко от входа, где гулял свежий ветерок, гоняя по гнилым полам не улежавшуюся солому. В условиях духоты это было самое лучшее место.

Раздался длинный протяжный гудок, и эшелон, слегка качнувшись, покатил их куда-то в синюю даль. Что их там ждало впереди? Безусловно, смерть, боль, страх! Какая война без этого? От этих мыслей становилось жутковато. О чем не преминул сообщить Петру Гришка, устроившийся рядом.

– Не страшно, Петь? – спросил он, когда они выехали из города, а за приоткрытой дверью теплушки поплыли однообразные поля и перелески. – А мне вот страшно... – проговорил Табакин, не дожидаясь ответа от товарища. – Боюсь и ничего не могу с собой поделывать! Не лежит у меня душа к армии. Мне бы сейчас на поле! Ты знаешь, я до армии в колхозе работал. Вот там дело... да... Выйдешь ранним утром в поле, а оно парит после ночи. Земля сырая пахнет чем-то сладким! И жить хочется! Работать хочется! Пользу принести людям! Хлеб растить... А война? Что война? Вот вступим в первый же бой, а меня какая-нибудь шальная пуля и срежет... Все! Не будет поля, не будет хлеба...

– Это ты загнул, – открыл полу прикрытые глаза Петр, – без тебя и хлеб будет, и поле будет. И какой-нибудь другой Гришка выйдет вот так же поутру на стерню, вдыхая знакомый спелый запах пшеницы...

– Для меня уже ничего не будет, – угрюмо насупившись, сообщил Табакин, – об одном жалею, деток не настрогал. У тебя-то, вон, двое... А я после себя и не оставил ничего!

– Рано ты себя хоронишь, Табакин! – похлопал его по плечу, присевший рядом с ними лейтенант Зубов. – Рано! Еще

повоюем!

– Мне дед сказывал, что нельзя вот так смерти страшиться... – вступил в разговор молодой парнишка из Купянска. – Он всю империалистическую прошел, ни одного ранения нет! Говорит, смерть по страху людей находит!

– Если бы знать, как его прогнать страх тот, – покачал головой Гришка, – тогда все б героями были!

– Не слушай никого! – оборвал друга Петр, окончательно понявший, что подремать ему не дадут, а потому закуривший. – Тот кто боится, становится умнее, хитрее что ли... Он в лоб не пойдет! Дзот с пулеметом обойдет, а не будет на него бросаться. Хороший солдат – живой солдат, а не павший смертью храбрых по-глупому.

– Не то ты говоришь, Петр Федорович, ой, не то... – покачал головой Прохор Зубов, и в его глазах промелькнуло на миг сомнение, что может прав майор Тополь? Может Подерягин и есть контра замаскированная? И все его слова – подрыв боевой готовности подразделения?

– Может и не то... – пожал плечами Подерягин. – Только я и немца победить хочу, и домой вернуться, чтобы, как Гришка запах мокрой земли вдохнуть, как детки вырастут поглядеть... Чем это плохо? Воевать тоже умеючи надо.

– А мы, значит, не умеем? – разозлился лейтенант.

– А разве умеете? – нахмурился Петр. – Вон немец до самой Москвы дошел! Еле отогнали! Так сколько людей зазря положили? Теперь Сталинград... Народ мы такой! Сами се-

бе трудности создаем, а потом сами их героически преодолеваем... А не поверили бы Гитлеру, готовились бы к войне, как положено, каждую минуту ждали бы нападения, может фашист и дальше Брестской крепости и не дошел бы...

– За такие разговоры, Подерягин... – покачал головой Прохор.

– Слышал бы тебя майор Тополь сейчас! – улыбнулся Табакин, и все рассмеялись. Напряжение, вызванное словами Подерягина, осуждающими, неправильными, не достойными советского человека, спало. Даже Гришка заулыбался, немного отвлекшись.

– Может и хорошо... – кивнул Петр, поудобнее укладываюсь на наваленном кучей сене, отвернувшись к стене вагона. Перед глазами возник образ Акулины, их мазаная хата и Колька с Шуркой, играющие во дворе. Тоска по дому съедала его, грызла изнутри, заставляя на второй план отходить страх возможной гибели. Под мерный перестук колес, он заснул прерывистым тревожным сном.

И снилось ему поле нескошенной пшеницы, и родная мельница, поднятая своими руками, и чистые занавески на окнах дома и улыбающаяся жена, война не снилась! До войны было еще далеко!

«Каратели»**Июнь 1942**

– ... Гости у нас!– хмуро проговорила невестка.

– Кого ж это на ночь глядя-то принесло?– изумился дед.

– Сам посмотри... – Акулина пропустила свекра в дом,

плотно прикрыв за собой дверь

В освещенной горнице за столом сидел Василь Полухин и два незнакомых немца. Все трое были уже изрядно пьяны. Один из них с густыми рыжими волосами спал, подложив под голову руки. Второй что-то бормотал на немецком, полуприкрыв осоловелые глаза. На столе стояла початая четверть самогонки и помидоры с огурцами, грубо нарезанные в праздничную миску, рассыпанная солонка и стойкий запах табачного дыма, густо висевшего под потолком сизо-серым облаком. В углу горницы пирамидкой были оставлены без присмотра настоящие ружья, за ними из-за занавески на печи жадно наблюдал Колька. Шурка, наверное, по позднему времени спала, набегавшись на улице.

– Ну, здравствуй, Федор Алексеевич!– поздоровался с ним Полухин, вальяжно растекшийся по столешнице от выпитого самогона.– Долго гуляете, ваше благородие! Вон ночь на дворе...А вы все где-то бродите! Комендантского часа на вас нет! Ик...– громко икнул кум Петра и вытер испач-

канные в помидор губы пятерней.— пользуетесь моей добротой...А все жду и жду хозяина...

— Вижу, что ждешь!— буркнул недовольно дед Федор, оставляя свой сучковатый костыль в углу. Прихрамывая, прошел к столу, коротко попросил Акулину:

— Собери, что-нибудь пожрать...— глаза Подерягина скользнули по своей одежде, и только сейчас, при свете керосинки, он рассмотрел, что вымазался, как черт. С грязных сапог, мокрая земля отваливалась комьями, оставляя по дому за собой широкий след. Сердце испуганно ухнуло куда-то в пятки. Он повел шей, так словно воротник косоворотки неожиданно стал ему мал.

— Так... где был, родственник?— еле ворочая языком, спросил Полухин, наклоняя голову, как можно ближе к деду. В лицо Федору ударил стойкий запах бурачного самогона и едкого перегара.

— С Сенькой Косым в карты играли...— осторожно ответил Подерягин, откусывая огромный огурец-переросток.

— А грязный чего?— при всем своем пьяном виде, взгляд Василя был изучающим и хитрым. Почему-то деду Федьки показалось, что он больше прикидывается пьяным, чем есть на самом деле. И прекрасно видит и его испачканную косоворотку и заляпанные грязью штаны с сапогами.

— Ночь на дворе...Упал в потьмах! Сам знаешь, что нога у меня...

— Ну-ну...Упал значит?— Василь налил себе еще самогона

и залпом опрокинул в себя. Выдохнул, занюхивая рукавом кителя.

– Упал!– подтвердил дед Федор, понимая, что Петькин кум вошел уже в такую стадию опьянения, когда все кажется враждебным и подозрительным, а окружающие тебя люди непременно становятся врагами и предателями.– А эти зачем привел?– кивнул он в сторону немцев, плохо понимающих, где они находятся. Один из них периодически что-то вскрикивал на немецком. Подерягину еле удалось разобрать что...

– Russische Partisanen! Offenes Feuer!(Русские партизан! Открыть огонь!) Feuer!(Огонь!)

– Что он бормочет?– кивнул на него Василь.– Кричит чего-то весь вечер...ничего не пойму!

– Говорит, что тут русские партизаны и по ним надо открыть огонь...– напрягся дед Федор, переводя. Когда-то давно он учил немецкий, но это было в другой жизни, Джо революции.

– Ты и немецкий знаешь!– уважительно покивал Полухин.– Иди ко мне переводчиком? Я тебе оклад положу...

– Зачем ты их привел?– повторил свой вопрос Федор, не обращая внимания на пьяный треп кума.

– Жить у тебя будут!– засмеялся бургомистр.

– Кто?

– Они...– махнул рукой в сторону немцев Василь.– А что не так? Боишься чего?

– Чего мне бояться? Сам знаешь, какие у меня непростые отношения с советской властью были... Но баба у меня в доме, кума твоя! При живом-то муже... Что люди скажут?

– А не хрена они не скажут!– рассмеялся Василь.– Скажут, как я решу! Я теперь тут главный! А баба да...– он оловелым жадным взглядом оглядел статную фигуру Акулины, сидящей тихонько в углу. Причмокнул губами, с трудом повернувшись снова к деду, отводя взгляд.

– Баба хороша... Жаль кумова... А кум где? На фронте...

– Одного приму! Двух и не жди,– грозно посмотрел на пьяного Василя дед.

– Ну и ладно! Поведу к Варьке Чужинихе... А одного возьмешь?

– Сказал же возьму!

– Давай выпьем?

– Хватит, наакался уже... Домой иди!– отрезал дед Федор.

– Я...

– Василь! Василь!

В соседском дворе загавкала собака, срываясь с цепи! За-тархтел мотоцикл! Фара своим желтым искателем попала в окно Подерягиных. Раздались немецкие голоса и топот нескольких ног.

– Кого это на ночь глядя...– еле смог выдать из себя Федор. Мысль о том, что кто-то заметил их с Говоровым и ребятами, когда они выбирались из леса, испугала его.

Неужели сдали?

– Сидеть!– грозно рыкнул Полухин, с трудом вставая. Его покачивало из стороны в сторону, словно он шел не по ровному дощатому полу, а по качающейся палубе морского лайнера.– Я сам разберусь!

Скрипнула дверь в сенях. Послышались возбужденные немецкие голоса, тараторящие без остановки. Потом женский с надрывом, в котором Федор без труда узнал жену Полухина – толстощекую круглолицую скандальную женщину Марфу Ильиничну:

– Приехали и стучаться! Чуть окно не вынесли мне! Что-то говорят по-своему, а толку? Я ж их языка не понимаю. Кричат, автоматом размахивают. Я им и говорю, пойдем к мужу отведу, а они ни в какую, еле уговорила.

– Die Russen haben die Staffel mit den Italienern gesprengt? Wir müssen eine Zusammenfassung orgaisieren.

– Вот это и твердит все время, дурачок немецкий!– подтвердила его слова Марфа.

Василь протрезвел в одно мгновение. Быстрым шагом вернулся в горницу и спросил у Федора.

– Чего он бормочет? Переведи...

– Die Russen haben die Staffel mit den Italienern gesprengt? Wir müssen eine Zusammenfassung orgaisieren.,– беспомощно хлопая глазами проговорил снова фашист.

– Русские подорвали эшелон с итальянцами. Необходимо устроить облаву!– перевел Подерягин, с трудом вспоминая

забытый язык из прошлого, которое он хотел забыть навсегда, вычеркнув из своей жизни.

– Черт!– ругнулся Полухин, бросаясь на улицу. За ним торопливо последовал немец. Затархтел мотор мотоцикла, затихнув через пару минут вдали. Акулина и дед Федор понимающе переглянулись. Старик осмотрел спящее немецкое воинство и недовольно произнес невестке:

– Ложись сегодня с детьми. Утро вечера мудренее...

Эрлиха Бааде – коменданта города подняли поздно ночью, когда полная желтая луна на звездном небе проложила узкую дорожку по двору комендатуры. В трубке слышался рассерженный голос итальянского генерала. Который кричал что-то на своем непонятном языке. Разрывая телефонный провод непереносимыми воплями.

– Чертов макаронник!– заорал ему в ответ Бааде, когда Бруно Виери немного успокоился и затих.– говори по-немецки!

– Русские партизаны подорвали эшелон с моими солдатами! К счастью никто из моих доблестных воинов не пострадал!

– Черт! Где это произошло?– быстро спросил Бааде, натягивая мундир, зовя Герхарда из приемной, чтобы он помог ему одеться.

– Недалеко от города...

– Вы уже там, генерал?

– Нет, но собираюсь...

–Будьте так любезны, забрать и меня!

Через четверть часа Бруно Виери и Эрлих Бааде стояли недалеко от поврежденного участка железнодорожного полотна. От взрыва пострадал мост, две его опоры и сама решетка, а вот последний вагон военного эшелона сошел с

рельс, о остался стоять, что уже было нешуточным облегчением, учитывая, что движение по ветки инженерные подразделения обещали восстановить в течении двух часов.

– Только чудо спасло верных воинов Италии от гибели! Сколько коварства, сколько варварства в этом подлом акте! В этом вся суть русских!– возмущался Бруно Виери, сокрушенно кивая головой. От его постоянных воплей и напыщенных восклицаний, от которых не было все равно никакого толка, у Бааде заболела голова. Он скривился и отвернулся в сторону от раскисшего генерала. Чуть поодаль от остальных сидел на пеньке бургомистр этой деревни, совсем недавно назначенный на эту должность. Он угрюмо повесил голову и что-то рассматривал в листве, ковыряя в ней сломанной веточкой.

– Василий!– окликнул его Бааде, подходя поближе.

Полухин торопливо вскочил, одернул пиджак так, словно это было его военным мундиром. Белая повязка КАПО сползла на локоть. В лицо Эрлиху ударил стойкий запах свежего перегара и лука.

– Вы пьяны?– брезгливо сморщившись, уточнил комендант.

– Если только немного,– от взгляда Эрлиха не укрылось то, что Василь при его приближении что-то торопливо сунул в карман, что-то найденное в траве.

– Как вы допустили, что на вашей территории случилось...– он замешкался, подбирая нужное русское слово,–

безобразия! – с трудом выговорил Бааде, прищурившись.

– Так что ... Взорвать могли и здесь и там... Тут не угадаешь, – пожал плечами Полухин, стараясь не смотреть на проницательного коменданта. – железка не охраняется толком! Что я со своими двумя солдатами могу сделать?

– Кстати где они? – Эрлих поискал глазами Вилли и Ганса из тайной полиции, но не нашел их нигде поблизости.

Полухин потупил взгляд, уперев его в землю.

– понятно... – процедил Бааде. – наладились вместе с тобой русского шнапса и улеглись спать! А под носом у них такое творится!

– Так...

– Молчать! – рявкнул Бааде, раздумывая над тем, как теперь решить проблему с партизанами, неожиданно объявившимися в его районе. Сначала было покушение на него самого, теперь эта акция на железной дороге... Скоро город скатится в полный беспредел, если немедленно не принять меры. Прострелянная рука начала ныть.

– Герр комендант! – Эрлих откликнулся на зов главы тайной полиции и не увидел, что в заскорузлых пальцах Василь Полухин вертит знакомую металлическую пуговицу, найденную им на земле.

– Клаус!

– Герр комендант, мы определили, что это за взрывчатка! Обычный тринитротолуол, часто применяется в войсках с электрическими взрывателями.

– Нам от этого не легче, Клаус!– буркнул Бааде, забыв про Полухина.– Улики?

– Трава примята в посадке напротив места взрыва, словно несколько человек лежали там в ожидании состава.

– Сколько?

– Человек пять или шесть...– Бааде резко развернулся в ту сторону, куда показывал Шпигель. На месте примятой травы, низко опустив голову, сидел испуганный и пьяный Василь Полухин.

– Пять или шесть, говоришь...– задумался Бааде. В карьере пехотного офицера он не сталкивался с такого рода загадками и расследованиями. На войне там все было понятно. Здесь свои, там за линией фронта чужие, а тут... Тут даже от подростка можно ожидать пули в спину. Эрлих вспомнил глаза полные ненависти паренька, который стрелял в него на крыльце. Если бы у того в пистолете не кончились патроны, то он непременно убил бы коменданта. И все...

– Шпигель!

– Я, герр комендант!

– Помнится, ты говорил, что у тебя в камере сидит возможная активистка городского подполья некая учительница?– прищурился Бааде.

– Да какая она активистка!– махнул рукой Шпигель.– Сами говорили, что ради устрашения хватать, кого придется. Вот мы ее и взяли!

– Это отлично! Просто отлично! Мне нужно с ней пого-

ворить...

– Она в городе... – растерялся Шпигель.

– Ничего страшного, думаю, – кивнул Бааде, – майор Гейц справится с поставленной задачей восстановления железнодорожного сообщения и без нашей помощи.

– Тогда прошу в автомобиль! – кивнул Шпигель. Следом за ним, как две привязанных овчарки, следовала пара крепких молодцов с автоматами наперевес. Свою жизнь, Клаус Шпигель – начальник тайной полиции города вверять в руки слепого случая не собирался.

– Господин Бааде! – прокричали ему сзади. Это Василий догонял их, хлюпая сапогами по раскисшим и не высохшим после последнего дождя лужам. – Господин Бааде, а что ж я? Как мне быть?

– До утра остаетесь здесь! Посмотрите, чтобы движение было восстановлено, и никто снова ему бы не помешал. Помните, что отвечаете за это своей головой! А утром жду вас на центральной площади вместе с несколькими вашими односельчанами...

– В смысле? – не понял Полухин, наморщив лоб.

– В прямом. Двое, а лучше человек десять. Транспорт я вам выделю из комендатуры. Часикам к десяти. Буду вам представление показывать.

– Чего?

– К десяти быть! – коротко отрезал Бааде, усаживаясь рядом со Шпигелем в машину.

– Есть!– вытянулся в струнку Василь, в кармане теребя до боли знакомую пуговицу, которую он уже сегодня вечером видел. Что тут делал дед Федька? Отсюда пришел таким грязным? Или это просто совпадение? Его ли это пуговица вообще? Сплюнув, Полухин проводил взглядом «виллис» и побрел к начавшей свою работу инженерно-восстановительной бригаде, решив, что разберется с этим несколько позже.

Тайная полиция приспособила под содержание задержанных бывшую городскую тюрьму. Им ничего не пришлось перестраивать, лишь сменились сидельцы в ней, а опустевшие камеры выглядели уныло. Быстро Шпигель и Бааде поднялись на второй этаж, где за металлической решеткой в крошечной темноте, сжавшись в углу комочком, спала худенькая темноволосая женщина.

От яркого света, вспыхнувшего в коридоре, она проснулась и посмотрела на коменданта заспанными глазами. Колени ее были сбиты, лицо поцарапано, а под правым глазом наливался багровый отек.

– Вы ее били?– уточнил Бааде у Шпигеля, который топтался рядом.

– Нет, герр комендант. Травмы получены при задержании. Царапалась, как разъяренная кошка! Пришлось несколько раз угостить ее прикладом.

– Отоприте!– кивнул комендант на решетку.

Щелкнул замок, и клетка со скрипом распахнулась. На Эрлиха смотрели огромные испуганные зеленые глаза, которые свели в этом проклятом городе, видимо, не один десяток мужчин. Приталенное платье простого покроя кое-где было залатано, но, в общем и целом, выглядело прилично. Женщина не создавала впечатление партизанки, скачущей

по лесам с автоматом наперевес. Милое и доброе создание, которому действительно лучшего всего походило обучение детей в школе. Но весь этот образ был на руку Бааде, которому не надо было сотворить еще одного героя, павшего в борьбе с фашизмом. Ему просто необходимо было запугать население города, чтобы партизаны в нем почувствовали себя чужими, чтобы боялись каждого прохожего, каждого помощника, чтобы помощи им было неоткуда ждать.

– Доброй ночи, фрау!– вежливо проговорил комендант. Ища глазами, где можно было присесть. Не нашел и остался стоять, переминаясь с ноги на ногу. Женщина молчала затравленно и зло, глядя на него снизу вверх.

– Меня зовут Эрлих Бааде – я комендант вашего городка,– в ответ тишина. Он уже начал сомневаться в том, что девушка не глухая. Он вопросительно посмотрел на Шпигель, недоуменно пожавшего плечами.

– Она с самого задержания такая...

– Я пришел сказать, что завтра вы умрете за пособничество партизанам! – молчание. Только во взгляде появилась обреченность. Татьяна до последнего момента надеялась, что эта какая-то ошибка, ее выпустят, когда разберутся. Теперь, видимо, не судьба.

– Что же вы молчите?– удивился Эрлих, попытавшись взять Сатину за руку, но та отдернула брезгливо ладонь, спрятав ее за спину. Сейчас она напоминала затравленного дикого зверька, которого после воли запрятали в клетку.

– Вам все равно? Пусть так... – согласился комендант. – Но у вас есть шанс остаться в живых! Я знаю, что вы не имеете никакого отношения к этим партизанам. Вы просто обычная учительница.

В глазах женщины появилась надежда. Именно этого блеска, этого знака Бааде и ждал. Значит есть шанс! Есть!

– Если вы мне достоверно и честно расскажите, что вы знаете об этих партизанах, то немедленно, слышите, немедленно вас выпустят и довезут до дома. Вы снова вернетесь к своим учебникам и тетрадям, первоклашкам и их обучению.

– Я ничего не знаю... – проговорила тихо Сатина, еле шевеля разбитыми губами.

– Ой, ли! – засомневался Эрлих. – Вы молодая красивая женщина, неужели никто и никогда при вас не упоминал о создании такой организации в городе? Родители ваших учеников, ваши поклонники...

– У меня нет поклонников...

– Значит родители.

– Никто не упоминал! Мне нечем вам помочь! – спокойно произнесла Татьяна, внутренне она уже приготовилась к смерти. Наступило какое-то внутреннее отупение. Организм включил защиту против стресса, и вместо града слез, Сатина ничего не испытала. В душе, на сердце была пустота и смирение.

– Жаль... Очень жаль, – покачала головой Бааде. Может, где-то далеко внутри, ему было и жаль эту учительницу, но

долг обязывал поступать его именно так, как он и собирался.— Я все же надеялся, что вы будет настолько благоразумны, что решите мне помочь. Жаль...— повторил он, поворачиваясь к замершему возле входа в камеру Шпигелю.— Клаус, к обеду на центральной площади города должна быть подготовлена виселица для этой коммунистки!

— Есть, герр комендант!— вытянулся в струнку начальник тайной полиции.

— За ее транспортировку к месту казни отвечаете лично вы своей головой. Это понятно?

— Да, господин, Бааде!

— Вот и отлично!— обрадовался Эрлих.— Поверьте, моя дорогая, мне очень вас жаль, но долг... Долг превыше всего!

Вскоре комендант города покинул тюрьму. Шпигель подкинул его до комендатуры, сам, отправившись, готовится к завтрашней показательной казни. На пороге его встретил встревоженный Герхард.

— Я уже начала беспокоиться, герр комендант.

— Движение по железной дороге восстановили?— быстро спросил Эрлих, умываясь из поданного кувшина с прохладной водой. Одной рукой это делать было несподручно. Кряхтя и морщившись, ему это удалось.

— Так точно! Только что доложили. Первый эшелон итальянцев прибыл под разгрузку.

— Отлично! А что этот макаронник Бруно Виери? Звонил?

— Оборвал всю телефонную связь. Требовал вас...

– А ты?

– Я сказал, что вы еще не освободились.

– Замечательно, Герхард, – похвалил своего адъютанта Баде, – так же скажешь ему и в следующий раз. Завтра нам предстоит очень тяжелый день, нам понадобится много сил, а последние часы сна я не хочу тратить, слушая вопли этого придурковатого итальянца, – произнес комендант, устраиваясь поудобнее на твердом диване, стараясь лечь так, чтобы не задеть случайно раненую руку. Герхард заботливо укрыл его одеялом.

– Во сколько вас разбудить? – спросил он, когда комендант города прикрыл глаза и засопел простуженным носом.

– Где-то в девять, Герхард. В десять я уже должен быть молодцом! – произнес Эрлих и провалился в липкое забытье.

Серые предрассветные сумерки закрылись в окошко избы Подерягиных, заглянув внутрь. Прокукарекал в сарае петух, играя побудку. Акулина заворочалась на печи, намериваясь просыпаться, чтобы справиться по хозяйству. Ганс и Вилли, обнявшись, спали на твердой лавке, негромко похрапывая. Дед Федор осторожно, чтобы никого не разбудить встал со своего места, пробираясь к выходу.

– Вы куда, бать?– спросонья спросила невестка, протирая глаза.

– До ветру...– буркнул старик, хватая крючковатый ко-
стыль.– Спи еще!

После душной горницы на улице было довольно прохладно. Федор Алексеевич поежился от побежавших по крепкой спине мурашек. Накинул вчерашний костюм, заляпанный грязью, а потому брошенный в сенцах. Попробовал застегнуться, но нескольких пуговиц на нем так и не обнаружил. Видать, вчера во время их бегства с партизанами где-то за ветку зацепился. Махнул рукой с сожалением на него, запахнув обе полы поплотнее.

Собака Жучка возле будки лениво приоткрыла один глаз, наблюдая за хозяином. Когда поняла, что ничего съестного он ей не несет, и вовсе, гремя цепью, забралась в будку.

– Говоров!– позвал тихо дед Федор командира партизан-

ского отряда, приоткрывая дверь сарая.— Тарас Павлович!— окликнул он бывшего НКВДэшника.

В сене завозились. Стог зашуршал, и из-под него стали выползать ребятишки. Заспанные, измазанные, как и он, засохшей грязью.

— Здорово ночевали, ребятня!— поздоровался Подерягин, осматриваясь по сторонам. Никого чуть свет не вынесло ли на улицу. Никто не сможет ли подглядеть за тем, как будут уходить партизаны.

— Доброе утро!— Настена быстро переплела свою короткую косу, спрятав ее под серый берет. Рядом Вениамин и Пашка вместе с Говоровым приводили себя в порядок.

— Подремать хоть удалось?— спросил их Федор, помогая им отряхнуться.

— Всю ночь гудело, тархтело в стороне железки. Немцы восстановили линию, наверное,— то ли спросил, то ли решил Говоров.

— Ничего, первый блин он завсегда комом.

— Нас искали?

— Не особо,— отмахнулся Подерягин,— но уходить вам надо немедленно. Ко мне бургомистр подселил двух фрицов. Оба пока пьяные в дупель, но как проснуться...

— Я понял!— торопливо произнес бывший начальник НКВД.— Проводите?

— А то как же...

Дед Федор захромал к калитке, выпуская ребят на улицу,

затянутую предрассветным туманом. Собаки по улице, почувяв чужих громко залаяли.

– С Богом!– поторопил их Подерягин.

– Спасибо, Федор Алексеевич!– Говоров протянул ему руку, прощаясь.

Возникла неловкая пауза. По глазам Подерягин видел, что бывший начальник НКВД делает это полнее искренне, но что-то внутреннее, обиженное ему не давало так сразу все простить и сделать шаг навстречу. Он помялся и, глядя куда-то в сторону, пожал сухую крепкую ладонь майора.

– Через Лучку дорогу знаете?– на всякий случай уточнил строгим голосом дед Федор.

– Разберемся!– рассмеялся Говоров, прекрасно понимая, что возможно сейчас в душе Подерягина, которого все и всегда считали врагом советской власти, произошел значительный перелом, о котором сам старик и не догадывается.– Спасибо еще раз...– кивнул ему на прощание Тарас Павлович, бросившись догонять своих ребят, которые скрылись уже вдали, перейдя широкую луговину.

– Вот тебе и ядрена шишка!– ухмыльнулся дед Федька, ступая к дому, думая о том, что скажи ему кто-то года три-четыре назад, что ему придется укрывать у себя в сарае майора НКВД, а потом и радоваться этому в душе, то он с удовольствием набил бы этому рассказчику морду.

– Ну и кто это был?– на пороге избы в домашней юбке стояла Акулина, уперев руки в бока, позади нее выглядывала

хитрая рожица внучки Шурочки.

– Друзья... – буркнул дед Федька, проходя в дом.

– Таких друзей... – догнали его в спину слова невестки.

– Тсс! – обернулся он, расслышав громкий топот сапогом по горнице. – Наши квартиранты, мать их за ногу, проснулись.

На пороге сеней, сладко потягиваясь, стоял немец в одной нательной белой рубахи. Он улыбался широким ртом с толстыми губами, позади него топтался второй, весь в веснушках. На вид им обоим можно было дать лет двадцать пять, если не меньше. Оба не создавали впечатления нацистов, а скорее напоминали обыкновенных работяг с завода, только разговаривающих с жутким акцентом.

– Ком! Ком! – позвал рыжий деда Федьку. Указал пальцем на ведро, а потом сделал вид, словно умывается.

– Кажется, он просит помочь... – проговорила Акулина, у которой сердце ушло в пятки от мысли, что было бы, если эти двое проснулись бы чуть раньше и увидели дедовых гостей.

– Стой! Я сам... – буркнул дед, у которого при виде квартирующих в его избе фашистов снова испортилось настроение. Он полил свежей колодезной водой на руки немцу сначала одному, потом второму. Акулина к тому времени приготовила на стол. Похлебав жидкую кашу, солдаты раскланялись и ушли по своим делам, наверное, к бургомистру, который стал у них тут единственным начальником. Федор вме-

сте с Колькой управился с хозяйством, накормил курей, которых осталось всего десять штук несущек. Поправил покосившийся плетень, забив стоянок на угол забора, ведущего к соседям, и через пару часов решил, что пришло время перекура. Присел на завалинку, скрутив ароматную козью ножку, набитую собственным самосадам, которым Подерягин втайне гордился. Рядом с ним устроились внуки: Колька, мастеривший Шурочке свистульку из камышины, и сама девочка с тряпичной куклой, прошлой зимой сшитой матерью на ее день рождения из своей старой юбки.

– Деда...– протянула задумчиво Шурочка, причесывая маленькими пальчиками волосы куколки, сплетенные из суровых ниток.

– Да, Санечка!– понемногу потеплело. Солнце поднялось повыше, прогревая холодную после ночи землю.

– А папка скоро вернется с войны?

– Нескоро, внученька, нескоро...

– А почему он письма нам не пишет? Мамка, я слышала, ночью плакала, да причитала, что может, сгинул ее родименький Петюшка...– девочка с точностью повторила интонации матери, услышанное вчера, но из уст ребенка это было смешно слышать.

– Брешет, дура!– заругался дед Федька, нахмурившись.– Брешет, окаянная! Жив Петро! Жив! Я сердцем родительским чую, что жив! А маменька ваша, что сеть дура! Мы ж сейчас в оккупации, кто ж ей письма с фронта доставлять бу-

дет. Ваш папка в Красной армии служит. Только говорить об этом... – Подерягин кивнул в сторону сельской площади, где в доме бургомистра скрылись их постояльцы, – нашим квартирантам не след... Понятно?

– Понятно! – протянула Шурка чуть более радостно.

– Кажись машина какая-то едет, дед! – Колька встал с завалинки, отложив недоделанную свистульку. Посмотрел на дорогу, где в облаке пыли, трясся немецкий грузовичок.

– Военные? – спросил Федор, насторожившись.

– Нет, – ответил парень, – платки белые видать из кузова.

Громко тарахтя всеми своими сочленениями, грузовик затормозил подле их плетня. Из кабины выпрыгнул Василь Полухин все в том же черном костюме с белой повязкой на плече. Грозно нахмурил брови и шагнул во двор. Из-за невысокого забора Подерягин успел рассмотреть, что в кузове сидят их односельчане. Бабка Степанида, Окулова, тетка Марфа и даже Митюша, широко по-своему дурацкому обычаю разевает рот, чтобы выразить всю радость от поездки на такой технике.

– Что-то зачастил ты к кумовьям, Василь, – вместе приветствия спросил дед Федька, туша бычок о мягкую землю, – помнится, при Петре ты не сильно нас посещал...

– Про Петра не вспоминай, дед! – зло бросил Полухин. – А раньше и повода особого не было...

– А теперь появился? – хитро прищурившись, уточнил Подерягин. – Неужели расстреливать народ везешь, а за мной

для полного счета заехал?

– Было б за что, уже бы расстрелял!– нервно огрызнулся Полухин, поправляя винтовку на плече.

– Вон оно как...

– Собирайся! В город поедем!

– А на кой мне в город, мил человек? Продукты у меня пока есть, да и менять их уже не на что. Пенсию-то ваши не платят...А так хоть бы в марках....

– Там концерт комендант для таких, как ты устраивает! На центральной площади!

– Это каких же?– деду Федору играть на нервах у бургомистра. Видеть то, как он нервничает, доставляло ему настоящее удовольствие.

– А вот каких!– на открытой ладони Василя, вытянутой вперед, лежала маленькая металлическая пуговица, та самая которой дед Федька утром не досчитался после акции с партизанами и торопливого бегства с места преступления.

– Хорошая пуговица!– похвалил Подерягин, мгновенно овладев собой и даже не подав виду, что его что-то смутило.– Мне б таких с пяток! А то обтрепался сильно...Не будет, а , Василь?

– Добром не поедешь – силой увезу! Вместе с кумой!– зло бросил Полухин, сжав кулаки.

– Девку не трожь!– разозлился старик, вскочив с завалинки.– У нее пострелята мал мала меньше...– кивнул он в сторону затихших Шурочки и Кольки.– Куда ей в город? Да и

постояльцев ты нам подселил, их накормить, обстирать надо? Надо... Куда ей ехать?

– Собирайся!– настойчиво проговорил бургомистр.

– Акуля!– покричал дед Федор в дом. Невестка, видимо, стояла возле дверей, слушала весь разговор, потому как выбежала почти мгновенно.

– Да, батя?

– Кум твой, вот экскурсию в город предлагает, на центральную площадь. Поеду, уважу человека! За детьми гляди!– уже сурово добавил он, потрепав Кольку по отросшим темно русым волосам.

– Бать...

– Гляди, я сказал!– отрезал Федор, поворачиваясь к Полухину.– ну вези, коль пообещал...

Василь, брезгливо поморщившись, выбросил маленькую пуговичку, которую все еще мял в руках. Распахнул старую калитку, пропуская старика с палкой вперед.

– Где наш автомобиль?– весело проговорил дед Федор, хотя глаза его оставались серьезными, выдавая интенсивную работу мысли. Что придумал комендант? Какие его будут ответные действия? Ведь оставить все так, как есть, показать свою слабость и бессилие... Нет, Бааде впечатление слабого человека не производил.

Внутренне готовясь к очередной пакости, Федор, закинув в кузов костыль, полез туда сам, с трудом управляясь с высокими бортами.

– Давай, Митька, помогай, старому человеку...

– Деда!– на дороге показались Шурочка с Колькой. Девчонка плакала, прижимая тряпичную куклу к груди. Митюша, радостно гикнув, помахал им в ответ, приняв все на свой счет.

– Вот, ядрена шишка!– виновато потупился дед Федька, обращаясь к женщинам, сидящим в кузове.– Провожают, как на войну!

Почему-то в этот момент он почувствовал себя неудобно. Хотя в душе ему было приятно, но признать это при всех, для Подерягина означало бы слабость. Ему казалось, что тогда все бы смеялись над ним.

– Поехали!– буркнул недовольно Полухин, усаживаясь рядом с водителем.

Откуда же ты взял пуговицу? Подумал про себя дед Федор, мирно покачиваясь в такт ухабам. И успел ли кому-то об этом рассказать? Если успел, тогда конец. Из поездки в город он больше не вернется, а вот если Петькин кум промолчал, тогда это в корне меняет дело. Тогда остается выяснить чего же он хочет взамен своего молчания.

Зная Полухина с детства, он даже боялся представить, что творится у того в голове.

Потрепанный военными действиями «опелек»-полупортка домчал их до города где-то за полчаса. Все это время они провели в полном молчании. Все озадаченно и напряженно думали о том, что их ждет впереди. Какую пакость на этот раз придумал хитроумный комендант города?

Дед Федька с разговорами в душу никому не лез. Тем более самому было о чем подумать. Аккуратно примостился в углу кузова, наблюдая за тем, как пыль клубится в след их автомобиля. Митюша рядом пытался что-то рассказывать, радостно тыкать пальцами в пролетающие мимо пейзажи, но потом, не заметив со стороны Федора особой инициативы и контакта, замолчал, уткнувшись в одну точку.

Что хотел сказать Полухин, отдавая пуговицу? Насколько сильно он информирован и для чего ему это все? Подерягин терялся в догадках, чувствуя, что отныне ходит по краю лезвия ножа, о которое точно порежется, если соскользнет вниз.

Очнулся он от своих мыслей только тогда, когда за бортом уже проплывали городские пейзажи. Проскочили вокзал, заполненный итальянцами, крикливыми и шумливыми в своей энергичности, словно табор цыган прибыл на станцию. Свернули в центр по бывшей коммунистической улице. Поднялись по старому деревянному мосту, тщательно охраняемому специально выделенным постом тайной полиции.

Через пару кварталов съехали направо, где на площади, выстеленной брусчаткой, уже толпился народ.

Хлопнула дверь «Опеля» и из него выскочил Василь Подерягин, не забывший про свою винтовку, которая последнее время стала его не разлучной подругой. Еще бы... Мстительно подумал Подерягин. Если бы я был виновен в стольких смертях односельчан, то тоже ходил бы и по нужде с оружием.

– Выходим! Не разбегаемся... – коротко приказал он, отправившись к старшему офицеру в черной эсесовской форме, стоявшему в оцеплении. Они о чем-то поговорили. Офицер указал Василию место.

– Пройдемте! – позвал он деревенских, уже спустившихся вниз и сгрудившихся возле машины. – В связи с последними событиями комендант выделил нам места в портере. Им пришлось немного потолкаться. Прежде чем они добрались до самого помоста. И только тут Федор наконец рассмотрел то, ради чего их всех здесь и собрали. Это была несомненно акция устрашения! На деревянном, наспех сложенном помосте, была построена высокая виселица с настоящей табуреткой, веревкой и всеми положенными атрибутами. Помост пока был пуст, за исключением крепкого мужчины средних лет в форме тайно полиции, который суетливо делал последние приготовления. Видно, на него была возложена участь палача. Конечно же Эрлих Бааде вряд ли стал бы марать собственные чистые ручки о советских проходимцев.

Подерягин огляделся по сторонам. Его вплотную окружали люди разных возрастов и национальностей. Одни о чем-то шептались встревожено, другие стояли молча, но всех их объединяло одно, насквозь противное деду Федору, чувство жадного любопытства, которое легко можно было прочесть по их глазам, которые боязливо шарили по помосту в поисках жертвы. Каждый из них был уверен, что если они приглашены на это мероприятие в качестве гостя, то точно не примерят плотную удавку, висящую на перекладине, а значит можно и полюбоваться смертью другого и оттого еще более ярче оценить собственную жизнь.

– Прошу внимания!– на помост вскарабкался Бааде с прострелянной рукой. Его поддерживал и помогал молодой парень в полевой серой немецкой форме. Наверное, адъютант... Решил дядя Федора, чувствуя, как в толпе нарастает напряжение, повисшее в воздухе тяжелым удушливым облаком. Тишина наступила такая, что было слышно, как звякают металлические части немецких автоматов об их железные пуговицы при легком движении.

– Спасибо!– поблагодарил комендант, расхаживая возле приготовленной виселицы. – Все в курсе, что случилось в течение прошедших суток в нашем Городе и районе?– ответом ему была напряженная тишина.– Знаете... Но для тех кто не знает, тому расскажу. Для начала утром один молодчик отчего-то решил меня застрелить прямо возле дверей комендатуры. Слава Господу нашему, что в самый ответственный мо-

мент у него кончились патроны, и результатом его стрельбы так и осталось лишь мое прострелянное плечо! Несмотря на все уговоры моих помощников... — он кивнул в сторону круглолицего мужчины, топчущегося у помоста. — Я решил стерпеть и не проводить карательных операций. Но знаете, какое дело... — Бааде на секунду сделал вид, что задумался, а потом с улыбкой продолжил, — оказалось, что в этом городе моя жалость и мое снисхождение никому не нужно! В эту ночь был подорван путь, по которому следовал эшелон с нашими доблестными итальянскими союзниками. Опять по счастливой случайности никто не пострадал. И тут меня прорвало... — покачал головой Эрлих. — Я обращаюсь сейчас к вам, товарищи партизаны, я больше, чем уверен, что те, кто участвовал в этих акциях сейчас находятся здесь, либо тут на площади те, кто с ними сотрудничает. Я был готов вам простить личное покушение на меня, свою раненую руку, но подрыв эшелона я простить не могу, как комендант, как офицер Германского Рейха, которому фюрер доверил слепить из ваших скотских натур что-то похожее на человеческое... А потому мы вас будем учить! — он весело рассмеялся. — Нет ничего лучше, чем наглядный пример. А я просто уверен, что кто-то из вас наблюдает за этим все действием. Итак... Товарищи партизаны города спешу сообщить вам, что за каждую акцию вы будете расплачиваться согласно введенных мною сегодня тарифов. За раненого немецкого солдата и офицера — одна смерть невинного мирного жителя. За что-то более серьез-

ное – десять жизней. Если честно, то я бы на вашем месте сто раз подумал, прежде чем устраивать какие-то провокации. Но я справедлив... О, Боги, пусть меня погубит моя доброта, но я считаю справедливым не начинать сразу с радикальных мер! Тем более если вы не знали о моих правилах! За эшелон, конечно, лучше бы десяток повесить стариков, женщин, детей... Но я обойдусь одной! – он театрально хлопнул в ладоши. И дед Федор, которого уже тошнило от омерзения, рассмотрел, как на помост вталкивают худенькую женщину средних лет. Ее платье было кое-где порвано, лицо избито, волосы растрепаны, но она была вполне узнаваема. Стоящая рядом полная женщина в белом платке, изумленно воскликнула:

– Да это ж, Танюша Сатина – учительница школьная!

– Она моего Ваську до пятого класса довела!

– А мой не доучился... Война ведь!

– Да она и дома преподавала! – подхватил кто-то из толпы.

Народ на площади загудел, как растревоженный улей.

– Видите! – улыбнулся Бааде, подойдя к учительнице на помосте. – Вы сразу оценили мои правила игры...

Его крепкие пальцы в черных кожаных перчатках ухватили подбородок Сатиной свободной рукой и покрутили из стороны в сторону, словно рассматривая ушибы и ссадины, полученные при аресте. С большим сожалением на лице комендант отвернулся от нее, возвратившись к публике, затихшей в ожидании финала, но это был явно не конец истории.

Подумал Федор, увидев полу сумасшедший блеск в глазах коменданта.

– Жизнь этой молодой красавицы, умницы и, наверное, комсомолки на вашей совести, товарищи партизаны. Помогите даме, Клаус!– махнул рукой, жадно осматривая толпу. Шпигель торопливо подтолкнул Сатину в веревке. Руки девушки были связаны за спиной, потому и удавку накиннул ей на шею он сам.

– А кто же у нас исполнит волю мою, а?– Бааде увидел в толпе Полухина, стоявшего недалеко от Подерягина, который прятался, как мог, уверенный, что в этом страшном спектакле и ему уготована роль.– Кто тут у нас? Бургомистр Полухин! Прошу на сцену...

Василь весь какой-то съездившийся, сгорбленный с низко опущенными плечами поплелся на помост, поминутно спотыкаясь на ровной брусчатке. Народ настороженно смотрел на его движение, провожая где-то заинтересованными, где-то полными ненависти взглядами.

– Это наш передовик! Лучший бургомистр, я бы сказал! Именно в его вотчине была попытка подрыва эшелона, потому ему и досталась честь нанести смертельный удар.

В какой-то момент Федору стало жалко Петькиного кума. Он выглядел затравленным, жалким и испуганным, прекрасно понимающим, что сейчас придется убить невинного человека, убить, чтобы спасти свою жизнь. В глазах Василя стояли слезы. Он боялся поднять голову, чтобы не напороться на

осуждающие взгляды горожан. Бааде его ломал, ломал при всех раз и навсегда, отрезая ему все пути к отступлению.

– Василий...Прошу к станку!– комендант указал на короткий рычаг, вмонтированный в помост. Сатина не рыдала и не плакала. Наоборот была спокойна и умиротворенна. Глядя прямо перед собой, она что-то шептала очень тихо, практически про себя.

– Василий!– повысил голос Эрлих, видя, что Полухин не двигается.

– Полухин!– Клаус Шпигель толкнул его вперед чуть сильнее, чем надо было. Он запнулся, но устоял на ногах.

– Прошу...– кивнул снова на рычаг Бааде.

Толпа затихла, замер и дед Федор, чувствуя, как отчаянно бьется его собственное сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

– Не...ее..– замотал головой Полухин что-то невразумительное.

– Вы что-то хотели сказать?– позади бургомистра щелкнул взводимым курком Шпигель.

– Аааа!– кажется, в этот момент Василь вместе с криком зажмурился, дернул за короткий рычаг, распахивая под Сатиной пустоту, в которую ее хрупкие точеные ножки мгновенно провалились. Тело дернулось на затянутой петле, закачалось под собственным весом. Учительница захрипела и затихла. Толпа выдохнул. Плакал в этот момент не только Федор, вытирая рукавом пиджака слезу, покотившуюся по небритым щекам холодной струйкой. Плакала вся площадь.

– Спасибо, мой дорогой друг. Вы в очередной раз доказали нам вашу личную преданность, – ободряюще похлопал по плечу остолбеневшего от ужаса Полухина комендант. – Пойдите вниз. . .

Василь не двигался. Он просто не мог, замерев в одном положении, будто парализованный.

– Полноте вам! – его подтолкнули с помоста. Он зашатался, спустился с лестницы и только сейчас обернулся на висящую женщину. Ее глаза были открыты. Лицо чуть посинело, но не было ужасным, как бывает у висельников. Сквозь карие глаза, замершие навсегда, светилась частичка неиспользованной доброты, которую дарила учительница своим ученикам.

Как будто пьяный, шатаясь, Василь и забыл про односельчан, шагая к «Опелю». Комендант настороженно проводил его взглядом, пока тот не сел в кабину, а потом продолжил:

– Это последнее предупреждение, господа партизаны. Напоминаю, последнее! Завтра все будет согласно тем расценкам, которые я уже озвучил. Думайте!

«Взять языка!»

Декабрь 1942

Вот уже полгода прошло, как их перебросили на фронт. Приближался Новый 43-й год, А Петр до сих пор не понимал, зачем провели эту передислокацию. Все внимание сейчас было приковано к Сталинграду, где два смертельно раненых тигра пытались перегрызть друг другу глотку на последнем издыхании своих возможностей.

На их участке фронта изменилось за это время. С июля месяца они лишь несколько раз вступали в столкновение с противником, сменив 145 стрелковую дивизию, отправившуюся под Сталинград. Скорее всего, немцы решили проверить новые части, прибывшие из резерва, провели атаку, но были встречены плотным заградительным огнем из всех видов вооружения и отступили. Честно сказать, но Петр так и не увидел до сих пор вблизи немецкого солдата. Фашист выглядел каким-то придуманным образом, бродящим среди окопов первой линии за выброшенной на землю колючей проволокой. И это его вполне устраивало.

Гришка Табакин успокоился. Такая война ему нравилась. Он все чаще улыбался, меньше ворочался во сне и реже стал говорить о своей скорой гибели, а вот Прохор Зубов – в силу своего юного возраста злился и очень хотел попасть на на-

стоящее дело, лицом к лицу встретившись с противником. Каждый вечер он заходил в их блиндаж и рассуждал о том, как бы хорошо было опрокинуть немцев одной лихой атакой с криками «ура» и создать условия для наступления основных сил. Слушая его слова, Петр не спорил, боясь снова быть обвиненным в недостаточном патриотизме, посмеивался. Надеясь, что сразу же после первого настоящего боя лейтенант перегорит, и будет радоваться вместе со всеми вынужденному затишью.

– Еще навоюешься, – как-то сказал он ему, когда они остались в блиндаже, – на наш век войны хватит!

– Петр Федорович! – восклицал Прохор, делая страдальческое лицо. – Да что же это такое! О чем эти светлые головы в генеральных штабах думают?! Против нас же только румыны, венгры, да итальянцы стоят! Их опрокинуть – расплюнуть! Неужели, они этого не понимают?

Понимают... В этом был Петр уверен. Какая-то внутренняя уверенность подсказывала ему, что их бои еще впереди, что где-то там, в Москве, уже штампуют планы будущего крупного наступления. Где и им найдется работа, а эти спокойные денечки они будут вскоре вспоминать с тоской.

Косвенное тому подтверждение он получил, стоя на часах в промерзшей, припорошенной свежим снегом траншее. Прислонившись спиной к стенкам окопа, он дремал, изредка поглядывая на заснеженное поле, на котором после атаки полугодичной давности остались стоять нетронутыми сгорев-

шие остовы немецких танков, постепенно заносимых снегом. Чуть левее остался стоять броневик, у которого прямым попаданием разнесло передок. Неожиданно справа раздались непонятные шорохи и негромкие голоса. Кто-то шел прямо на него по узкой траншее и тихо переговаривался.

Перехватив поудобнее автомат, Петр стал, как положено, изобразив вид, словно зорко наблюдает за позициями противника. Голоса приближались. Из-за изгиба окопа на него вдруг выдвинулись две фигуры, в одной из которых он легко узнал командира их дивизии Франца Иосифовича Перховича. Его спутник был Подерягину не знаком – крепкий круглолицый мужчина невысокого роста с простыми чертами лица. Он замер, направив согласно уставу на них автомат.

– Стой! Кто идет?– окликнул он их, передергивая затвор.

– А...Подерягин! – обрадовался Перхович.– Это ты...– Петр даже не мог подумать, что командир дивизии не только знает его по имени, но и угадал его с первого раза.

– Так точно, товарищ полковник !

– Все спокойно?– уточнил с серьезным видом Перхович, хотя и сам видел, что на позициях немцев незаметно никакого движения.

– Повымерзали они там что ли? Второй день и каски не заметишь...

– Ну-ну!– улыбнулся полковник, ободряюще похлопав Подерягина по плечу.– Служи! А мы тут с товарищем Ват...

– Я бы попросил!– неожиданно звонким голосом оборвал

его мужчина.

– Прогуляемся по позициям!– вскоре они скрылись за поворотом, а Петр неожиданно угадал, кто был рядом с Францем Иосифовичем – генерал армии Ватутин это был! А раз столь высокое начальство появилось на позициях – жди наступления! О военно-стратегическом гении командующего Воронежским фронтом в войсках давно ходили легенды. Его земляк Николай Федорович заслуженно занял свое место в плеяде солдатских любимцев, благодаря грамотным и всегда продуманным действиям.

С того самого момента Петр и был уверен, что наступление не заставит себя долго ждать...

На следующий день, где-то ближе к полудню, когда Гришка Табакин и Петр грелись в своем блиндаже, к ним зашел командир роты. Сегодня он был серьезен, как никогда. А на губах его гуляла загадочная улыбка, которую Подерягин распознал без труда. Значит все-таки наступление... Подумалось вдруг и на душе противно заныло от ожидания чего-то ужасного, непохожего на все то, что он видел за почти полный год службы.

Лейтенант подсел к ним поближе, вытянув над горячей плитой свои стылые покрасневшие от холода ладони. Размял пальцы, выдыхая пар изо рта.

– Морозно сегодня, ребят, – начал он издалека, хотя было понятно, о чем лейтенант поведет дальнейший разговор. Все было написано на его мальчишеском радостном лице. И азарт предстоящей операции, и конец долгого ожидания настоящей войны... Гришка этого всего не заметил. Кинулся к только закипевшему закопченному чайнику и набулькала немного теплого взвару в металлическую кружку, подал Прохору.

– Угощайтесь, товарищ лейтенант! – Зубов с удовольствием отпил кипятку, согреваясь, расстегнул верхние пуговицы шинели. На его худеньких плечах тут же начали таять налипшие хлопья снега. За дверями блиндажа погода была такой,

что хороший хозяин собаку на двор не выпустит. Метель под сильными порывами ветра крутила свой белоснежный танец, создавая почти нулевую видимость. Небо затянула густыми темно-синими облаками, даже не думая прекращать наступившее их в поле стихийное бедствие.

– Только что шел из штаба дивизии, – начал рассказывать Прохор, отставив чашку с кипятком в сторону и закурив, – видел там майора Тополя... – он взглянул выжидающе на Петра, но тот сделал вид, что не понимает, о чем говорит лейтенант. Та история с бежавшими зэками поросла быльем, по крайней мере, для Подерягина. С того момента он особиста не видел и с ним не общался. Ему стало казаться. Что и для майора эта история ушла на второй план с прибытием на фронт.

– Передавал тебе, Петр Федорович, большой привет. Интересовался, как служишь, нет ли у меня к тебе нареканий...

Подерягин пожал плечами, не зная, что на это ответить. Значит, не забыл...

– А вот Франц Иосифович хвалил тебя! – неожиданно заявил он. – Говорит, ответственный солдат. Всегда на посту... Где это вы с ним успели снова пересечься? – поинтересовался Зубов, но Петр решил не рассказывать про ночные похождения комдива и командующего фронтом по их расположению.

– Может по старой памяти...

– А сам-то, что в штабе делал? – спросил окончательно

проснувшийся Гришка Табакин со своих нар.

– Приказ получал...

– Разведка?– понимающе кивнул Подерягин.

– Она самая!– кивнул комроты.– Нам приказано сегод-
дняшней ночью выйти в поиск и привезти в расположение
штаба «языка».

– Ничего себе! С чего бы вдруг?– присвистнул Гришка,
вставая с нар, застеленных примятой соломой.– Полгода ни-
чего им не надо было, а теперь пленного подавай!

– Табакин!– одернул его Прохор, глядя прямо в глаза Пет-
ру. – Пойдешь?– то ли спросил, то ли приказал Зубов Поде-
рягину.

– Пойду!– пожал плечами Петр. – Вдвоем?

Прохор обернулся на чающего Табакина, который, заме-
тив этот взгляд, чуть не выронил кружку из рук.

– А чего вы на меня так смотрите, товарищ лейтенант?
Вон, хочет Петька идти, пусть идет... Мне и тут хорошо! Я бы
так долго воевал. Постреляли из окопов друг друга и разо-
шлись. На кой черт мне ваш поиск?

– Григорий!

– А что Григорий?– пожал плечами невозмутимо Таба-
кин.– Я ж вам геройствовать не мешаю... Хотите смерти ис-
кать, ползите! А я тут вам чайку...

– Табакин, это приказ!– оборвал его возгласы Прохор.

– Ну, если приказ!– нехотя потянулся Гришка.– Тогда ко-
нечно...

– Как стемнеет... – одним глотком Зубов опрокинул в себя остатки взвару и, громко топоча, вышел из блиндажа.

– Разве с ним поспоришь? – нахмурился Григорий, но Петр уже отвернулся к стене, намериваясь поспать. Ночь им предстояла долгая...

И если бы не постоянное нытье товарища, то это сделать ему прекрасно бы удалось. Но в Гришке опять проснулся тот самый Табакин, который боялся смерти, боялся стрелять, опасался фронта и думал, что в первом же бою его непременно убьют. За оставшиеся до выхода пару часов, он успел настолько надоест Подерягину, что тому пришлось его выслушать, посочувствовать и выкурить не одну самокрутку. Сон исчез. Спать перехотелось. Проверил оружие, почистил автомат, приготовился, надел чистое и спрятав в потайное место у буржуйки свои документы. Не один разведчик на боевой выход не понесет своего партбилета или потрепанный военник. Табакин, разбудив его, куда-то унесся. Не так давно ему удалось найти в соседней с их позициями деревне молодую вдовушку, к которой он регулярно уже на протяжении двух месяцев наведывался. Твердил, что это любовь, но Петру почему-то не верилось. Уж слишком ветреным для настоящей любви был Григорий. С мыслями о зазнобе Табакина, он перешел на дом, образ которого начал постепенно тускнеть и замыливаться в суете армейских будней. Он поймал себя на мысли, что все реже вспоминает об Акулине, меньше тоскует по детям, по колхозной работе, а иногда даже не думает

о них в течение недель. Как там они? Жив ли дед Федька? С его упрямым характером могло быть всякое...

Он думал о семье. Но как-то не выходило. Старался переломить себя, заставить потосковать, но все мысли все равно были заняты предстоящим поиском. Что их ждет по ту линию фронта? Как поведет себя трусливый Гришка, когда надо будет убить живого человека? Сможет ли? Не сломается? А Зубов? Молод, горяч не в меру... Может наломать дров из-за своего патриотического упрямства. Приведет их в стан врага и... Лучше не думать, что будет «и»... Петр встряхнулся, пытаясь отогнать навалившиеся на него грустные мысли. Их первый поиск должен быть успешным. Не зря же они столько времени тренировались под Вологдой, отрабатывали на учениях свои действия. И Гришка сможет, и Прохор выдюжит, главное его направить, научить...

– Готов? – в облаке пара, отряхиваясь от налипшего на телогрейку снега, в блиндаж вернулся Табакин. Лицо красное с мороза и вспотевшее. Видимо бежал от любимой, понимая, что может опоздать.

– Темнеет? Как Людмила? – спросил Петр, набрасывая форму.

– Людмила отлично! Хотела всучить мне немного пирогов, но я гордо отказался.

– Небось, от другого-то не отказался? – подмигнул ему Подерягин.

– Это мы всегда! Там у входа уже Зубов стоит с Перхо-

вичем... Нас ждут, наверное... Мужик какой-то с ними круглолицый. Все в бинокль на немецкие позиции смотрит.

– Ватутин... – пробормотал Петя, вспоминая прошедшую ночь.

– Что?

– Пошли, Гриня, негоже таких больших начальников заставлять себя ждать.

Они быстро облачились в белые масхалаты. Еще раз проверили боезапас и попрыгали на месте. Ничего вроде не дребезжит, не стучит... Любой посторонний звук в поиске легко может выдать их противнику. Не одна разведгруппа уже на этом погорела, потому-то к этой процедуре отнеслись с особым тщанием.

Проход с командиром полка стояли чуть поодаль, левее их блиндажа. Ватутин все так же наблюдал за немецкими позициями, изредка освещаемыми световыми ракетами. С тонким посвистом те взмывали вверх и медленно планировали на землю, распускаясь, словно китайские фонарики.

– Ну, как настроение, бойцы? – спросил их Перхович, нервно похлопывая их по плечу. Зубов до предела собранный и подтянутый, будто струна, стоял чуть поодаль. Его тонкие губы были сжаты в узкую полосочку, а черты лица, словно заострились от небывалого напряжения, охватившего молодого лейтенанта.

– Сейчас бы поспать... – протянул Табакин, зябко ежась под сильными порывами ветра, так и норвящего сбить тебя

с ног. Метель не утихала весь день. Поле боя между советскими и немецкими позициями было уже засыпано снегом, а он все шел и шел, не останавливаясь. Скрыв под свои покрывалом длинную линию ходов сообщения их роты.

– Поспать, увы, не выйдет, бойцы!– Ватутин оторвался от бинокля и повернулся к ним.– Командование фронта планирует крупную наступательную операцию в вашем районе с выходом на линию Валуйки-Купянск. Для получения сведений об оборонительных позициях немцев нам кровь из нас нужны данные.

– Для этого вы и идете в поиск!– подхватил Перхович.

– «Язык» нам нужен, ребята, любой ценой...– покачал головой командующий фронтом.

– Есть, товарищ генерал армии!– вытянулся Зубов по стойке «смирно». Ему положено было знать такого командира в лицо. Табакин озадаченно притих. Он никак не ожидал, что провожать их придет сам командующий!

– Будет вам язык...– проговорил Петр, уперевшись взглядом в землю. Он никогда не любил долгих им нудных проводов.

– Подерягин...– злобно прошипел Зубов рядом.

– Мы будем вас ждать ровно сутки! Если через сутки вы не появитесь на любом участке обороны вашей дивизии, то...

– Вы должны появиться!– горячо прервал Ватутина Перхович и обнял каждого из разведчиков.

– В колонну по одному!– коротко приказал Прохор, ста-

новьясь направляющим.— За мной, шагом марш!

Табакин и Петр медленно зашагали вслед за командиром к тому месту, где еще вчера ночью саперы их дивизии сделали проход в минном поле.

— Как думаешь, Франц Иосифович, эти-то вернуться?— спросил Ватутин, наблюдая за нами, скрывающимися за ближайшим поворотом траншеи.

— Третья группа, Николай Федорович! Если и эти не придут через сутки, то разведчиков у меня в дивизии не останется,— покачала головой командир полка.

— Что делать?! Для того, чтобы нормально спланировать наступление нам необходимо провести минимальную разведку. Иначе больше людей сгубим.

— И то так...— вздохнул Перхович, приглашая Ватутина на свой НП дивизии

Но мы этих прощальных слов, сказанных нам в спину, уже не слышали. Ветер завывал все сильнее, отрезая любые посторонние звуки. В этой снежной коловерти ты мог слышать только собственное разгоряченное дыхание, а потому объяснялись знаками.

Зубов остановился возле небольшой ложбинки, ведущей прямо к немецким окопам от наших позиций. Овражек был узковат с почти отвесными склонами, но по нему можно было добраться прямо до переднего края обороны противника. Прохор остановился и в последний раз осмотрел Петра с Гришкой. Тяжело вздохнул и выбросил свое крепкое поджа-

рое тело из окопа. Следом за ним нырнул Табаки, а за ним Подерягин. Как-то так само получилось, что он шел замыкающим. Снег под весом собственного тела осел. Заскрипел, но выдержал. Григорий полз впереди, поднимая облако снега, мельтешением своих ног, которое настойчиво лезло в рот, забивало глаза, потому Петр повернулся на спину и немного отпустил товарища. На лицо падали холодные пушистые снежинки и мгновенно таяли на нем, оставляя после себя холодный ручеек, стекающий по щекам. Небо почти разъяснилось. Метель стихала, что было им совсем не на руку. Для любого диверсанта, задумавшего поозорничать во вражеском тылу, нет лучше погоды. Чем снежный буран, дождь с грозой или другие катаклизмы. Сейчас ветер понемногу разгонял густые плотные тучи, гнал их куда-то на позиции их дивизии. Оставляя после себя холодно-синее небо, усыпанное редкими серебристыми звездочками.

– Пора!– прошептал сам для себя Подерягин, когда хруст снега за Табакиным затих где-то вдали. Быстрыми движениями он пополз догонять своих сослуживцев, боясь потеряться в ночной темноте. Опасения эти были напрасными. За двумя крепкими мужиками тянулась утоптанная тропинка, по которой ползти было уже намного легче, чем первому Зубову, пробивающему дорогу в голове, но, все же, когда они достигли небольшой редкой рощицы, в которую упирался левый фланг немецких окопов, с Подерягина сошло семь потов. Нательная рубаха вместе с телогрейкой была мокрая,

а сердце колотилось так, будто он пробежал сорокакилометровый марафон. Гришка Табакин чувствовал себя не лучше. Он полулежал на снегу, опираясь на вырванный с корнями толстый ствол дерева. Прохор Зубов напряженно ждал, когда закончится передышка, запихивая жадно себе в рот комья белого снега, от которого ломило зубы.

– Горло заболит...– бросил коротко ему Петр, умывая снегом покрасневшее лицо. От пара, исходящего от него, длинные казачьи усы покрылись тоненькими сосульками. Подерягин их недовольно потер и прислонился к дереву рядом с Табакиным.

– Каков наш дальнейший план? – спросил он у командира, не надеясь на ответ. По лицу лейтенанта было отчетливо видно, что он находится в сомнении по поводу дальнейшего выполнения боевой задачи.

– Правее нас болота... Левее и прямо окопы противника. В них наверняка есть кто-то кто знает о расположении немецких войск все. Нам надо найти его и...

– И умереть!– подхватил Петр.

– Умереть я не планировал,– пробормотал, обессилено Гришка. Его сильно вымотал их марш по-пластунски в снегу по пересеченной местности.– Меня еще Людмила с пирогами ждет...

– Везучий человек!– похвалил его Подерягин.

– А что предлагаешь ты, Петр Федорович?– немного зло оскалился Зубов.– Вернуться ни с чем?

– Идти напралом в немецкие траншеи смерти подобно. Нам из них будет не уйти, если поднимется тревога!– терпеливо пояснил Петр.– Надо найти какую-то деревню, поселок... Что угодно! Лишь это было далеко от линии фронта. Взять языка там и вернуться.

–И на все это у нас сутки!– напомнил ехидно лейтенант.

– Значит надо ускориться.

– Ребят, а если я не могу...

– Табакин!– разозлился Прохор.

– Молчу! Молчу!– примирительно поднял руки тот.

– Думаешь, тыловики знают о расположении частей на переднем крае?– задумался над предложением рядового командир.

– Они-то как раз знают все!– коротко отрезал Петр.– Фронтовики что? Правый сосед, левый сосед, да резерв с тылу. Только штабной офицер в курсе всей картины...

– Добро!– согласился Прохор.– Только куда бежать?– он спустился чуть ниже в овраг, чтобы огонь не заметили из немецких окопов, и зажег небольшой ручной фонарик, раскрыв карту с планшетом.– Правее болота, а через восемь километров правее будет поселок Масловка.

– Туда там нам и надо!– подхватил идею командира Петр.

– Вы рехнулись?! Через все немецкие позиции? – возмутился Гришка.– Это же форменное самоубийство!

– Его-то от нас и не ждут!– когда появился хоть какой-то план, Зубов повеселел. Напоследок закинул в рот комок сне-

га и вскочил, поправив форму. Направление на Масловку, Табакин за мной, Подерягин замыкающий. Бегом марш!

Немного поворчав, Гришка последовал за ним. Позади него, чутко прислушиваясь к шорохам ночного леса, трусил Петр. Выбираться из оврага не стали. В любом случае это была какая-никакая, а защита от любопытных глаз немецких часовых. Нагруженное боеприпасами тело с трудом прорывалось сквозь глубокий снег, доходивший местами по грудь. Слева от них мелькали фонари прожекторов-искателей, взрывались со свистом осветительные мины, но все это было направлено куда-то вперед, на узкую полосу фронта перед фашистскими позициями. Незамеченными им удалось пробраться через три линии обороны, последняя представляла собой уже сброд полупьяных солдат и довольно слабых офицеров, которые не захотели выставлять даже часовых. Из ближайшего к ним блиндажа, находившегося метрах в сорока от того места, где они укрылись, играл патефон, слышались женские смешки.

– Может их?– кивнул в сторону вышедшего пройтись до ветра немецкого офицера Прохор. Позади него стояла полураздетая женщина и что-то ему рассказывала, размахивая полной бутылкой.

– А правда меня в Германию возьмешь?– она истерично рассмеялась, сделав глубокий глоток.

– Конечно, возьму...– с сильным акцентом проговорил немец, закончив все свои дела, возвращаясь к блиндажу.

– Врешь ведь, гад!– вместе они скрылись за плотной дубовой дверью, построенной из хорошо подогнанных досок и занавешенных плащ-палаткой.

– Нет...Опасно!– прошептал Петр, оглядывая взором охотника длинные ряды траншей. Не дай бог, кто панику поднимет прежде, чем мы уйдем за линию фронта.

– Тогда бежим...– скомандовал Зубов.

– Что бежим? Опять бежим?– заканючил Табакин.– Не могу уже бежать...

– Табакин!

– Есть, бежать,– вздохнул Гришка, догоняя своего командира.

Ноги медленно наливались чугунной тяжестью. В боку закололо, сбивая дыхание, все-таки годы уже не те. Сорок лет скоро...Петр старался не отстать от молодых товарищей, иногда оглядываясь, чтобы определить, нет ли преследования. Пока за спиной было чисто. Даже слабая поземка была сегодня на их стороне, задувая следы, оставленные ими на свежем снегу. Линия фронта светилась сотнями огней, но не один из них не был направлен в их сторону.

Выбрались на накатанную колею, и стало проще. Ноги уже не утопали выше колена, а месили сырую коричневую кашицу. Сапоги давно промокли, в них хлюпало, а кончики пальцев на ногах начали ощутимо подмерзать. Петр чувствовал себя промокшим насквозь. Тело заливал пот, силы понемногу оставляли его.

– Привал...– Зубов рухнул на землю под сенью старого тополя и прерывисто задышал. Его грудь вздымалась, как разъяренный вулкан, с шумом втягивая в себя воздух. Рядом прямо в снег повалился Табакин. Заворочался и ринулся в кусты. Оттуда раздалось хрипение и надрывный кашель.

– Рвет от нагрузки...– пояснил Петр, падая рядом. Он сам чувствовал, как во время бега к нему не раз подкатывало приторное ощущение тошноты. Каким усилием воли он сдержался неизвестно, а как упал в холодный снег навалилась такая усталость, что идти блевать не хотелось, да и не было сил. Марш по глубокому снегу вымотал диверсантов до полного изнеможения. Сердце набатом отдавалось в ушах, металлическим медным привкусом появляясь во рту.

– Я больше не могу...– Табакин нашел в себе силы дойти до места их лежки и упасть.– Хоть расстреливай, Проша! Сколько б до той Масловки не было бы...

Зубов усмехнулся, приподнялся на локте, отодвигая в сторону пышную ветку ели, закрывающую нас от дороги.

– Вон, она Масловка! Добежали...

Дорога, с которой они свернули, упиралась в довольно крупный поселок, крайние дома которого начинались уже метрах в двухстах от них. На въезде был установлен шлагбаум, возле которого, съездившись в куцей шинельке, бродил солдат в немецком обмундировании. Чуть дальше виднелись грузовые машины, припорошенные снегом, несколько бронетранспортеров. Во многих избах горела керосинка, свети-

лись окна, а над печными трубами вился легкий сизоватый дымок. Картина была настолько мирной, непохожей на все, что видели разведчики до этого, так напоминающей дом, что у всех заныло под ложечкой от тоски.

– Сейчас бы на колядки... Да с девками с горы покататься! – мечтательно промолвил Гришка, выразив, наверное, общую мысль.

– У нас такие гулянья под Новый год закатывали... – подхватил Прохор. Каток во дворе заливали.

– Интеллигенция... – хмыкнул Гришка.

Сейчас бы домой. Дед Федька ворчит, словно сломанное радио. Дети играют на огромной русской печи. Рядом Акуля, а ты слушаешь треск поленьев, греешь ладони возле открытой заслонки, попыхивая самокруткой... А за коном воет вьюга, бросая в маленькие окошечки комья мокрого снега, но нет ничего уютнее, чем такой вечер в кругу семьи. С ней тебе ничего не страшно, даже лютая метель, разыгравшаяся на улице...

Видение Петра было настолько ярким, что он даже немного согрелся от придуманной им же печки.

– Петро! – его за плечо трепал Табакин, возвращая в суровую реальность из мира грез.

– Петр Федорович!

– Да... – помотал головой Подерягин, сбрасывая наваждение.

– Только как мы определим кто здесь самый главный. Де-

ревня-то большая... Домов пятьсот будет... – поинтересовался Зубов, у которого уже начали закрадываться сомнения, что он поступил правильно, послушав своего солдата. Не кстати вспомнился их давний разговор о ложно патриотизме. Пришла мысль, что может, майор Тополь был прав, и Петр привел их сюда, чтобы сдать. Но Зубов отмел ее, как недостойную советского гражданина и офицера. Если не доверять тем с кем идешь в разведку...

– А мы сейчас вот у товарища спросим... – Петр понимающе переглянулся с Григорием, поняв друг друга без слов. Тенью скользнул за спину часовому, скрывшись в темноте, приближающегося к деревне леска.

– Что он хочет... – пробормотал растерянно Прохор, непонимающе глядя на двух друзей.

– Сейчас увидишь, лейтенант! – Табакин слепил из мокрого талого снега круглый снежок среднего размера и швырнул в будку часового. Тот моментально вскинулся, сдернув с плеча винтовку, хоть и имел до этого вид скучный, если не сонный.

– Warte? Wer kommt? – воскликнул немец, передергивая затвор ружья. Направляя его в сторону откуда прилетел снежок.

– Чего сказал? – не оборачиваясь, уточнил Григорий, жадно пожирая глазами пространство позади фашиста.

– Стой, кто идет... – быстро перевел Прохор, не сводя глаз с немца, но все равно пропустил тот момент, когда крепкая

фигура Петра взметнулась из-за сугроба, подняв облако снега. Подерягин закрыл рот солдата ладонью, а потом со всего маху рубанул по шее. Тело часового обмякло, винтовка выпала из рук. Немец осел, не доставляя никаких хлопот Петру, который уже оттащил его в то место, где его уже ждали Гришка с Зубовым.

– Ну, вы даете. Петр Федорович... – покачал одобрительно головой лейтенант.

– Не зря же вы нас учили столько времени под Вологдой! – хмыкнул Подерягин, не став говорить, что все это пришло совсем не из-за обучения в полевом лагере, а из накопленного жизненного опыта, когда сходились в деревне улица на улицу. Когда старшие мальчишки постоянно тыкали его дворянским происхождением, и приходилось то и дело вступать в драку.

– Эй, очнись! – Табакин похлопал немца по щекам. Это был совсем молодой солдатик, возраста Зубова. Розовощекий, испуганный, от ударов по лицу, он открыл глаза, непонимающе уставившись на диверсантов.

– Спрашивай! – кивнул лейтенанту Петр, борясь с жутким желанием закурить. Некогда было. Особенно сейчас, когда их поиск входил в решающую фазу.

– Wo lebt dein kommandeur? (Где живет ваш командир?) – по-ученически запинаясь, спросил Прохор. Для него все это было в новинку. Страшно...

– Lass mich gehen... Ish weib nichts! – зататорил немец,

даже не пытаясь вырваться из цепких рук Табакина, придерживающего его на всякий случай.

– Чего говорит?– нахмурился Петр.

– Говорит, чтобы отпустили, так как он ничего не знает...– с трудом перевел Прохор.

– Бей!– кивнул Подерягин Гришке, сам несколько раз ощутимо приложившись к худосочному боку пленного.

– Ich bin nur ein Soldat! Ich wurde gewaltsam derufen! Tote nicht...Es tut mir Leid!

– И?– спросил у комнадира Гришка после небольшой паузы.– Подействовало?

– Нет... говорит, что он всего лишь солдат. Его призвали насильно. Он не хотел. Просит не убивать...

Подерягин со всего маху врезал молодому фашисту по скуле, потом добавил несколько раз по почкам.

– Переспроси?

– Wo lebt dein kommandeur?

– Tote nicht...Es tut mir Leid!(Не убивайте...Прошу!)

– Wo lebt dein kommandeur?– твердил заученную фразу Зубов.

– Du wirst mich nicht toten?(Вы меня не убьете?)

– Nein! (Нет!)– пообещал Прохор. Ему, действительно, было жаль этого молодого паренька, чем-то схожего на него в своей судьбе и жизненном пути.

– Das dritte haus entlang der strabe auf der linken seite...– пробормотал, сломавшись, фашист.

– Свяжите его и кляп какой-то в рот засуньте, чтоб не орал!– облегченно вздохнул Прохор, вставая с колен.

– Он рассказал?– обрадовался Табакин.

– Третий дом по улице слева...

– Подождите, командир...– остановился Петр.– Ты его хочешь живым оставить что ли?

– Я ему пообещал!– Зубов отвернулся от Подерягина, пряча глаза.

– Он враг!– не понял его Петр.

– Он – молодой парень, который не по своей воле пошел на фронт. Я ему обещал жизнь!– отрезал Зубов, и вот сейчас в его глазах начали проявляться черты настоящего мужчины, которому выпало принимать непростое решение. Возможно первое в его еще такой короткой жизни.

– Отлично! Только этот молодой парень,– Подерягин кивнул в сторону лежащего на земле и непонимающего ни слова из происходящего разговора немца, – как только его развяжут, отправиться за нами в погоню и непременно воспользуется возможностью заработать на твоей Проша жизни железный крест! Он будет в тебя стрелять, гнать тебя, как зайца по полям пока не настигнет. И вот тогда...Я посмотрю на твою доброту!

– Я сказал нет!– огрызнулся Зубов.– Гришка, спеленая красавца!

Табакин молча достал веревку и связал немцу руки, потом ноги, вставив в рот фашисту его собственный носовой

платок.

– Готово, вроде...

– Пошли!– коротко приказал лейтенант, отправляясь в деревню, недовольно покачав головой, за ним двинулся Подерягин, напряженно осматривая окрестности.

Глубокая ночь окутала село в сонное состояние. Даже собаки на привязи не брехали, лениво поглядывая на них из-за поваленных плетней. Начал снова сыпать мелкий снег, заметая их следы на узкой дорожке, бегущей по улице.

– Третий дом слева... Кажись этот!– кивнул Прохор на большую избу, крутую металлическими листами, с широкими окнами, украшенными резными наличниками. Забора не было, во дворе колодец, добротный сложенный сарай из самана. Широкое крыльцо под крышей. Заметно было, что это лучший дом в деревне и что в нем до войны жил не обычный колхозник.

– Спит, гад...– прошептал Петру на ухо Табакин. Окна не светились. Форточка открыта, несмотря на мороз. Прохор взошел на скрипучее крыльцо и огляделся по сторонам. Деревня мирно спала, наслаждаясь последними часами перед рассветом.

Стук...стук...Зубов старался не шуметь, чтобы не разбудить соседей. Стук...стук...Постучался он более настойчиво. Минуту через три послышались шаркающие шаги и недовольный голос, ворчащий что-то по-немецки.

– Wer hat mitten in der nacht dorthin gebracht? Ich komme...

(Кого там принесло среди ночи? Иду я уже...иду...)

Дверь, скрипнув на несмазанных петлях, широко распахнулась. Перед ними стоял заспанный немец с помятым после долгой пьянки лицом в одних кальсонах и белой нательной рубашке. Его давно небритые щеки поросли недельной щетиной, а взгляд стал осмысленным только в тот момент, когда Зубов со всего маху заехал ему в лоб прикладом ППШ. Офицер широко взмахнул руками и отлетел в сторону, опрокинув какие-то ведра и кастрюли, стоявшие в углу сеней.

– Не убил хоть?– спросил тихо Петр, затаскивая немца в горницу. Лицо офицера заливала кровь из рассеченного лба.

– Перевязать бы...– шепотом предложил Табакин.– А то принесем холодную тушку...

Зубов виновато пожал плечами, коротко приказав.

– Немедленно одеть и перевязать!

Свет включать не стали, на ощупь пробираясь среди стола и лавок. Лунный свет падал в окно, скупно освещая богато обставленную комнату. В углу Петр заметил даже настоящий граммофон с кучей пластинок.

– Где его форма?– спросил Гришка, осматриваясь в потемках, и тут из-за шкафа, примостившегося в углу возле простой русской печи, раздался пистолетный выстрел, а потом еще и еще один. Табакина отбросило в сторону. Он застонал громко и протяжно, схватившись за плечо. Только сейчас Петр разглядел, спрятавшуюся за шкафом худенькую женскую фигуру и направленный ему в грудь револьвер. Те-

ло среагировало само, судорожно нажав на спуск. Длинная тугая очередь ППШ вспорола воздух, обрушиваясь всей своей смертоносной мощью на спрятавшуюся в углу женщину. Пули разорвали белую ночную рубашку, опрокинули на шкаф.

– Подерягин!– воскликнул Зубов, бросаясь в тот самый угол. Очередь в тишине спящей деревни прозвучала, как гром среди ясного неба.– С ума сошел?

Проснулись, сбросив с себя сонную одурь предрассветного утра, местные псины. Деревня сразу ожила, очнулась. Замигали окна домов. Раздалась громкая торопливая немецкая речь.

– Побудили всех...

– Ааа! Мамочки моя...– стонал Гришка тихонько, сквозь сжатые зубы, зажимая рану ладонью. Сквозь его плотно сжатые пальцы стекала тоненькая струйка крови.– Больно-то как...

– Сейчас!– Петр бросился к нему, на ходу доставая перевязочный пакет.– Потерпи, братка... Потерпи чуток,– Подерягин ловко разрезал бинт, накладывая один за одним быстрые витки.

– Баба была... Наша... Русская...– Прохор вернулся назад из угла, осмотрев убитую.

– Спужалась, наверное...– пожал плечами Петр, стягивая бинт.– Думала, бандиты какие... Фронт далече от них будет. Вот и пальнула...

– Дура...– застонал Гришка.

– Это точно!– согласился Петр, закончив перевязку.– Уходить надо, Проша! Через пару минут тут будет очень много немецких солдат, а у нас на руках фриц без сознания и раненый...

– Что ты предлагаешь?– быстро спросил лейтенант, напряженно всматриваясь в окно, где уже виднелись суetyащиеся немцы, пока просто недоуменно толкающиеся на улице, но недвигающиеся в сторону жилья своего командира.

– Надо их задержать, а вам двоим уходить через окно и огородами,– сказал Петр, доставая дополнительные диски для своего ППШ.

– Добро...

Вдвоем они вытолкали через распахнутое окно находившегося без сознания немца, а когда повернулись обратно, то увидели неожиданно спокойного с плотно сжатыми губами Гришку Табакина, устраивающего у окна поудобнее.

– Ты чего, Гриня?– спросил Петр, осипшим в раз голосом. Он понял уже, что задумал товарищ и не мог этого принять, не мог допустить. Гришка... Вечно боящийся смерти, что его убьют или ранят, днями и ночами мечтавший о скором окончании войны, решил остаться один, чтобы прикрыть их отход.

– Прохору с раненым и языком не уйти...– быстро проговорил он, укладывая рядом с собой в рядок гранаты из подсумка.– Все погибнем и задание не выполним! Я при-

крою... Сколько смогу, только гранат мне побольше оставьте, чтоб подольше продержаться.

– Гришка... Гриня... – Петр неожиданно задрожал всем телом, затрясся. Из глаз самовольно покатались слезы.

– Идите... Я этих сволочей... – Табакин решительно прильнул к стеклу, наблюдая за тем, как несколько солдат направляются к дому командира.

– Табакин... – ошарашено пробормотал Прохор, не ожидавший от своего подчиненного такого шага.

– Идите! – почти прокричал Григорий.

– Пошли... – коротко приказал Зубов, вытягивая все свои запасы гранат. Его примеру последовал и Петр, повинувшись нахлынувшему порыву он развернул друга к себе и крепко обнял, борясь с подкатывавшем к горлу комком.

– Больно же... Петька... – Григорий поморщился и ухватился за раненное плечо.

– Уходим!

Они вынырнули из полумрака дома на белоснежное поле огорода, усыпанного не убранными стеблями кукурузы и бахчи. Немец все еще был без сознания. Кровь течь перестала, покрыв ранку начинающей заживать коричневой коркой.

– Сначала тащишь ты, а я прикрываю, а потом я! –скомандовал Зубов, у которого даже в его облике юного лейтенанта что-то переменилось. Лицо стало старше, морщины на лбу четче, а глаза горели каким-то яростным огнем всепоглощающей ненависти. Петр, готов был поспорить, что в этот мо-

мент Прохор пожалел, что оставил в живых того молоденького часового у опушки.

Так и становятся настоящими солдатами... Подумал Петр. Совсем не через учебные полигоны и стрельбы, не через дежурства по кухне или стоя дневальным на тумбочке, а только так... Потеряв кого-то близкого, отупев от ярости и бешенства, клокочущего внутри. Становятся только тогда, когда терять уже нечего... Когда в сердце остается лишь ледяная пустота и нет в нем места для любви, нет в нем места для человеческой жалости, есть только боль и жажда мести.

Они успели отбежать почти на километр, когда позади них раздались первые выстрелы. Гришка Табакин – весельчак и бабник, вечно боящийся умереть, рассказывающий всем и каждому об этом принял свой последний бой в деревне Масловка.

Петр на секунду остановился и обернулся назад. Темное небо, начинающее сереть перед рассветом озаряли яркие огненные вспышки, слышался грохот, взорвались несколько гранат.

– Пока они думают, что мы там и с нами этот... – Прохор кивнул в сторону немца. – Они будут штурмовать осторожно. У Гришки есть шанс продержаться час.

– У Гришки шансов нет. Проща, – ответил тихо Петр, снова начиная свой бег меж деревьев, экономя силы.

« Шурка, Колька и ружье...»**Декабрь 1942**

Полгода оккупации пролетели для села незаметно. Горячка первых месяцев у немцев стихла. Раз и навсегда, показав, кто здесь главный, они попритихли и больше никого не казнили столь публично, как учительницу Татьяну Сатину. Партизаны, следуя советам деда Федьки, акций не проводили, а на территории района установилось некое подобие равновесия, когда обе воюющие стороны замерли на старте, выжидая кто первым откроет огонь, чтобы начать самую настоящую кровавую баню.

Ганс и Вилли, живущие у Подерягиных, были идеальными квартирантами. Буянить не буянили, уходили рано утром в дом бургомистра, выполняли там свои функции охранников, возвращались за полночь или вообще не приходили ночевать, оставаясь в конторе с самого утра.

А вот сам Василь Полухин значительно изменился. Казнь Тани Сатиной изменила его до неузнаваемости. Он стал бледен, похудел, постоянно нервно оглядывался, словно опасался, что вот-вот из-за угла вынырнет какой-нибудь народный мститель и всадит ему клинок в спину. Василий жил в постоянном страхе, что не могло не сказаться на его здоровье. Бургомистр начал часто болеть, подолгу не вставать с по-

стели. Ночами ему снились площадь, заполненная до отказа людьми, и слышался жадный шепот за спиной.

– Убьет... Неужто решится...

Голоса эти преследовали его везде, и когда он сидел за своим столом в кабинете, когда ел, спал или инспектировал деревни поблизости. Они не выходили у него из головы, звуча предательски страшным набатом в ушах, а перед глазами стояло умиротворенное спокойное лицо совсем молодой девушки с петлей на шее, которую он когда-то собственноручно казнил. Это сводило его с ума, заставляя каждую ночь просыпаться в холодном поту, ожидая неминуемой кары.

В эту ночь ему снова не спалось... Он долго ворочался на кровати с бока на бок, но сон не приходил. Жена, спящая рядом, давно уже наводила на него тоску своими осуждающими взглядами, невольными уколами нечистой совести, которые, впрочем, вскоре ею забывались, с достатком компенсируясь довольно большой зарплатой бургомистра, приходящей в марках.

Василь вздохнул и тихо встал, боясь разбудить женщину, которая за последние полгода стала для него совершенно чужим человеком. Он и возвращался домой как-то больше по инерции, с мыслью, что больше-то возвращаться-то и некуда. Хлебал щи. Слушал в пол уха немудреные сплетни, а потом ложился в кровать. Торопливо отворачиваясь к стене, делая вид, что спит, прислушиваясь до того момента, пока дыхание ее не становилось спокойным и равномерным. По-

том вставал, одевался и долго смотрел на свое осунувшееся лицо в зеркале.

Сегодня ночь ничем не отличалась от сотни других, наполненных стыдом и отчаянием. Василь потер заросший щетиной подбородок. Мелькнула мысль, чтобы побриться. Но он отмел ее сразу. Пошарил в темноте по полкам, пытаясь найти начатую четверть самогонки, оставшуюся со вчерашнего вечера. Не нашел и быстро стал одеваться, вспомнив про припрятанную заначку в его кабинете. Молча выбрался на улицу, вдыхая морозный воздух. В этом году зима удалась, как никогда до этого! Морозы стояли под тридцать уже почти месяц. Снег укутал крыши домов еще в октябре, как раз на Покрова, да так и остался лежать. Посреди улице вытоптанная тропинка, широкий санный след, ведущий к центру села. Полухин медленно побрел по нему, упиваясь своим одиночеством. В деревне пусто и тихо, словно все вымерли, а еще совсем недавно девчата и парни с песнями и плясками гуляли по улицам, лузгали семечки, общались, веселились, находили свою любовь... Комендантский час сделал свое черное дело. После восьми часов вечера редко встретишь какого-то прохожего. С наступлением сумерек село погружается в сон, гаснут керосинки в домах, тухнут лучины до следующего дня и так без конца...

Когда-то давно он тоже был молодым. Василь оглядел знакомые улицы, где они со своими погодками лихо отплясывали под аккомпанемент гармониста. Тут он и повстречал

первый раз Акулину. Ее чуть прищуренный насмешливый взгляд, четко очерченные скулы, тонкие чувственные губы и сводившая всех ребят села с ума коса...Полухин тяжело вздохнул, остановился, пытаясь отогнать нахлынувшие воспоминания. Она пела...Она прекрасно пела! Так душевно, что слезы наворачивались на глаза, даже у самых лихих ребят, не боявшихся идти на нож с голыми руками. Она пела и была мечтой каждого из компании, доставшаяся его лучшему другу.

Петр...Заводила в их компании! Серьезный, солидный...Кремень, а не мужик! Из семьи кулаков, владеющий настоящей ветряной мельницей. Куда Василию было состязаться с этим молодцом? А может он и не пробовал состязаться?

Полухин замер на месте от этой неожиданно, пришедшей ему в голову простой мысли.

Это была ранняя осень, когда пожелтевшие листья еще не опали с деревьев, а погода все еще милостиво позволяет насладиться последними в этом году лучами теплого солнца. Петр взял Акулину за руку и прямо с вечерки увел к себе домой. Почему Василь промолчал? Почему не врезал ему со всей силы? Он и сам этого не знал...Просто отпустил, уверенный, что с Петром его ненаглядная, с которой он и заговорить-то боялся, найдет свое женское счастье. И не прогадал! Результат тому двое деток, которые подрастают в доме Подерягиных. Но как же больно, как же глупо это осознавать,

особенно сейчас, когда конец жизни виден, он не за горами, а расплата приближается с каждой сводкой совинформбюро.

Ноги сами вынесли его к плетню Подерягиных. Шатаясь, как пьяный, он ухватился за длинную жердь, не чувствуя холода в расхристанном зипуне и без шапки. Он не мог бороться. Не хотел бороться с болью томящейся у него в груди, затаившейся, как кобра, сосущая изнутри все его нутро. Не в силах больше терпеть он глухо простонал, держась за свою седую голову...

– Василь, ты?– раздался совсем рядом знакомый женский голос, от звука которого Полухин вздрогнул, снова пытаясь нацепить на себя маску бургомистра.– Тьфу ты, Господи! А я уж думала, кого это на ночь глядя принесло ко двору... Ты чего это здесь?– Акулина, кое-как замотанная в теплый махровый платок, в накинутом на плечи костюме свекра, стояла у колодца с набранным ведром воды. Ее тонкие стройные ноги, прикрытые до клен ночной рубахой нетерпеливо топтались на месте, ощущая покалывающий морозец. Только сейчас Полухин заметил, что в окнах горит свет, а над трубой вьется манящий теплый дымок домашнего очага. Такого недостижимого для него, но такого желанного. Наверное, самого желанного в этом мире!

– Шел мимо...

– Куда это?– нахмурилась Акулина. Их хата была крайняя с поля. Дальше только была непроходимая по зиме белоснежная гладь снега. И Василь решил... бросился, как в

омут с головой, говоря торопливо, путано, но от всего сердца:

– Акулинушка... Ясочка моя!– он рухнул в снег перед ней на колени, вытирая катившиеся градом по небритым щекам слезы.– Люблю я тебя! Люблю! Всем сердцем люблю! С момента, как увидел, нет покоя мне в этом мире...

– Сдурел что ли?!– воскликнула она, боязливо посматривая на раскрытые дверь в сени, как бы дед Федька не услышал.

– Мы уедем... Далеко... В Германию. Жить, как фрау настоящая будешь! Мне Бааде обещал домик и паспорт немецкий. Не жизнь мне без тебя... Молиться на тебя стану! Уедем!

– Василь! Василь!– окликнула она его, поднимая с колен.– А Петр? О Петре ты подумал? О жене своей? А? О сыне?

– Что жена? Ей марки немецкие нужны, а не я... А Петр твой сдох уж верно где-то от немецкой пули! Сука...

– Не смей!– Акулина со всего размаху влепила Полухину отчаянную пощечину. Тот покачнулся. Схватился за лицо. Острая боль его отрезвила. Горящая щека, как от удара хлыстом, заставила собраться.

– Так значит... Мараться не хочешь?– зло прошептал он, сжав кулаки.– С предателями народными... Убийцами?– Акулина попятилась назад, чувствуя, как напирает кум. В его глазах она увидела ту самую темную водицу, которая бывает у самых настоящих сумасшедших, готовых совершить

какой-нибудь гадкий и мерзкий поступок. Полухин плотоядно усмехнулся и бросился к ней. Его жадные крепкие руки зашарили по ее молодому телу. Ладони бесстыдно гладили оголившиеся бедра. Ночная рубашка задралась.

– Отпусти, зашумлю!– попыталась вывернуться Акулина, но Василь, будто бы и не слышал.

– Акуля!– в сенях раздался тяжелый топот ног деда Федора. Скрипнула дверь, Полухин нехотя отпрянул от женщины.

– Чего это ты, на ночь глядя, к нам?– угрожающе нахмурился Подерягин, перехватив поудобнее костыль.

– За Гансом пришел,– спокойный и уверенный голос старика отрезвили Василия,– дома?

Акулина, пользуясь моментом, ловко юркнула в дом, забыв про оставленное ведро, мимо деда Федьки.

– А куда ж ему деться-то? Он твой подчиненный... Акуля! Кликни, Ганса!

Василь, низко склонив голову, тяжело дышал, уперев взгляд в снег. Подерягин, молча, прошел мимо, взял ведро и занес в сени.

– Тяжко тебе, Васька...– промолвил он, обернувшись уже на пороге.

– Легко мне, дядь Федь! Легко!– попытался улыбнуться Полухин, но ничего не вышло. Улыбка вышла какая-то вымученная, избитая, как маска бургомистра, которую он ежедневно обязан был таскать на лице.

– Вижу, что совесть осталась. Трошки, но осталась... Вот

она тебя, подлюку, и грызет изнутри, сжирает, как червь...

– Вы на свою совесть поглядите, дяденька,– накинулся на него Василий,– иль уже забыли про пуговицу чудесную?

– Чего не сдал меня тогда, а? – спросил дед Федька, прищурившись.

– Да потому что ты такой же, как и я! И совести у тебя нет!– рассмеялся Полухин.– За Родину борешься? Да ты ее ненавидишь! И всегда будешь ненавидеть, той лютой ненавистью, которая и меня ворочает и ломает! Ты контра! У тебя эта гребаная советская власть все отняла, жизнь поломила...– произнес Полухин, скрываясь на крик.– Жду, пока скинешь себя шкуру добряка, да покажешь свое истинное лицо!

– Может и так...– пожал плечами Федор.– А я все ж думаю, что совесть все-таки осталась у тебя, Васька. Не было б совести, не стоял бы ты ночью здесь под двором моим, будто собака приبلудная. Потому и не сдал меня.

– Герр, бургомистр!– на пороге дома появился Ганс, с трудом, но изъяснявшийся по-русски. Он был уже полностью одет в зимнюю полевую форму и даже нацепил на плечо винтовку.

– Пошли...– коротко бросил Полухин.

– Куда?

– Ко мне!– пошатываясь, Василь вышел со двора, путаясь в полах расстегнутого зипуна.

– Герр бургомистр...– поторопился за ним Ганс, но Полу-

хин молчал, твердо решив залить сегодняшнюю ночь спиртным и если не избавиться от тоски, гложущей его изнутри, то хотя бы немного притупить ту боль, которая крепко, будто сжатый кулак, стянула всю его грудь.

Хромая, дед Федька зашел в дом. Акулина сидела за столом, опустив голову на сложенные руки. Ее круглые плечи вздрагивали от сухих рыданий, сотрясающих хрупкое тело.

– Будет...– проговорил Подерягин, погладив мимоходом невестку по плечу.– Будет плакать! Охальничал?– нахмурился он, присаживаясь напротив.

– Пытался...В Германию звал с собой, сказал, что Петра уже и в живых-то нет...

– А ты?

– Вы что?– глаза Акулина округлились от удивления. Она даже плакать перестала, глядя на свекра непонимающим взглядом красных глаз.

– Жив Петька! Жив! Я своего сына сердцем чую!– с какой-то злостью проговорил Подерягин.– А что в Германию звал, это хорошо! Это очень хорошо!

– Что ж тут хорошего?– уже не рыдая, а, тихо всхлипывая, спросила Акулина.

– Когда крысы с корабля бегут, то значит и кораблю недолго осталась...– задумчиво проговорил дед Федька, уставившись в одну точку.

Морозное утро заглянула в дом Подерягиных вместе с потоком холодного воздуха, хлынувшего в жарко натопленную комнату вместе с выходом Акулины. Дед Федька встал еще раньше. Оба они отправились справляться с домашним хозяйством, избегая смотреть в глаза друг другу. Сегодняшняя ночь, благодаря действиям Василя Полухина, безусловно, удалась на славу. И женщина, прилежшая с детьми на лежанке прогретой русской печи, долго слушала, как свекор крутится на лавке, стараясь уснуть. Ей самой сон не приходил. Случайно оброненная кумом в пылу разговора фраза, задела за живое, рубанула с плеча, заставляя Акулину задуматься, а так ли не прав Василий? Каким-то непостижимым образом, может своей искренностью, может тем, что наконец смог раскрыть свою душу, Василий затронул такие струны в душе женщины, что сомнения стали ее одолевать с каждой минутой. Жив ли Петр? Никакой связи с внешним миром оккупированные не имели, почта не ходила, о движении советских войск можно было узнать только по хорошему или плохому настроению бургомистра. Они уже полгода жили в изоляции. И что ей думать? В войне, где каждый день погибают тысячи таких, как ее муж, он случайно останется жив? Она надеялась на это, она хотела этого... Но тем не менее заснуть в эту ночь так и не смогла. Рано утром встала, умы-

лась, набранной вчера водицей и пошла в след за свекром на улицу.

– Петухи еще не пропели... – покачал головой дед Федька, в одной жилетке и рубахе широкими размашистыми движениями очищая узкую дорожку, ведущую к калитке от снега. Вчера к рассвету напало изрядно, да и зима выдалась снежная. Постоянные метели привели к тому, что весь двор Подерягиных превратился в узкий белый лабиринт, по которому с недовольным кудахтаньем носились последние две курицы, свято берегшиеся к Новому году.

– Не спится что-то... – отмахнулась Акулина, подметая с крыльца. Красные не выспавшиеся глаза болели тугой болью.

– Ну да... – кивнул дед Федька задумчиво, продолжая работу. – Я тоже плоховато спал! Все думал о Петьке...

Акулина перестал мести, выпрямилась, ожидая продолжения от свекра, который никогда ее не любил и не принимал. Что он скажет теперь после отвратительной вчерашней сцены, устроенной бургомистром?

– Жив Петро... – уверенно заявил дед, отставляя лопату в сторону. – Был бы мертв вот тут... – он ударил кулаком в сердце, побледнев. – был бы мертв почувствовал бы...

– Господи спаси и сохрани его! – Акулина вороватым движением, отученная революцией, быстро перекрестилась.

– Вилли тоже ушел? – кивнул в сторону хаты старик.

– Через полчаса где-то Ганс приходил за ним. Уже пьяный!

– Вот так они воюют! Им только с нами со стариками и бабами бушкаться, а как только серьезного противника встретят, так драпают. Это я еще по Первой Мировой знаю... Ты не волнуйся, дочка, я тебя в обиду не дам! Пока сила в руках есть... – в доказательство своей силы он легко и непринужденно подцепил лопатой слежавшийся ком снега и выкинул за забор, а Акулина заулыбалась довольно, неожиданно для самой себя услышав, что скупой на ласковые слова дед, впервые за столько лет брака назвал ее дочкой. От этого полегчало, и пришла надежда, что когда-нибудь она станет если не равной строгому свекру, то хотя бы перестанет быть бесправной бесприданницей, взятой ее дурачком сыном замуж из милости.

А вот пока они беседовали, после ночной метели приводя двор в порядок, в избе уже проснулись Колька и Шурка. Они прыгнули с печи и огляделись в поисках родных. Мать в это время уже стряпала. Дед возился во дворе, но ни того ни другой дома не было, зато в углу, где на лавках обычно спали немцы, опертые на побеленную стену стояли настоящие винтовки, которые Ганс и Вилли никогда раньше не выпускали из рук. Теперь они стояли в шаге от ребят, стоило только протянуть руку. Колька воровато оглянулся и на цыпочках стал крадучись подбираться к ним.

– Коль, ты куда? – спросила сестра, выглядывая с печи. Валенки у них были одни на двоих, а на холодный пол спускаться босыми ногами Сашке совсем не хотелось.

– Тссс!– глаза брата горели азартным огнем. Он медленно подошел к сложенному оружию и потянул за ремень.

– Ты чего делаешь? Дед увидит – побьет! А если немцы, то и расстреляют!– испуганным шепотом прошептала девочка.

– Не бойся! Я только посмотрю...– он аккуратно взял ружье и покрутил в руках. Гладкий полированный приказ сам лег в руку, будто для него и сделанный. Жутко довольный Николай поцокал восхищенно языком.

– Красота, какая!– перехватил винтовку, как положено, и сделал вид, что целится прямо в Шурочку. Та ойкнула и спряталась за занавеску, словно кусок ткани мог спасти ее, если вдруг брату пришло бы в голову нажать на курок.

– Да, не бойся ты!– поругался он на сестру. – Я сто раз видел, как так делают. К тому же, если она на предохранителе, то и выстрела не будет...Вот смотри...– он направил винтовку в потолок и нажал на спусковой крючок. Оружие неожиданно оглушительно громко бахнуло. С потолка посыпалась побелка.

– А говорил, не выстрелит...– захныкала на печи Шурочка.

– Это еще что такое?!– на пороге горницы стояли перепуганная Акулина и дед Федька, сверкавший глазами не хуже какого-нибудь волшебника, только судя по взгляду явно не доброго. Заметив в руках Кольки ружье и сопоставив его с дыркой в потолке, он мгновенно все понял. Кивнул Акулине, коротко приказав:

– Девку проверь...– и пошел медленно на внука с побелевшим от злости лицом, сжав крепко кулаки так, что ногти впились в кожу, доставляя боль. Колька отбросил в сторону испуганно ружье и попятился в сторону, уперся в подоконник и замер, зажмурившись от страха. Дед никогда не жалел внуков, как это делали другие. Если заслужили. То всегда наказывал.

– Шурка!– позвала Акулина плачущую дочку. Взяла ее на руки, выслушивая путанный рассказ, прерываемый хныканьем и приглушенными рыданиями.

– Я ему говорила, что нельзя! Мамка заругает, а он сказал, что ружье на предохранителе и не выстрелит...

– Знаешь, говоришь?– с тихой угрозой спросил дед, которого всего трясло от простой мысли, что внук мог направить ствол и в Шурку.

– Я думал, что на предохранителе...– захныкал Колька.– А она возьми, да и выстрели...

– Думал он! Мыслитель, ядрена шишка!– взвился дед Федька, доставая ремень из штанов.

– Деда! Дедушка, не надо...– Колька попятился. Но был ловко ухвачен за вихрастый чуб.

– Я тебе сейчас покажу не надо...

Одним легким движением Федор оголил Кольку. Содрав портки, перегнул через колено и со всего маху врезал по нежной коже ремнем, которая тут же окрасилась красным, чуть разорвав кожу. Внук заревел в полный голос.

– Я тебе сейчас покажу предохранитель, ядрена шишка!– дед Федька замахнулся для еще одного удара, но так и замер с занесенной рукой, прислушиваясь к голосу, доносящемуся с улицы через открытые сени.

– Хозяева! Хозяева! Есть кто живой?– голос был знакомым, но вспомнить, кто это было затруднительно. Дед Федька отпустил всхлипывающего Кольку и вышел на крыльцо.

Повиснув на плетень обоими руками, возле калитки стоял улыбающийся Говоров собственной персоной. Одет он был в теплую тужурку, потертую шапку-ушанку из кроличьего меха и хорошо подшитые валенки на резиновой подошве. Со времени их последней встречи он ничуть не изменился, разве что немного постарел, да на лбу пролегла глубокая, словно борозда, морщина, да отпустил тоненькие щегольские усики на манер старого дворянства.

– Ну, здравствуй, Федор Алексеевич!– проговорил он, подмигивая деду, ошалевшему от неожиданности встречи.

– Батя, кто...– на пороге избы Акулина замерла, мигом все поняв и мгновенно узнав непрошенного гостя. Замерла и вернулась в дом под аккомпанемент нытья Николая.

– Здравствуй, Тарас Павлович!– дед Федька спустился вниз с крыльца и обнял по-дружески Говорова.– За полгода тебя и не узнать стало! Похож на обкомовца какого-то...– осмотрел со всех сторон майора НКВД Подерягин.– Раздобрел!

– Хитрого тут нет ничего... Сидишь в лесу бирюком на

казенных харчах!— пояснил Говоров.

— Ты так громко не вопи об этом на каждом углу, Тарас Павлович! У нас в деревне даже у плетней уши имеются... Как Настюха? Валька? Пашка?

— Все живы, здоровы, слава Богу! Привет вам большой шлют... Поработать под вашим началом снова хотят...— Говоров замолчал, ожидая реакции деда. Старик вздрогнул и тихо промолвил.

— Что значит поработать? Ты был тогда на площади? Когда девчущку эту казнили? Видел ее глаза?

— Видел...— хмуро кивнул майор, отворачиваясь в сторону.

— Бааде, что сказал тогда? Десять за одного! Десять? Выдержит твоя душа столько трупов-то?

— Недолго им осталось...— буркнул Говоров.

— Это еще бабушка надвое сказала... А грех такой на душу брать не хочу!

— Ты думаешь, мне не жаль Таньку Сатину? — вскинулся Говоров.— Да она мне каждую ночь снится! Если хочешь знать... Ничего не говорит! Просто стоит и смотрит, как там, на эшафоте!— майор со злости ударил кулаком по плетню, с которого лавиной осыпался налипший снег.— Только есть приказ! Приказ из центра и я его послушаться не могу...

— Ну-ну...— ехидно ухмыльнулся дед Федька.

— Что ну? Смотри...— Тарас Павлович подал ему узкую ленточку бумаги, на которой печатными буквами был набран

текст шифровки:

«Центр – Соколу

В связи с грядущим проведением Острогоржско-Россошанской операции силами Воронежского фронта приказываю немедленно провести мероприятия по нарушению снабжения войск противника всеми имеющимися силами и средствами. Быть готовым к выполнению боевой задачи к началу января 1943 года.»

– Теперь понятно?

– Эх, Тарас, Тарас... – вздохнул Подерягин, отдавая тому шифровку. – Наступление будет или нет – большой вопрос! А вот Бааде успеет насолить от души! Мне грех на душу брать не хочется.

– Не сможешь? – спросил без особой надежды Говоров.

– С вами уж точно не пойду! – отрезал дед Федька, закрывая калитку во двор, оставив майора НКВД так и стоять на улице.

– Мы ж тебе поверили! – донеслось ему в след. Он коротко обернулся и в глазах этого старого умудренного жизнью человека, который видел и помнил крах старой империи, строительство новой, много смерти и ужаса, Тарас Павлович заметил взгляд Татьяны Сатиной, тот самый, который преследовал его уже почти полгода из ночи в ночь, полный решимости и смирения.

– Не пойду! – отрезал Подерягин, заметив за окном лицо внимательно слушавшей весь их разговор невестки. – Сил

нет...

– Федор Алексеевич! Подерягин!– окликнул его Говоров.

Медленно обернулся. По-старчески кашлянул и выжидающе посмотрел на своего гостя.

– Соваться ни мне, ни моим ребятишкам в город не нельзя. Нас там сразу схватят... Нет сил, не идите с нами! Прошу об одном... Нам нужна схема расположения обороны железнодорожного узла. Край нужна! Разведайте... Походите, посмотрите, а все что увидите мы зарисуем.

Наступила долгая пауза. Дед Федька раздумывал над просьбой Говорова. Все его внутренне естество кричало, что соглашаться нельзя, но где-то внутри него злая червоточина твердила, что клеймо предателя так и останется с ним до конца жизни, если он не выполнит просьбу партизан, так до конца его дней ему в спину будет доноситься полный ненависти окрик:

– Кулак!

Так и будут его таскать по кабинетам НКВД, угрожая 58 статьей, за его происхождение из дворян. Только согласие на разведку даст шанс миновать все это.

– Приходи к вечеру... Будет тебе схема расположения!– и зашел в дом. Даже не обернувшись, каким-то внутренним чутьем понимая, что сделал, возможно, самую глупую ошибку в своей довольно долгой жизни.

Хромая, дед Федька зашел в дом, оставил костыль у стены и присел на лавке возле стола, задумчиво вперив взгляд своих серых глаз в одну точку. Колька опасливо выглянул из-за занавески, наблюдая за дедом вместе с Шуркой. Слезы на щеках уже высохли, и какой-то взрослой рассудительностью внук понимал, что Подерягин оказался прав, наказав его. При мысли, что ружье могло выстрелить тогда, когда он навел ствол на сестренку, брала непонятная оторопь. Акулина перекладывала посуду, нервно вытирая мокрые руки о засаленный фартук. Потом не выдержала и скомандовала детям пройтись погулять. Ей не хотелось, чтобы они слышали весь их серьезный разговор с дедом.

С шумом они спрыгнули с печи. Радостная Шурка запрыгнула в Колькины грубо подшитые валенки, а брат надел дедовы. Вдвоем они вскоре исчезли за порогом, бросаясь снежками и валяясь в снегу. Такое редко, когда удавалось. Валенок на всех не хватало, и чаще всего Шурка оставалась дома, и гуляли они по очереди.

Когда дети скрылись за двором, Акулина прикрыла плотно дверь, ведущую в сени, и присела рядом со свекром.

– И ты пойдешь? – спросила она, выжидающе посмотрев на деда.

– Пойду... – ответил дед, вспоминая о пуговице, которую

Василь Полухин ему отдал после последней их акции.

– А если тебя раскроют? Как мне быть с двумя малолетними детьми на руках? – вскинулась раздраженно Акулина. – Убьют ведь и не спросят фамилии... Петр неизвестно где, ты идешь на эту проклятую станцию... Вы все с ума посходили что ли с этой войной? – она расплакалась, обхватив свою голову руками.

– Не плачь, Акуля... Не плачь, дорогая... – дед Федька растерялся, закружился подле невестки, а потом обнял ее за плечи, погладив по черным, как смоль волосам. – Не плачь... Я вернусь... Все будет хорошо! Я вернусь! Обязательно вернусь! И Петька вернется! Куда он денется? Ты меньше слушай этого Василя, он такого набрешет...

Впервые в жизни, с того момента, как Акулина вошла в их семью, дед Федька позволил себе быть с нею ласков. Это было настолько неожиданно и удивительно, что женщина перестала плакать и замерла, глядя на свекра снизу вверх опухшими от слез красными глазами.

– Правда?

– Конечно, правда... – улыбнулся дед в свои черные с проседью густые усы. – Вот только схожу в город...

– Зачем тебе это надо?

– Должок у меня перед советскими людьми, Акуля! Отдать требуется... – промолвил он, отпуская женщину из своих объятий, молча начиная собираться. – Зови Кольку! Валенки нужны... – коротко приказал он, снова превратившись

в строгого собранного до злости Петиною отца. Даже лицо его изменилось, обозначив глубокие морщины, изрезавшие его закрубелую кожу по всем лицу.

Через пару минут, понуро повесив голову, в дом вернулся Николай. Скинул валенки у порога и прошлепал босыми ногами на печь. Сегодня повезло Шурке. Она осталась на улице, лепя из мокрого снега непонятное чудище, а ему придется наблюдать за ее игрой из окна.

Дед быстро собрался и ушел, впустив в дом облако пара, а Акулина еще долго смотрела ему в след, наблюдая за медленно удаляющейся по проулку сторбленной фигурой, не услышав, как еще не протрезвевший Ганс ввалился в хату. Помятое лицо немца говорило о том, что ночь они провели у бургомистра под самогон и хорошую закуску. Покачиваясь, он подошел к лавке и обессилено опустился на нее, осматривая горницу мутным полупьяным взглядом. Заметил Кольку и помахал ему рукой, подзывая поближе.

– Komm heir!(Иди сюда!)- проговорил он, махая призывно мальчику рукой. Акулина настороженно замерла, не понимая, чего хочет военный.– Komm!

Обычно переводчик в их коротких разговорах был дед Федька, неплохо знающий с детства немецкий язык. Сейчас его рядом не было, но Николай медленно подошел к фрицу. Тот неожиданно улыбнулся и погладил его по вихрастой голове. Засуетился, расстегивая свой мундир, доставая из внутреннего кармана упакованную в фольгу настоящую

немецкую галету.

– Behandle dich!(Угощайся!)- протянул он ее Кольке, продолжая пьяно улыбаться. Мальчишка растерянно оглянулся на мать, не зная, как себя вести. Брать или не брать предложенное угощение? Акулина кивнула, улыбаясь, не чувствуя от выпившего немца какой-то агрессии. Протянув руку, Николай взял галету и отнес матери. Буркнул настороженно в ответ:

– Спасибо!

А Ганс обрадовался, что его подарок был принят. Встал с лавки и, покачиваясь, отправился к тому месту, где лежали его вещи. Долго копался в вещмешке, пытаясь что-то найти. Ругался по-немецки, а потом достал потертую фотографию и показал Акулине с сыном. На фото была запечатлена молодая женщина с кудрявыми вьющимися светлыми волосами, в длиннополой пляжной шляпе и красивом дорогом платье. Рядом с ней мальчик и девочка примерно возраста Кольки с Шуркой. Мальчик был одет в строгий черный пиджак и чувствовал себя очень взрослым и самостоятельным, а совсем маленькая дочурка весело смеялась, держа женщину за руку. При виде фото из глаз Ганса потекли слезы. Он недовольно поморщился и смахнул их неловким движением. Затараторил что-то по-немецки, тыкая пальцем в фото.

– Das ist meine frau! Sie ist in Deutschland gebliebenю Und das sind meine kinder? So alt wie du... Der junge heibt Tony und das madchen Elsa. Ich will nicht kampfен! Ich will zu meiner

familie.Ich vermisse sie wirklich!(Это моя жена! Она осталась в Германии. А это мои дети, такого же возраста, как ваши...Мальчика зовут Тони, а девочку Эльза. Я не хочу воевать! Я хочу к своей семье. Мне их очень не хватает...)— ни Колька, ни Акулина не понимали, что так горячо рассказывает им Ганс, но, по слезам, катившимся из глаз немца, женщина своим каким-то внутренним чутьем разобралась, что ему тоже надоела война, что ему хочется домой и к семье. Повинуясь, какому-то внутреннему порыву, приступу жалости, мыслю, что ее Петра, где-то там, далеко, на дорогах войны кто-то так же обнимет, она прижала фрица к себе и погладила по голове, как только что он погладил ее сына. Ганс улыбнулся, вытирая катившиеся по щекам слезы. Покачнулся на лавке и уснул, прижимая к груди фотографию со своей семьей.

«Рельсовая война»**Январь 1943**

За окном натужно заревело, разрастаясь тугим громовым раскатом. Стекла в комендатуре затрещали, а потом где-то далеко, в стороне вокзала что-то бахнуло, растекаясь по городу липкой волной ужаса. Бааде, разбиравший бумаги у себя в кабинете, подскочил на месте и бросился к окну. Над вокзалом поднимался в холодное январское небо столб огня и черного дыма.

– Герхард!– прокричал он своему адъютанту.– Герхард, черт побери!

Комендант ринулся в приемную, где точно так же, как и он, секунду назад, к окну прильнул его верный помощник. Лицо его было перепуганным и немного взволнованным.

– Герхард, что это было?– спросил Эрлих, но пригнулся от еще одного раскатистого взрыва, прозвучавшего в тишине сонного провинциального городка.

– Где?– комендант бросился к противоположной стене, где прямо у него на глазах взлетел на воздух склад с боеприпасами итальянцев Бруно Виери. Здание из кирпича сложилось, будто карточный домик, подняв облако пыли. Сейчас на его развалинах периодически вспыхивали огоньки начинающего зарождаться, где-то в глубине пожара.

– Что за дьявол!– закричал Бааде, но тут же затрезвонил, стоящий на тумбочке телефон. Герхард среагировал чуть быстрее своего командира.

– Комендатура слушает!

– Немедленно соедините меня с комендантом!– в трубке звучал громкий взволнованный голос Клауса Шпигеля – начальника тайной полиции города. На заднем плане его отчетливо слышались продолжающиеся взрывы, отзвуки которых долетали и до комендатуры через распахнутую форточку.

– Слушаю, Клаус!– Бааде рывком выдернул трубку из рук остолбеневшего адъютанта, которому стало казаться, что вокруг наступил самый настоящий апокалипсис. Взрывы не прекращались, возникая то в одном, то в другом краю города.

– Только что взорван вокзал нас станции! Горят склады с боеприпасами! Я эвакуирую отсюда людей!– доложил Шпигель.

– У нас взорван склад итальянцев! Рухнуло здание прямо перед самым моим носом!– рявкнул в трубку комендант.

– Это русские?– задал глупый вопрос Шпигель, который никогда умом не отличался, а дослужиться до столь значимых высот ему позволила необъяснимая жестокость.

– Нет, сами макаронники решили побаловаться взрывчаткой!– разозлился Бааде, грохая трубку об стол.– Немедленно организовать подразделения по тушению пожаров. Обыскать комендатуру на наличие взрывных устройств,– отдал

распоряжение Эрлих уже спокойным голосом, но, заметив, что адъютант по прежнему сидит на месте, уставившись испуганным взглядом в одну точку, взревел:

– Ты слышал, что я приказал?!

Герхард мгновенно очнулся, стряхнув с себя оцепенение. Рванул исполнять распоряжение начальства, а Эрлих вышел из комендатуры на улицу, решив, что так надежнее.

Из домов выглядывали испуганные жители. Кое-где в ближайших к складу домах были выбиты стекла. Из трехэтажки напротив сорвало старенькую дверь подъезда с петель. Вокруг сновали ребятишки, показывающие пальцами на сложившееся здание. Какая-то старуха в платке, туго натянутом на глаза истово крестилась, читая молитву. Бааде повернулся в сторону комендатуры. Оттуда уже дежурная смена охраны тащила длинный пожарный шланг. Вокруг появлялось оцепление.

– Герр комендант!– к нему бежал, запыхавшись Герхард.– Герр комендант!

Бааде обернулся, поправив монокль, выпавший из глазницы.

– Только что сообщили! По всей железнодорожной линии совершены подрывы полотна. Сошло около 6 воинских эшелонов. Уничтожено 17 единиц техники. Движение по ветке остановлено.

– Дьявол!– ругнулся Бааде. И только сейчас в толпе зевак, наблюдающих за тушением пожара, увидел сутулую фигуру,

показавшуюся ему относительно знакомой. Где-то он уже ее видел... Но где?

Комендант сделал несколько шагов, чтобы подойти поближе, но парень в тоненькой кацавейке и осенней кепке с длинным козырьком, заметил это движение. На мгновение обернулся, и Бааде вспомнил эти глаза, полные ненависти и презрения, свойственным убежденным коммунистам. Он уже видел их! Примерно на этом же самом месте с полгода назад, во время неудавшегося покушения. Тогда парень очумело жал на курок опустевшего револьвера, намериваясь убить Эрлиха, и только чудо спасло его тогда от гибели. Ну, конечно же! Глаза были теми же самыми! Рука сама нырнула к кобуре, медленно ее расстегивая. Парень заметил его движение и улыбнулся. Совсем еще ребенок... Подумал Эрлих, глядя на открытую улыбку.

– Взять его!– закричал он, мгновенно выхватывая пистолет. Он был уверен. Что таинственный подросток непосредственно причастен к взрывам по всему городу!– Взять вон того, в клетчатой кепке!

И сам бросился в погоню. Парень оттолкнул какую-то женщину с кошелками в сторону, споткнулся через них, но устоял на ногах. Побежал, нелепо выкидывая вперед несуразно длинные ноги.

– Брать живым!– крикнул своим Бааде, делая предупредительный в воздух. Партизан угнулся, словно стреляли по нем.

– Живым!

Очередь скользнула по стене намного выше головы паренька. Он замер, обернулся, а потом легко перемахнул через кирпичный забор каких-то складов.

– Немедленно окружить территорию складов! Не упустите его!– закричал Бааде, но уже для проформы, потому что сам прекрасно понимал, что найти теперь беглеца будет очень трудно. Склады в центре города остались в наследство от Красной Армии и представляли собой разветвленную сеть хаотично построенных сооружений, в которых скрыться от преследования не составляло особого труда.

– Как все просчитали, стервецы!– проговорил про себя Эрлих.– И удар нанесли одновременно, чтобы распылить силы! Сволочи...

– Вы что-то сказали, герр комендант!– позади него тяжело дыша, стоял Эрлих. Поймал его раздраженный взгляд и доложил:

– Комендатуру осмотрели! Никаких признаков взрывного устройства не обнаружено! Скорее всего, потому что она лучше всего охранялось. Занести взрывчатку в здание практически было невозможно, да заложить рядом!

– Это хорошо...– задумчиво проговорил Бааде, потом словно очнулся, приходя в себя. – Немедленно собрать все данные о разрушениях! Организовать работы по разбору завалов и восстановлению движения по железнодорожной линии. Военские эшелоны не должны стоять! Слишком велика

ставка...

– Яволь, герр комендант!

– Герхард, постойте... Немедленно собрать мне всех бургомистров района. Видимо, они так и не поняли, что шутить с ними я не намерен!

Примерно через час совещание экстренное началось, хотя это мало напоминало данный формат. Скорее комендант отчитывал нерадивых помощников, поминутно обзывая их тупоголовыми кретинами.

– Видимо, вы так и не поняли, что я хотел вам донести казнь вашей молодой учительницы полгода назад?! – воскликнул он, когда все зашли и расселись по свои местам. Эрлих с неудовольствием отметил, что Василий Полухин занял самое дальнее место за столом в углу, опять был небрит и по-видимому пьян, последнее время став топить свое отчаяние все чаще в бутылке. – Ваша безответственность, отсутствие работы на местах привели к тому, что случилось сейчас... – бургомистры сидели, понутив головы. Никто из них не стремился стать немецким пособником, в большинстве своем их заставили точно так же, как и Полухина, занять эту должность под угрозой собственной смерти, па потому и не проявляли особого рвения на местах. – Восемь эшелонов подорвано на всем протяжении ветки Балашов-Валуйки-Балашов. Восемь! – Бааде со всего маху стукнул по столешнице от чего его чернильные приборы противно звякнули, подпрыгивая от удара. – Движение нарушено! Именно сейчас, когда наша армия потерпела сокрушительное поражение под Сталинградом! – Взорвано склады итальянской дивизии «Ви-

ченца», расквартированной в нашем городе! Более десятка офицеров вермахта пострадали или были убиты! Вы полностью потеряли контроль над вверенной вам территорией, господа бургомистры!

– Не мы, а вы... – раздался хриплый голос из угла, где прятался Полухин. Бааде даже растерялся, не привыкший, что с ним спорят. С сомнением оглядел присутствующих, сомневаясь в том, что ему это не послышалось. Нет, Василь смотрел на него мутным взглядом записного пьяницы.

– Что вы на меня так смотрите, герр комендант? – усмехнулся он с грустью. – А что вы хотели? Фронт неумолимо приближается. Советские войска на пороге, вот, партизаны и активизировались... Надо же им зарабатывать медальки... Да и нам пора подумать о душе...

– Молчать! – закричал Бааде. – Поражение под Сталинградом – всего лишь стратегическая ошибка фельдмаршала Паулюса, который так же, как и вы не поверил в помощь немецкого командования и сложил оружие раньше времени... А ведь Манштейн шел ему на помощь!

– Манштейна остановили под Котельниково, что он сам еле ноги унес! – засмеялся Василь тем самым пьяным смехом, который уже мало обращает на замечания окружающих, наслаждаясь собственной значимостью и возможностью выговориться. – Советы оправились от первого натиска, и погонят ваше вшивое командование до самого Берлина! Только что делать нам? – он обвел взглядом всех бургомистров,

присутствующих на совещании.— Тем, кто замазался вместе с вами?

Бааде неожиданно понял, что Полухин сломался. Ни сейчас и ни пару месяцев назад, когда дергал за рычаг виселицы. Не стоило его тогда заставлять это делать... Теперь помощник из него стал никакой... Теперь он стал только мешать!

— Ваша личная охрана будет усилена,— после небольшой паузы проговорил Бааде,— необходима любая информация о местонахождении партизан и местных жителей, связанных с ними! Напоминаю, любая! Немецкое командование готово информатору немедленно выделить немецкий паспорт для выезда в Германию на первом же составе! Прошу довести эти слова до каждого селянина в районе! До каждого!— бургомистры закивали, но без особого энтузиазма. — Можете быть свободны...

Задвигались стулья, зашуршали полы черных костюмов. Надевая кепки и негромко переговариваясь, немецкие активисты стали по одному покидать кабинет коменданта. В дальнем углу остался лишь Василь Полухин, исподлобья наблюдающий за Эрлихом.

— Ну, а ты что сидишь?— спросил Бааде, усаживаясь на свое место.

— Спросить хочу...

— Спрашивай и проваливай отсюда!— кивнул комендант на дверь.— Еще раз заявишься сюда пьяным, то прикажу тебя расстрелять прямо во дворе.

– Это правда?

– Твой пьяный бред, что ты нес?– нахмурился Эрлих.

– Про Германию...– выдавил из себя побледневший Полухин.

– Это уже интересно!– откинулся на спину кресла Бааде.– Ну-ка поподробней!

– Вы не ответили про Германию правда?

– Если у тебя есть информация, которая будет достойна такого поощрения...То конечно!

– Мне нужно гарантии!– нахмурившись, уточнил Полухин.

– Мне кровью где-то надо расписаться? Или как? А вдруг ты мне дезинформацию скинуть хочешь и сам связан с партизанами?– рассмеялся Бааде. Потом на секунду задумался и позвонил в колокольчик, стоявший у него на столе. В кабинете тут же появился незаменимый Герхард. – Необходимо подготовить, господину Полухину справку, что он является гражданином Германии и его семье...

– Не надо семье...– буркнул Василь.

– Семье не надо, достаточно одной!– благосклонно и немного удивившись согласился Бааде.

– Яволь, герр комендант!– щелкнул браво каблуками Герхард, выходя обратнов приемную. Такого рода справка являлась чистой фикцией. Никто не имел право ее выдать, адъютант это прекрасно понимал, но никак не выразил своего сомнения, решив поддержать игру, которую начал его на-

чальник.

– Решили начать жизнь с чистого листа?– спросил Бааде, которого удивил отказ от семьи.

– Почему бы и нет? Новая страна, новая жизнь...– пожал плечами Полухин.

– Это отлично! Правильное решение! Теперь-то вы готовы мне рассказать вашу сверхсекретную информацию?

– Не раньше пока справка будет у меня на руках...

–Отлично! Герхард...

– Да, герр комендант! Справка готова?

– Секунду...

Через минут пять адъютант занес в кабинет широкий лист бумаги, щедро украшенной гербовыми печатями Третьего Рейха. Все, что там было, было написано по-немецки, известая о том, что Василь Полухин является государственным преступником и подлежит немедленному уничтожению на всей территории, где существует немецкая власть. Василий, не знавший ни слова по-немецки, разобрал свою фамилию, написанную аккуратным гимназическим почерком Герхарда, и удовлетворенно кивнул, в полной уверенности, что видит перед собой самую настоящую справку для выезда за границу.

– Можете быть свободны, Герхард!– повелительно кивнул Бааде, улыбаясь. Его очень развеселило коварство адъютанта. Плохо было только то, что после получения нужной информации комендант не планировал выпускать бургомистра

из кабинета, иначе получилась бы отличная шутка, когда с этой справкой Полухин попытался бы сесть в поезд.— Теперь вы довольны?

Василь кивнул, пряча драгоценный документ сначала в грязный носовой платок, а потом куда-то за пазуху.

— Теперь доволен...

— Говорите скорей, у меня очень мало времени!

— Помните, первую акцию на железной дороге на моем участке?— уточнил Василий.

— Как же мне ее не помнить... Прекрасно помню!— именно после этого случая он повесил на центральной площади абсолютно невинную учительницу начальных классов в наряде другим. С тех пор партизаны затихли ровно на полгода.

— Я тогда прибыл на место и нашел на земле, где ждали диверсанты состава пуговицу, которая показалась мне знакомой...

— И?— жадно наклонился к нему Бааде.

— Эта пуговица была от зипуна моего соседа — отца моего кума Петьки Подерягина — он сейчас у красных служит.

— Вот, это уже интересно... Подерягин... Подерягин...— задумчиво постукал по столешнице тонкими пальцами Бааде.— Я читал его дело в сохранившихся архивах НКВД. Их не успели сжечь толком. Он белый офицер, дворянин, кулак... Его местная контрразведка часто тягала на допросы по поводу его происхождения. Чудом не попал в лагерь. Кре-

мень мужик...

– Вот-вот! А когда я утром принес пуговицу, он меня спросил, почему я сразу его не сдал.. Чем подтвердил свое участие в операции,— подхватил Василий. Долгожданная справка грела сердце. Хмель вылетел из головы, оставляя в ней только чувство какой-то непередаваемой эйфории.

– Очень интересно...— пробормотал комендант.— Это очень важная информация Василий...Очень важная! Кстати, а почему я об этом узнал только сейчас?— невзначай спросил он у бургомистра, осторожно, чтобы не видел информатор, доставая пистолет из кобуры.

– Кум ведь...— виновато потупился Полухин. Хотя на самом деле все его мысли были в тот момент об Акулине! Если бы она только согласилась! Если бы сбежала с ним в Германию...Он никогда бы не совершил то, что совершил сейчас. Низость! Предательство!

– Да-да...— пробормотал Бааде, взводя курок и упирая холодный твердый ствол в затылок Полухину.— Я слышал, что в вашей варварской стране кланы родственные очень сильны...

– Герр...Господин комендант!— от прикосновения холодного металла Василий вздрогнул, дернулся в сторону, но понял тут же, что именно уперлось ему в затылок и замер.— Я же все рассказал?! Клянусь, это все, что я знаю!

– Я в этом уверен, Василий, но знаете, вот какой момент, предавший раз сможет предать и в следующий раз, и еще, и

еще, и еще... Германии предатели не нужны. Той Великой Германии, которой я служу.

– Но...– последней мыслью Полухина была мысль о том, какой же он все-таки дурак. А потом мир потух, словно выключили свет и наступила тишина.

– Герхард!– засовывая обратно пистолет в кобуру, закричал комендант.

В кабинет заглянул адъютант. Заметил распластанное тело Полухина на полу с дыркой в затылке и рассмеялся.

– Я думал, что вы его все-таки отпустите, герр комендант!

– Идея с такого рода письмом была отличная! Она меня ни на шутку повеселила, мой дорогой! Немедленно организуй мне группу для захвата одного из партизанских главарей. Я лично хочу посмотреть этому человеку в глаза...

– Яволь, герр комендант!

– И приберись тут..– он брезгливо пнул безвольно лежащую на полу руку бургомистра.– Ненавижу, когда грязно!

«Расстрел» Январь 1943

С улицы раздался непонятный шум, когда Подерягины ужинали консервами из сухпайка Ганса, который им вот уже три дня торжественно им вручал по банки тушенки. Акулина варила с нее суп, который с большим желанием наворачивали ребяшня, да и дед Федька иногда просил добавки, хотя не принимал того, что их угощает враг.

После акции партизан Подерягин ходил весь день задумчивым и злым. Сорвал злость на Николае, обозвав его бездельником, отругал Шурочку за разбросанные куклы по хате, и только заступничество Акулины спасло детей от того, чтобы не быть отпоротыми. Заметно было, что Подерягин – старший волнуется, нервничает и уже жалеет, что не согласился на предложение Говорова и не пошел вместе с остальными. Ведь нет ничего хуже, чем просто сидеть и ждать результата.

И когда, прогремели первые оглушительные залпы, его лицо преобразилось, все морщинки разгладились, и его немного отпустило. Он согласился пообедать и сейчас с удовольствием наворачивал суп.

Непонятный шум во дворе сменился надрывным гулом мотора. Встревоженными немецкими голосами. Колька

шустро выскользнул из-за стола и посмотрел в окно.

– Дед, кажись немцы едут!– сообщил он, отодвигая занавески в сторону.– Много!

– Ой, Господи!– схватилась за лицо испуганно Акулина. Нехорошие предчувствия одолевали ее сегодня весь день, но свое состояние она списывала на ворчание свекра.

– Тихо ты!– рывкнул Федор Алексеевич, подходя к окну, чтобы проверить правдивость слов внука.

Возле их дома затормозил грузовой «Опель», почти такой же, на каком их возил Василий смотреть на показательную казнь учительницы в город. Только теперь он был заполнен не местными жителями, а доверху забит военными, которые ловко начали выгружаться из накрытого брезентом деревянного кузова.

– Принесла нелегкая...– пробормотал он, глядя, как из кабины выпрыгивает сам комендант Бааде.– Акуля...Бери детей и к сестре огородами. Быстро!– нервно произнес он, не сводя глаза с толпящихся у забора немцев.

– К какой?

– К любой! У тебя их, слава Богу, три! Через окно! Огородами! Быстрее...

Невестка наспех укутала Шурочку в свой старый пуховой платок, Колька натянул на голую ногу валенки. Портянки скатывать было некогда...

– Быстрее...– дед Федька уже ждал возле распахнутого окна. Помог вылезти Акулине, принявшей у него детей.

– Батя...

– Нет времени! Сейчас они начнут окружать дом.

– Дедуля!– захныкала Шурочка.

– Бегите!

Краем глаза он заметил, как к калитке подошел Бааде в офицерском кожаном плаще и фуражке. На поясе у него висела расстегнутая кобура, и торчала рукоятка пистолета. Все это, было неспроста, как и то, что они заявились к нему сразу после диверсий. А может просто ехали мимо и решили спросить дорогу? Дед Федька ругнулся про себя и пошел открывать.

– День добрый, хозяин!– поздоровался Бааде со своим неизменным легким картавым акцентом.

– И вам не хворать!– откликнулся Подерягин, подходя поближе.

– Хворать? Не понял комендант.

– Болеть,– пояснил дед, выжидающе поглядев на фрица, сложив на груди свои сильные руки, всем своим видом показывая, что не таит никакой угрозы в себе.

– Понятно! Вам того же пожелать не могу, увы, товарищ Подерягин!– с улыбкой рассказал Эрлих.

– Это еще почему? Неужто, я попал в немилость к действующей администрации? Комендантский час не нарушаю, сказали поселить у себя двух солдат – поселил...

– Законопослушный гражданин прямо-таки...– задумчиво процедил Бааде.

– Мне наш бургомистр Василь Полухин, не поверите, тоже самое говорит! Тебя хоть на доску почета вешай!– пошутил дед Федька, немного успокоившись. Немцы агрессии не проявляли, топтались за своим комендантом, считая ворон.

– Повесить говорите...– улыбнулся скабрёзно комендант.

– На доску Почета!– поправил его Федька с улыбкой. Мысль о том, что надо бежать, не проходила. Он оценил, как стоят фашисты, сколько из них готовы среагировать мгновенно и остался доволен. Секунд пятнадцать у него будет точно!

– А мы как раз только, что от него!

– От кого это?

– От Василия Полухина...– уточнил комендант.– Труп его жене привезли...

– Горе-то какое...– покачал головой Федор Алексеевич.– Я слышал звуки взрывов в стороне города. Это его так там?

– Его убил я!– сообщил Бааде, с удовольствием наблюдая, как бледнеет лицо Подерягина.– И знаете за что?

– Боюсь даже представить...– Федор оглянулся назад, на свой дом, похвалил себя, что не запер дверь.

– За то, что он мне не рассказал о том, что вы связанной партизан! Взять его!– коротко скомандовал Бааде, но дед Федька его все же опередил. Он рванул к сеним чуть раньше. Пули, пущенные ему в след, впились в дверь намного выше его головы. Окно...Подерягин вылез через него, чувствуя, как забарахлило не вовремя сердце.

– Nimm Lebendig!– прокричал Бааде своим солдатам на немецком.

– Сейчас живым!– хмыкнул Федор, утопая по колено в снегу, уходя в противоположную сторону от того, куда вели следы Акулины и детей.

– Стоять!– закричал Бааде и выстрелил из своего пистолета. Колено, и без того давным-давно травмированное, обожгло жарким огнем. Нога подогнулась, потеряв опору. Дед Федор упал в снег, попытался ползти, понимая, что это безнадежно. Ему не уйти...

– Куда же вы, товарищ Подерягин?– комендант оказался первым возле него, обогнав всех своих солдат. Рывком поднял деда за шиворот и тряхнул, как тряпичную куклу. – Нам много о чем надо поговорить...

В плохо освещенном кабинете темно. Светит лишь яркая настольная лампа, целя прямо в лицо. Ноет разбитая губа. Судя по острой боли в пояснице, своими могучими сапожищами агенты тайной полиции отбили ему почки. Дед Федор поморщился, приходя в себя. Кабинет медленно поплыл. Лицо коменданта Бааде расплылось.

– Где прячутся партизаны?– снова спрашивает он, наклоняясь над Подерягиным.

– Не знаю...Ничего не знаю...

– Бей!– коротко приказывает Эрлих, уступая место перед дедом Федькой здоровенному солдату, одетому в черную эсесовскую форму с закатанными по локоть рукавами. Со всего размаху тот бьет по скуле. Голова откидывается назад, проваливаясь в блаженное забытье.

– Опять перестарался, Генрих!– качает головой Бааде, когда на деда Федьку обрушивается ведро холодной воды. В камере ужасно холодно. Мокрое нательное белье липнет к телу, заставляя дрожать от мороза. Кирпичные стены подвала, где его держат, покрыты капельками инея.

– Где партизаны?– снова задает надоевший уже порядком вопрос Федору Бааде, но тот только лишь улыбается беззубым окровавленным ртом, заставляя уже коменданта дрожать, уже не от холода, а от злости.

– Бей!– снова кричит он, снова отходя в сторону.

Теперь на Подерягина сыплется град расчетливых ударов. Один из них, наиболее болезненный, с хрустом ломает ему ребра справа. От боли хочется выть, но Федор пока держится, не давая возможности коменданту насладиться собственной слабостью. Далеко, ой, как далеко фрицам до настоящих волкодавов НКВД. Те работали не за идею, им просто нравилось видеть мучения жертвы, вид боли заставляли их испытывать нечто сродни оргазму, а вот в действиях эсесовца нет ни фантазии, ни выдумки.

Больно... А потом снова чернота.

– Встряхни его и посади на стул!– приказывает Бааде. Еще пару таких обливаний ледяной водой из колодца, и Подерягин превратится в генерала Карбышева. От этой мысли он улыбается, чем вызывает еще больший гнев коменданта города. Видимо, он находится в жестком цейтноте, ему срочно нужны партизаны, но, как ему объяснить, что на лесной базе у Говорова он ни разу не был, и даже если Эрлих его запытает до смерти. Он не сможет ему ничего рассказать.

Руку перетягивают жестким солдатским ремнем, прикручивая ее к столу. Иголки... Ноготь взорвался дикой болью, от которой потемнело в глазах, и потекли слезы. Дед Федька заорал, очумев от переносимых страданий. Рука дернулась, пытаюсь вырваться. Бесполезно...

– Где партизаны?– еще раз спрашивает Бааде, наклоняясь поближе. Его лицо теперь видится смутно, как сквозь ту-

ман. Только неясное темное пятно, позади которой светится невыносимо ярка лампочка.

– Не знаю... – говорить получается с трудом. Мелкое крошево размочаленных зубов сыпется изо рта попеременно с густой темно-бордовой кровью, но Подерягин этого не замечает. Сейчас весь его мир сосредоточился в указательном пальце, под ноготь которого вогнана металлическая булавка.

– Ты же понимаешь, что это не предел? Может быть еще больнее? – вкрадчиво интересуется комендант. Он не садист, в отличие от эсесовца, стоящего позади него. Ему совсем не нравится вид измученного и избитого старика, но у него слишком мало времени... Час назад пришла шифрограмма, что русские начали новое наступление, направленное на его город, а значит, нельзя было оставлять за спиной такого противника, как настоящий партизанский отряд.

– Жаль, что не понимаешь... – качает головой Бааде, кивая своему подчиненному. С азартной улыбкой тот склоняется над рукой Федора, легонечко постукивая по головке булавки.

– Ааа! АА! – тело Подерягина изогнулось дугой. Он уже не мог терпеть. Кончик булавки упирался в кость, заставляя терпеть просто адские муки.

– Прекрати-ка! Будем говорить, Федор Алексеевич? – бросается к его столу Бааде, тут же брезгливо отскакивая в сторону. Под измученным человеком растекается небольшая лужа мочи.

– Герр комендант,– отзывает его в сторону эсесовец. Их голоса Подерягин слышит, будто в тумане, откуда-то изда-лека.

– Да. Генрих!

– Я могу его мучить до смерти, но он ничего не скажет...– наконец-то! Обрадовался дед Федька, хоть один нормальный человек. Бааде морщится. Тяжело признавать свое поражение. Долго решает, как поступить дальше.

– Убей его! Просто убей...Без всяких своих штук!– приказывает Эрлих. Он умеет признавать свои поражения и уважает настоящих, серьезных противников.

Спасибо тебе Господи...Шепчет дед Федор, улыбаясь. Со-всем скоро это закончится. Дверь камеры хлопает. Бааде ушел. Эсесовец с сожалением достает пистолет, приставляет его ко лбу Подерягина, подавшегося, несмотря на острую боль в пальце, жадно вперед. Ему хочется умереть! Спасибо тебе Господи... Акуля...Дети...

Взгляд старика проясняется на секунду. Он видит огромное запястье, поросшее жесткими русыми волосами. Черное дуло девятимиллиметрового «Вальтера», упирающееся ему прямо в лоб.

Спаси Господи...Щелчок. Тьма. Покой.

– Куда ты поедешь?– старшая сестра Анна, разозлено выхватила пуховой платок из рук Акулины, метающейся по избе, стремительно собирающейся в дорогу. Колька и Шурка смотрели на обезумевшую мать испуганными глазами из-за занавески. Женщина вернулась домой к вечеру, захватив с собой сестру, обнаружив на огороде капли крови, истоптанные самотканые половики в горнице и полную разруху. Кажалось, немцы уничтожили все, что можно и что нельзя. Побили посуду, изломали стол и табуретки, вскрыли половицы, совершая обыск дома. Ее встретил на пороге Ганс, виновато опустивший голову, собравший уже свой вещмешок.

– Ганс, миленький,– бросилась она к нему,– помоги мне! Они забрали...Забрали деда Федьку...Увезли на машине...

Немец кивал сочувственно головой, не понимая ни слова. Обнял ее, погладив по непокрытой голове.

– Ганс! – умоляла она. Анна до сих пор не понимала, как сестре удалось достучаться до немца, ни слова не понимающего по-русски, но уже через полчаса возле их дома стояла бургомистровская подвода, с наваленной на ней охапкой сена и сидящим на ее краешке Вилли. Они вдвоем терпеливо ждали пока Акулина соберется. Ганс гладил каурую лошаденку, конфискованную из колхоза, а его напарник грустно смотрел на опустевший и какой-то слишком уже тихий двор,

за полгода ставший ему родным домом.

– Я должна... Понимаешь обязана!– Акулина вырвал из рук анны платок обратно и начала натягивать валенки.

– О детях подумай!– воскликнула Анна, пытаясь ее остановить.– Ведь едешь в никуда, вместе с врагами! Где ты будешь искать свекра? В комендатуру пойдешь?

– Может, и пойду!– гордо вскинула растрепанную голову Акулина.

– Там они тебя только и ждут!– съязвила Аня.

– А дети... Если что со мной случись...

– Акуля!

– Ань...– Акулина села на чудом уцелевшую лавку рядом с сестрой.– Пойми, что они мои семья! Как я буду глядеть в глаза Петру, когда он вернется? Что я ему скажу? Что даже не попыталась узнать судьбу его собственного отца, в доме которого я живу?

– Петру еще вернется надо...– осеклась Анна, поняв, что сболтнула лишнего.

– Тем более...– Акулина с трудом удержала слезы, тотчас навернувшиеся на глаза. Резко успокоилась, что-то внутренне решив для себя окончательно и бесповоротно.– Я вернусь! Обещаю! Побудь с ними до моего возвращения...– она кивнула в сторону Шурки и Кольки.

– Побуду...– кивнула Анна, удивляясь отваги своей собственной сестры. Она с детства была такая боевая и упрямая, за что нравилась всем без исключения мужикам.

– Спасибо!– они обнялись, стараясь не плакать при детях.

Они за сегодня и так много навидались.

– Иди!– махнула Анна.– Ищи своего свекра...

Акулина выскочила на крыльцо. По глазам Ганса стало понятно, что, услышав непонятные крики, он уже начал волноваться, но когда женщина вышла на крыльцо, заметно обрадовался. Молча подал ее рук, помогая забраться на высокую подводку. Негромко причмокнул губами, пуская лошаденку рысью. Куда ехать? К кому обращаться? Этого ничего Акулина не знала... Она, не глядя, доверяла свою судьбу в руки двух немцев, которые не понимали ни слова по-русски и соотечественники которых были причастны к похищению деда Федьки.

Телега ехала медленно, но уверенно, преодолевая наметенные снегом заносы на дорогах. Легкий морозец неприятно охлаждал кожу, заставляя ежиться и прятаться в пуховой платок. Ледяной колкий ветер дул прямо в лицо, щипая покрасневшие щеки, нос, покрывая инеем длинные ресницы Акулины. Всю дорогу ехали молча. Только в самом начале их пути немцы что-то горячо обсудили между собой на повышенных тонах. Акулина ничего из их разговоров не поняла, но была не на шутку встревожена:

– Warum bist du Krankenschwester bei diesem Russen? (Зачем ты нянчишься с этой русской?)– спросил Вилли, когда Ганн в очередной раз встревожено посмотрел на задумчивую женщину.– Sie ist deine Mutter und Schwester ... (Она тебе ни

мать и не сестра...)Es ist notwendig, es genau hier zu werfen..
(Надо ее бросить прямо здесь.) Nichts als Ärger bringt uns
diese Idee nicht!(ничего кроме неприятностей эта затея нам
не принесет!)

– Sie ist süß zu mir ... (Она мне симпатична)– коротко бросил Ганс, наблюдая за тем, как равномерно колышется холка каурой лошадки.

– Sie hat einen Ehemann, er ist vorne, er tötet Leute wie dich!
(У нее есть муж. Он на фронте, убивает таких как ты!)– возразил ему Вилли.

–Das heißt nicht, dass wir keine Menschen bleiben müssen!
(Это совсем не значит, что не нужно нам оставаться людьми)– разозлился Ганс.

– Wohin bringen wir sie?(Куда мы ее везем?)

– Sie erzählten mir, dass der Mann ihres Vaters gestern erschossen wurde. Ich möchte zeigen, wo er begraben ist ...
(Мне рассказали, что мужа ее отца расстреляли вчера. Я хочу показать, где он похоронен...)

–Er wurde begraben ... Es wird leise gesagt. Partisanen wurden wie Hunde in die gemeinsame Grube geworfen!(Похоронен... Это мягко сказано. Пособников партизан бросали в общую яму, как собак!)– недовольно пробурчал Вилли и умолк окончательно.

Через полтора часа они уже были на месте. Это была самая окраина города, расположенная на возвышенности. Отсюда открывался прекрасный вид на затянутый густой пеле-

ной снежных облаков город. Высились черные трубы заводов, редкие многоэтажки в центре города и чадающее паровозное депо. Чуть в стороне от дороги виднелась протоптанная широкая тропинка, ведущая в небольшой лесок, сиротливо чернеющий своими многовековыми стволами дубов и тополей. Никогда в жизни Акулина сама не нашла бы этого места. Она с благодарностью посмотрела на серьезного и сосредоточенного Ганса, достающего из-под соломы большую саперную лопатку.

– Lass uns gehen!(Пойдем!) – поманил он ее рукой, призывая следовать за ним. Путаясь в полах длинной юбки, Акулина шагнула на тропинку. Снег был хорошо утоптан. Было заметно, что здесь проходили и не раз. Женщина с ужасом разглядела след босой ноги, оставленный чуть в стороне и следы крови.

– Lass uns gehen!(Пойдем!)– прикрикнул на замешкавшуюся женщину немецкий солдат и через пару минут вывел ее к длинному узкому оврагу, кое-как забросанному землей. На его краю отчетливо виднелись следы несколько десятков ног, следы крови, комья размокшей земли. Осторожно, чтобы не оступиться, Акулина подошла поближе. Из-под тонкого слоя земли виднелись части рук, ног, белоснежное нательное белье, стояла мерзкая вонь, начинающихся разлагаться тел.

– Er ist hier!(Он тут!)– спокойно произнес Ганс, втыкая лопату в снежный сугроб рядом с краем оврага. Отошел в сторону, терпеливо закурил, поглядывая на гуляющие по

небу тучи, явно не собираясь помогать. Он и так сделал для этой русской все, что мог. Подставил себя перед комендантом, но и поступить иначе не имел права. Совесть бы не позволила.

Акулина все поняла без слов. Ухватила лопату и спрыгнула вниз. Земля провалилась под ногами, оперевшись во что-то твердое. Соскользнула с бугорка, обнажая чье-то лицо, на которое женщина случайно наступила. Это была молодая девушка лет восемнадцати с перекошенным ртом и открытыми глазами. Именно эти открытые, засыпанные землей глаза заставили Акулина отчаянно закричать, схватившись за голову.

– Er ist hier! (Он тут!) – повторил Ганс откуда-то сверху.

– Да... да... да... Я сейчас! – собираясь с силами, торопливо пробормотала Акулина. Боясь, что единственный человек во всем мире, согласившийся ей помочь тотчас же развернется и уедет, заметя ее слабость. – Сейчас...

Она схватила лопату и вонзила ее в землю. Острие снова уперлось во что-то твердое.

– Сейчас! – замерзший ком земли отлетел в сторону, обнажая разрезанную руку синюшного мертвеца. Этот страшный вид, сладковатый запах разложения заставили Акулину согнуться, борясь с рвотным спазмом, накатившим быстро и неожиданно. Она упала на колени. Голова закружилась. Ее вырвало прямо на землю. И еще целых пять минут она кашляла и перхала, будучи не в силах подняться.

– Сейчас...Надо не так...

Рассудок помутнел, поставив защитный блок организму. Теперь она плохо воспринимала реальность, уверенная только в том, что копать здесь нельзя. Голыми руками начала отгребать замерзшую местами черную землю в сторону, один за другим обнажая трупы расстрелянных. Стало жарко, Акулина расстегнула теплое пальто, смахнув пуховой платок, оставшись простоволосая, отбросив его в сторону.

– Сейчас...Где же ты...

Пальцы скребли ногтями по мерзлой земли, ворочая солидные комья.

– Где же ты...

Женщина совсем обезумела от ужаса и горя, но не плакала, задавшись одной единственной целью – найти убитого сверка. Напряженно работая руками, Акулина внимательно осматривала откопанные тела, ища в их искаженных смертью лицах знакомые черты. В голове билась одна единственная мысль, что она должна...Обязана это сделать.

Через пару метров ей удалось увидеть его. Глаза деда были полу прикрыты. Лицо избито. Густые усы топорщились в разные стороны от набившейся в волосы грязи.

– Ну, здравствуй...– промолвила она, теряя сознание, проваливаясь в спасительное забытие.

Все, что было потом, Акулина помнила, как в тумане. Мир стал похож на липкую вязкую паутину, из тенет которой она вырывалась на какое-то мгновение, чтобы потом снова провалиться в блаженную пустоту. Где не было никаких трупов. Мерзлой земли и ужасающего холода. Жара... Тело женщины горело каким-то диким огнем, будто она уже умерла, провалилась в ад, и черти поджаривают ее на горящем костре, но нет, в редкие минуты сознания мир оставался прежним, таким жестоким и непонятным, одиноким, каким и был.

Тряхнуло... Острая боль пронзила затылок. Именно, благодаря ей, она впервые пришла в себя. Повела вокруг помутненным взором, который вдруг уперся в спину Ганса, сидящего на козлах. Рядом пахло свежей землей. Акулина повернула голову направо и ужаснулась. Прямо ей в глаза смотрели мертвые зрачки деда Федора. Значит немцы все-таки сжалились над ней. Потерявшей сознание, загрузили в телегу и ее, и покойника. Телега качнулась, в ушах громогласным боем отзываясь цокотом копыт.

Жара... Женщина снова потеряла сознание от духоты, стягивающей ее пылающее огнем тело. Это наказание подумалось ей. За каждый проступок непременно приходит наказание... Она решилась тревожить мертвых в поисках своего свекра и теперь наказана! Но почему тогда наказание при-

шло в то время. Когда она еще жива? Или она уже мертва? На каком она свете? Мысли путались, обгоняли одна другую. Хотелось пить. Боже... Как же хочется пить. С мыслью о воде. Ей пришлось снова встретить черноту.

– Акулина!– на этот раз она очнулась от громкого голоса сестры. Повела воспаленными красными глазами, ища Анну. Та стояла на пороге дома Подерягиных. А рядом толкались Шурка с Колькой. Девочка испуганно хныкала, не понимая, почему дедушка лежит без движения, а мамка не обнимает ее. Колька совершенно во-взрослому хмурил брови, все больше и больше напоминая отца.

– Родные мои...– проговорила Акулина. Попыталась встать с телеги, но голова пошла вся кругом. Она покачнулась, чуть не упала, но была вовремя подхвачена Гансом.

– Родные...

– Идите в дом!– коротко приказал Анна, подталкивая своих племянников в хату.– нечего тут глазеть. Медленно подошла к телеге, рассматривая свою сестру и ее мертвого свекра.

– нашла все же...– пробормотала она себе под нос. Рывком стянула Подерягина за руки с телеги. Окоченевшие синюшные ноги глухо клацнули о бортик.

– Помогите! Чего стоишь?!– воскликнула она Вилли, без слов понявшему ее. Фриц схватил деда Федора за ноги и потащил в хату. Там они его уложил на пол, накрыв первым попавшимся под руку одеялом. Следом Ганс вел Акулину,

что-то говорившую сама себе.

– А с ней что?– кивнула Анна, окинув суровым взглядом сестру и сопровождающих ее немецких солдат. Приложила свою ладонь ко лбу и испуганно отшатнулась. Тело Акули пылало жаром мартеновской печи. Она тяжело дышала, а на лбу выступили крупные капли пота.

– Мамочка!– к ней бросилась Шурка и обхватила ее за ноги, пачкаясь о грязную, измазанную в земле юбку.

– А ну-ка, брысь на печь!– прикрикнула на детей Анна, видя краем глаза, как преодолевая робость и страх перед первой увиденной в своей жизни смертью под полог покрывало, которым был укрыт дед, заглядывает Колька.

– Мы уходим...– Ганс аккуратно положил Акулину на кровать, заботливо поправив растрепавшиеся волосы. Сказал по-немецки, но Анна каким-то женским чутьем поняла, что он имел ввиду.

– Идите!– кивнула она, а потом выдавила из себя через силу:

– Спасибо за все!

Жара...Акулина простонала и затихла, потеряв сознание.

– Колька!– из-за занавески на печи выглянул племянник. – Беги к тетке Ленке, возьми с собой Шурку! Побудьте у нее, передайте, что и дед Федька, и Акулина нашлись!

Мальчонка тотчас же спрыгнул с печки и ловко начал одевать капризничавшую Александру. Она не понимала. Что происходит, почему мама лежит на кровати? Почему не об-

няла ее, как обычно? Из-за чего дед Федька молчит и весь в земле изгваздался? Все это было слишком страшно и непонятно для детского организма. Она не хотела и не могла принять то, что называли взрослые суровой правдой, предпочитая оставаться в своем иллюзорном мире.

– Пойдем!– потянул ее за руку Колька, окинув их избу прощальным взглядом. Тетка Анька сидела за столом, обхватив голову руками. У порога лежал померший дед Федька. А мать бредила, бесконечно крутясь на кровати.

Через полчаса избу Подерягиных было не узнать. Калитка широко распахнута. Из дома веет терпким запахом ладан и плавящейся свечи. Во дворе несколько соседских мужиков пытаются выбрать подходящие доски для гроба. На крыльце сидит, тихонько подвывая, их соседка старуха Окулова. Вытирая платком красные воспаленные глаза.

– И что теперь делать?– спросила Анна у своих старших сестер, сидящих рядом с кроватью больной Акулины на стульях. Варвара и Елена прибежали сразу, как только до них добрался Николай с маленькой Шурочкой. Чуть позади них, кое-как одетый и обмытый со свечкой в сложенных на груди руках нашел свой последний покой дед Федька.

– Фельдшера надо б!– предложила Варвара, с тревогой всматриваясь в побледневшее, покрытое испариной лицо младшей сестры.

– Надо бы... Да только, где его взять-то? Немцы все в городе скрылись! Говорят, что наши скоро наступать будут.

К обороне готовятся. Мой Винокуров недавно на станции был... – рассказала Елена, смачивая тряпку в холодном ведре с водой и накрывая ее лоб сестры. На секунду глаза Акулины открываются. Она что-то шепчет, но ничего не слышно. Губы отказываются подчиняться ей. Только по их слабому шевелению Анна соображает, что она просит воды.

– Воды ей надо!

– Бегом! – Елена бросается к другому ведру, щедро зачерпывая целый ковш.

– Куда! Куда! – ворчит Варвара. – Не лошадь же поишь!

Опомнившись, Елена переливает воду в металлическую кружку. Потрескавшиеся губы с благодарностью принимают питье.

– Спа... – и Акулина снова теряет сознание, будто и не было этого всплеска активности.

– Так что делать-то? – спросила, в который раз за сегодня уже, Анна.

– Больна она! Лихоманка ее бьет! – произнесла Варвара – самая старшая из сестер.

– А не дай Бог заразная... – подхватила Анна.

– Пусть дети пока у меня поживут! Им с моим Ванькой сподручнее будет перенести все это... – Елена кивнула на пол, где все еще лежал всеми забытый и одинокий мертвый дед Федор – бывший дворянин, кулак, погибший за советскую власть в войне с немцами. – Погодки они все-таки почти...

– А с Акулиной? С Акулей кто будет?– строго спросила Варвара.

– С ней буду я!– решила Анна – единственная из сестер, так и не нашедшая своего женского счастья и не вышедшая замуж. В ней не было легкости Елены, кротости Акулины, солидности и рассудительности Варвары, она была обычной женщиной, засидевшейся в девках, заботящейся о матери, много лет назад ослепшей из-за удара грозы.

– Вот и порешили...– встал со своего места Варька, проверяя, склотили ли гроб для Подерягина их с Еленой мужа.

Когда гроб был готов, они не стали ждать положенных суток, оставляя мертвеца переночевать дома. Слишком опасно это было для всей их семьи и лежащей без сознания в жару Акулины. Вместо этого их мужа на руках отнесли гроб на кладбище, как можно скорее. В начавшихся сумерках на плохо сбитую крышку упали первые комья земли.

– Пусть земля ему будет пухом!– бросив комок глины, проговорила Варвара, отходя подальше. Один за другим соседи и сестры прощались с Подерягиным старшим. Каждая из них думала, что пока идет война, война на уничтожения целого народа, им еще ни раз придется приходить сюда и прощаться с кем-то из близких.

– Кажись все!– Федор Винокуров – муж Елены отряхнул руки и аккуратно поставил лопату рядом с чужой могилкой. Ровный коричневый холмик одиноко возвышался на заме-

тенным снегом кладбищем.

26

«Штурм»

Январь 1943

Они двигались по полю с выключенными бортовыми огнями. Петр прижимался к танковой башне, чувствуя щекой холодную морозь, покрывающую металл. Чуть впереди сидел Прохор Зубов, который после их первой операции стал намного ближе к Подерягину, чем раньше, окончательно и бесповоротно избавившись от сомнений по поводу его благонадежности. Смерть Табакина, в которой они винили себя, объединила их, сделав если не близкими людьми, то друзьями уж точно.

Мотор мощной тридцатьчетверки призывно журчал, на каждой ухабине лязгая гусеницами. В каждом пролеске, в каждом овраге Петр узнавал знакомые с юности места. Вот они медленно перевалились через сухую балку, проехали «березку», оказались перед ериком, а от него до родного дома рукой подать. Вон чернеет его крыша на фоне таких же изб, покрытых соломой. В сердце от тоски противно защемило. Как там отец? Как Акуля? Как дети? Эти мысли постарался он от себя отогнать, уверяя себя, что перед таким серьезным боем размениваться на телячьи нежности нельзя, но раз за разом возвращался к теплу и уюту домашней горнице и аромату свежее испеченного хлеба. Прохор заметил его состояние, весело подмигнул из-за башни:

– Ничего, Петр Федорович!– махнул он рукой ему, пере-
крикивая рев мотора.– Как возьмем город, так и домой сго-
няете. Семью повидать – дело святое! Если бы я мог сей-
час под Ленинградом оказаться, да мать...– при этих сло-
вах, от нахлынувших воспоминаний он побледнел и через
силу улыбнулся.– Будет тебе увольнительная!– пообещал ка-
питан Зубов после доставки важнейшего «языка» из немец-
кого тыла, перепрыгнувший через звание. Подерягину тогда
тоже хотели присвоить кого-то, наградить, но в дело вмешал-
ся майор Тополь, настоявший на том, что необходимо подо-
ждать. Ведь героя наградить всегда успеется, а вот скрытую
контру раздавить...Вообщем Петр и не обижался. За свои
почти без малого сорок лет он свыкся с мыслью, что явля-
ется сыном неугодного «врага народа» и не обращал на все
придирки никакого внимания.

Громко всхрапнула лошадь. Подерягин обернулся назад,
рассмотрев сумерках точеную фигуру кубанского казака из
дивизии Суржикова. Одет он был в длиннополую бурку, лох-
матую папаху, ехал, покачиваясь в седле, весело что-то себе
напевая, будто и не в бой собирался брать хорошо укреплен-
ный вокзал, а к девушкам на прогулку. Этой бесшабашной
смелости казачьей он немного завидовал.

– Чего смотришь, пехота?– заметив его взгляд, спросил
казак. Был он красив собой, как и положено, чубат, с густыми
длинными усами на миловидном, почти женском лице.

– Да вот гляжу на тебя и думаю...Как вот ты так можешь...

В бой идем, на смерть считай, а ты знай себе, песенки напеваешь...

– Так я ж казак!– искренне удивился кавалерист.

– И что ? –засомневался Подерягин.– Казака пуля не берет? Тогда я б тоже хотел казаком стать...

– Казаками не становятся, друже, ими рождаются!– пояснил всадник, подстегнув лошадку, вырвавшись от их танка чуть вперед.

– Стоп, машина!– Прохор Зубов встал возле башни, подняв руку, останавливая колонну.

– Ты чего, Прощка?– Петр вскочил на ноги, покачнувшись от резкого торможения танка.

– Пацан...– проговорил тихо капитан, направляя пистолет на неясные темную сгорбленную фигуру, стоявшую на обочине дороги во тьме. Много чего случилось с Зубовым за это время, пока они вместе служили на войне, и мало чего осталось от того наивного восемнадцатилетнего парня, пришедшего в дивизию командовать ротой сразу после командирских курсов. Загрубела на нем кожа. Окаменело сердце, превратившись в панцирь, всегда готовый к любой непредвиденной ситуации.

– Не стреляй! Ты чего?– Подерягин спрыгнул с брони, шагнул к пареньку, совсем уже окоченевшему от мороза на промозглом холодном ветру стоявшему, видать здесь, уже не один час.

– Ты кто?– спросил его Петр, тем не менее, так же наведя

ствол ППШ на неизвестного.

– Венька я! Веников! То есть... Вениамин, – тут же поправился он, пытаясь унять зубы, выбивающие звучную чечетку.

– И откуда ты здесь, Вениамин? – спросил Прохор, тихо подошедший к ним совершенно незаметно.

– Меня Тарас Павлович послал вас встретить! Он говорил встретишь и проводишь в город, чтоб немцы не сразу спохватились...

– А Тарас Павлович у нас кто? – недоуменно почесал голову Зубов.

– Говоров – командир нашего партизанского отряда! – посмотрел на них, как на сумасшедших Веня, будто они, как военные должны были знать всех этих офицеров наперечет, которые занимались вот такой вот диверсионной работой в тылу врага.

– Опасно это, сынок... – заметил Петр, подергивая отросший краешек уса.

– Так, что тут у нас! – в голове колонны, где ехал танк Зубова, затормозил штабной уазик. Майор Тополь в черном неизменно плаще и фуражке с синим кантиком выскочил из трофейного «виллиса», придерживая ее, чтобы не слетела от пронизывающего ветра.

– Товарищ, майор! Нас встретил представитель местных партизан Вениамин Веников, по поручению главы партизанского отряда некоего Говорова. Предлагает провести нашу колонну к городу наиболее кратчайшим и незаметным пу-

тем!— четко и быстро доложил Прохор. Стал настоящим военным... Подумалось про друга Петру.

— Вот и отлично!— обрадовался Тополь.— Сажайте его на передок и вперед!

— Подбивают сначала первый и последний танк, товарищ майор!— неожиданно вступил в разговор Подерягин.— Посмотрите на него... Он же совсем мальчишка! Пусть поживет... в середину его, «в коробку»... А это моя родина! Здесь я все закоулки хорошо знаю, проведу как-нибудь!

— Знаем мы ваше, как-нибудь, товарищ Подерягин!— оборвал его Тополь.— Если партизаны его прислали, значит, пареня подготовлен! Немедленно выполнять приказ!— рявкнул он напоследок, грузясь в «вилисс» .

— Есть!— отдал честь Зубов, понуро кивнув пацану.— Хоть за башню, что ли спрячься...

Глаза Веньки загорелись, он с трудом вскарабкался на танк, уцепившись за ствол пушки, где были намалеваны белые звездочки.

— А это количества подбитых танков, товарищ командир?— спросил он у Прохора, показывая на них. Тот отмахнулся, постучал по люку ладонью:

— Поехали!

Танк дернулся, выпустив облако сизого дыма, и покатило по дороге в сторону города. Приближался штурм. Пахло войной и стойким запахом гари от выхлопных газов. Венька сидел впереди, довольный собой. Они въехали в узкие улочки

города, так и не включив фары. С лязгом гусениц они разрывали накатившиеся серые сумерки. Петр напряженно всматривался в окружающую его темноту, пытаясь избавиться от неприятного сосущего ощущения под ложечкой, что-то его напрягало в этой таинственной тишине, не предвещающей ничего хорошего.

– Ложись!– крикнул он запоздало, опрокидывая Прохора Зубова с брони. Левее дороги вдруг появилась смутно различимая фигура с оружием в руках. Черный ствол выплюнул огненные языки пламени, застучав дробно пулями по танковой башне. Вениамин нелепо взмахнул руками, пытаясь поймать равновесие, закричал громко и протяжно, хватаясь за прострелянную грудь.

– Ложись!– заорал Петр, открывая огонь в ответ. Фигурка с автоматом подломилась в коленях, падая на снег, и тут начался настоящий ад! Отовсюду по их колонне открыли ураганный огонь. Каждый дом на улице, ведущей к вокзалу, каждое окно плевалось огнем, сметая по одному с брони бойцов их роты.

– Уходим!– закричал Петр, огрызаясь в ответ короткими резаными очередями.– Уходим! Это засада!

Огонь не прекращался. Глухо ухнула бронебойным пушка! Танк содрогнулся, завертевшись на одной гусенице.

– Засада!– молодой солдат, только пришедший к ним в часть, попытался высунуться из-за горячей машины, но тут же получил пулю в руку.

– Зубов! Проша!– Подерягин беспомощно оглянулся по сторонам. Прохор лежал лицом в снегу неподалеку от него. Из пробитого виска толчками выливалась бурая кровь.

– Проша!– закричал Петр, бросаясь к нему. Перевернул командира на спину и понял, что все... Глаза Зубова смотрели безжизненно в ночное беззвездное небо.

– Проша... Товарищ капитан...– слезы сами навернулись Петру на глаза.– Как же ты так-то, а?

Боль захлестнула грудную клетку. Захотелось завывать от ненависти к врагу. Он перехватил поудобнее ППШ и, размахивая им, будто шашкой, поднял роту в атаку.

– За мной! Вперед! Урра!– закричал он, прыгая на проходящий мимо танк.

– Ур-ра!– подхватило недружно несколько голосов.

– За мной!

Пули свистели совсем близко, но он не особо обращал на них внимания, поливая огнем неожиданно побежавших фашистов.

– За мной, ребятки!– прокричал он, устремляясь за ними в погоню.

Одного из немцев он все же догнал, ловко подсек ногу, а потом добавил по хребту прикладом, не прерывая движения.

– За Родину!

Остальной бой он помнил плохо. Голова отяжелела, наполненная до краев лишь яростной ненавистью к врагам, убившим его последнего друга. Один за другим падали фа-

шисты, сраженные его пулями. Здание за зданием его рота отвоевывала город у немцев, пока возле вокзала не встрети-лась с тем самым командиром казачьей сотни, которые ехал рядом с ними в начале штурма.

– Ну, здравствуй, пехота!– поздоровался он, выбираясь из-за развалин здания, где раньше, как помнил Петр, была почта.– Добрались все-таки...

Подерягин огляделся. Пелена красного тумана спала с его глаз и он, наконец, увидел, что окружен солдатами своей роты, изможденными долгим боем. Кто-то бинтовал простреленную навывлет руку, кто-то поил лежащего на носилках тяжелораненого ефрейтора Кочкина. Кто-то курил, присев на корточки, ошалев от столь отчаянного штурма.

– Дошли...– промолвил он, вытирая пот разъедающий глаза.

– А командир ваш где?– усмехнулся казак, у которого у самого была забинтована нога, и он немного прихрамывал, не переставая улыбаться. – Вот строгий, зараза...

Воспоминание о Прохоре накатило с новой силой. Перед глазами Петра снова оказался его безжизненный взгляд, устремленный куда-то в небо. Никогда он теперь не поговорит с ним, никогда не услышит его смеха, строго командного голоса... И от этого «никогда» захотелось завывать, закричать, но Петр сдержался, понимая, что казак ни в чем не виноват.

– Убит он...– глухо проговорил он, отходя в сторону, низко опустив голову.– Убит, Прошка...

Утром его вызвал к себе в штаб, организованный в здании вокзала полковник Перхович. Франц Иосифович выглядел утомленным и разбитым. Штурм дался ему нелегко, но при встрече с Петром он встал и приветливо улыбнулся.

– Здравствуй, Петр Федорович!– поздоровался он, предлагая присесть на колченогий табурет, стоявший напротив его письменного стола.– Наслышан...Наслышан про твои подвиги! Повести за собой роту...Принять командование на себя в столь ответственный момент не каждый сможет!

– Спасибо...– кивнул Подерягин, низко опустив голову. Он вовсе не считал себя героем. И никогда бы не пошел в лобовую атаку, если бы не смерть Зубова. Капитан был его другом, а его гибель затмила разум, заставив совершить необдуманный поступок, который в конечном итоге привел к прорыву хорошо укрепленной обороны немцев и взятию города.

– Знаю...знаю, как вы были близки с Прохор Алексеевичем!– покачал головой Перхович, наливая и себе, и Петру немного горячего чая в металлическую солдатскую кружку. – Война, будь она проклята! Забирает самых лучших от нас...

Петр промолчал, не зная, что на это сказать. Его мысли теперь были далеко отсюда. В родном доме, где его ждала семья. Сколько он их не видел? Прошел почти год с того мо-

мента, как они с Акулиной прощались на перроне того самого вокзала, который ему пришлось брать сегодняшней ночью. Как она там? Как отец? Как дети?

– ...Мы, конечно, тебя без награды не оставим!– закончил фразу Франц Иосифович, начало которой Петр за своими мыслями не расслышал.– Уже сейчас подал на тебя в штаб армии представление о присвоении тебе офицерского звания. Роту мы тебе пока не дадим, а вот взводом...

– Спасибо за оказанное доверие!– Подерягин встал, вытянувшись в струнку.

– Подожди...– Перхович смешался, пряча глаза.– Я не для того тебя позвал...

– А для чего?– смутился Петр.

– В городе действовал партизанский отряд, возглавляемый бывшим начальником местного НКВД Тарасом Говоровым. Они нам помогли при штурме.

– Я знаю,– кивнул напряженно Подерягин, почувствовав неладное,– их мальчонка нас встретил на въезде, чтобы показать дорогу.

– Так вот Тарас Павлович очень хотел с тобой встретиться.

– С чего бы это?– удивился Петр.

– Тарас Павлович!– позвал негромко Перхович.

Дверь немедленно открылась, и на пороге появился небольшого роста крепкий абсолютно лысый мужчина средних лет. На поясе у него был пистолет, а сам он был одет в

нквдэшную синюю форму.

– Вот он ваш Петр Подерягин!– кивнул на своего солдата Франц Иосифович, покидая кабинет.– Я вас оставляю на полчаса. Вам, наверное, о многом надо поговорить...

– Что за...– возмутился Петр, но увидев печальные глаза Говорова замер на месте, опустившись обратно на стул, найдя в этом взгляде причину своего плохого предчувствия, не оставлявшего его последние несколько дней.

– Вот ты, какой... Вы очень похожи с отцом!– с некоторых пор к людям его профессии Петр относился настороженно, но что-то располагало к себе в Говорове, заставляя поверить каждому произнесенному слову.

– Что это значит? – напрягся Подерягин.

– Я хорошо знал твоего отца...– начал, опустив глаза Тарас Павлович.– Сначала заочно, по материалам дела, а потом и лично, когда город и район оказался в фашистских лапах...

Быстрым и спокойным тоном майор НКВД поведал Петру об их с его отцом знакомстве, о том, как он согласился стать их добровольным помощником, как они пустели под откос первый эшелон с итальянцами, как дед Федька укрывал их от кума Петра, ставшего бургомистром, как попал тот на казнь учительницы Сатиной, как сам погиб, так и не выдав никого из подполья...

– Нам удалось задержать коменданта Бааде, в тот момент, когда тот пробовал сбежать из города, едва начался штурм. Перед расстрелом он признался в убийстве тех, кого расстре-

лял перед приближением советских войск. Среди них был Федор Алексеевич. Наши активисты отправились к месту захоронения, но трупа вашего отца не обнаружили... По-видимому, за ним приехал кто-то из ваших родственников,— голос Говорова звучал, как будто через плотную вату.

Батя... Отец... Сварливый дед Федька... Подумал Петр, тщательно пытаюсь не показать катившихся по небритым щекам слез. За что? Господи, господи за что ты меня так наказываешь?

— Петр Федорович! Вы меня слышите?— туман рассеялся. Перед глазами Подерягина снова сидел лысый особист.

— Слышу!

— Я говорю, что, скорее всего тело для захоронения забрали родственники!

Родственники... Акуля... Акулина...

— Слышите?

— Да-да...

Как она там? С двумя детьми?

— Петр Федорович...

— Мне надо бежать!— Подерягин вскочил со стула и бросился к двери, столкнулся в ней с Перховичем, но не заметил этого, побежав по длинному коридору к выходу.

Акуля... Акулинка... Шурочка... Коля... Имена жены и детей бились в висках в такт бешеным ударам сердца. Бежать! Помочь! Проведать...

На улице он огляделся. Водитель командира дивизии от-

крыл капот и ковырялся под ним, что-то негромко напевая себе под нос. Быстрее...

– Степан!– окликнул Петр его.

– О, Подерягин! За наградой в штаб?– ухмыльнулся шофер, завидуя своему более удачливому товарищу, который и страшный штурм пережил и сумел отличиться так, что в дивизонной газете про него написали.

– Поехали!

– Куда? С ума, что ли сошел?– возмутился водитель.– Слава в мозги ударила?

– Поехали, я тебе сказал!– пистолет из поясной кобуры почти мгновенно оказался в руках Петра.

– Ты что сбрендил?! Куда я поеду?– испугался шофер.– Мне командира везти через час.

– Тут недалеко!– Подерягин взвел курок, уставившись бессмысленным взглядом в солдата, испуганно сжавшегося возле капота.

– Постой! Хорошо... Сейчас поедим,– поняв, что переубедить сумасшедшего вряд ли удастся, а помощи пока не видать, Степан согласился.– Только не стреляй!

Он закрыл капот и уселся за руль. Рядом, держа его на прицеле, устроился Петр.

– Подерягин, ты понимаешь, что это трибунал?– уточнил водитель, заводя двигатель.

– Давай, трогай!– подтолкнул его в бок Петр дулом пистолета.– Быстрей вернемся...

В голове билась лишь одна беспокойная мысль, что ему просто необходимо проведать семью. Машина двинулась вперед, оставляя в рыхлом подтаявшем снегу глубокие борозды от своего следа.

– Вы же его не накажете за это... происшествие?– спросил Говоров Перховича, наблюдая за Петром и его всеми передвижениями из окна штаба.– Человек потерял друга, потом отца, естественно, что ему хочется проведать оставшихся родных...

Франц Иосифович тяжело вздохнул и отошел к столу, где достал из-под стола початую бутылку самогона. Набулькал себе почти половину стакана и залпом выпил, даже не поморщившись.

– Я все равно думал отпустить его на сутки домой, когда он с этой войной увидит еще жену?

– Вот и хорошо... Вы хороший комдив, товарищ полковник.

– Только майор Тополь...– начал с сомнением командир дивизии.

– С вашим особистом я сам поговорю!– коротко отрезал Говоров.– Думаю, он будет не против...

– Ну, если так... Будете, товарищ майор?– предложил выпить бывшему партизану полковник.

– Мне надо идти! Город наполнен немцами и их пособниками, чем раньше я начну вычищать эти конюшни, тем быстрее мирные жители вернуться к обычной жизни...

Всю дорогу ехали молча. Водитель напряженно крутил баранку. Изредка посматривая на выставленный напоказ револьвер Подерягина, упертый ему куда-то в бок, а сам Петр был не настроен на лирическую беседу. Все его мысли были там... в его родной деревне, где осталась один на один со всеми бытовыми проблемами его красавица-жена и двое детей.

Отец... Отец... Думал Петр, прикусив нижнюю губу. Как же ты так умудрился подставиться, сколько пришлось вытерпеть тебе из-за своего дворянского происхождения? Сколько допросов ты пережил? Ты умудрялся находить выход из любой. Даже самой сложной ситуации, на всю деревню славясь своей рассудительностью и спокойствием.

Руки слегка задрожали. Шофер с беспокойством посмотрел на Петра, смотрящего как-то отстраненно.

– Куда теперь?– спросил он, поворачивая возле бывшей конторы бургомистра в одну из небольших улочек, подальше от Погореловки.

– Вниз!– коротко бросил Петр, будто бы очнувшись.

Машина взревела мотором, огибая глубокие рытвины и широкие воронки от авиационных бомб. Штурмовая авиация сразу же поддержала наступление на город, как только стало понятно, что из этой авантюры может что-то выгореть.

Съехали вниз, на лужок, чуть не застряв в подтаявшей

промоине.

– Дальше не поеду, хоть убивай!– буркнул недовольно шофер, отворачиваясь в сторону. А ну, как и правда, выстрелит? – Дальше хляби такие, что посадим автомобиль по самую крышу, до весны не вытащим! Полковник меня убьет...

Петр ничего не сказал. Коротко кивнул и вышел, громко хлопнув дверью. Медленно побрел по раскисшей дороге, с трудом вырывая сапоги из месива снега и грязи. Прошел мимо Харламовых. С бабушкой Степанидой коротко поздоровался, заставив ту испуганно ойкнуть при его приближении.

– Батюшки свят, живой вернулся!– пробормотала она, долго глядя ему в след, поверх покосившегося плетня.

Станный был взгляд у бабушки Степаниды... Станный и жалостливый. Списав его на смерть отца, Петр спустился на низы к своей хате. Узкая калитка была распахнута настежь. Во дворе топтались бабы и мужики, негромко переговариваясь между собой.

– Здорово ночевали!– поздоровался Подерягин, заставив крайнюю к нему бабушку Марфу вздрогнуть от слишком громкого звука его осипшего голоса.

– Ой, Господи!– ойкнула она. Беспомощно оглядываясь на своих товарок, замерших у порога с открытыми ртами. Двери в хату были распахнуты настежь. Половики убраны, а на покрашенных половой краской досках отчетливо виднелись следы нескольких десятков ног. Неужели до сих деда не похоронили? Подумал Петр, прислушиваясь к надрывному

женскому плачу, доносившемуся из дома.

– Свят! Свят! Свят!– перекрестился дед Гришака, опираясь на сухую кривую палку, выполняющую у него функции костыля.

– Петя...– на пороге избы показалась Анна – старшая сестра Акулины. Замотанная в черный платок в накинутом на плечи дедовом зипуне. Возле ее ног испуганно жалась Шурочка, держась за цветастый подол потертого платья. Где же Акулина-то? Где? Позади Петра зашушукались соседи. Он с трудом разобрал то, о чем они болтали между собой. До него доносились лишь обрывки фраз, заставляющих холодеть душу.

– Посмотри-ка, как вышло-то...

– Вернулся, а дома горе какое...

– Жаль мужика!

– Папка!– Шурочка вся в слезах бросилась к нему. И он подхватил ее на руки, прижав к себе со всей той силой и нежностью, на которые был способен, окончательно огрубев на этой сумасшедшей войне. Он вдыхал пряный запах, ее черных, доставшихся от матери волос, гладил нежную кожу щек, целовал ее маленькие ручки, обхватившие натруженную красную шею.

– Папка!– шептала она ему на ухо, продолжая реветь, то ли от счастья. То ли от горя, свалившегося на их семью.

– Батя!– разутый Колька по холодному снегу бросился вслед за сестрой.– Батяня вернулся!

– А я знала, что ты обязательно придешь!– важно заявила Шурочка, уместившись на руках отца. Петр улыбнулся, оглядев притихших соседей, прятавших от него свои красные от слез глаза. Поймал спокойный, чересчур спокойный взгляд Анны и спросил:

– А где Акулина?

И понял в этот миг все по глазам ее сестры. Ему ничего не надо было больше говорить. В ее черных, как омут, излишне спокойных глазах, он прочел все, что хотел узнать о судьбе своей жены.

– Мамка наша...– захлебнулась слезами у него на руках Шурочка, и холодные капли брызнули ему на небритую щеку, а Колька лишь сильнее вжался в него, будто боясь, что в этот самый миг отец исчезнет.

– Аня...– прокричал он ей в след, беспомощно огляделся по сторонам, снимая дочку с рук. – Аня!– прокричал он, бросаясь в дом за сестрой жены.

В нос ударил стойкий запах парафина и ладана. Пахло чем-то сладким и приторным. Две бабки сидели в углу, попеременно что-то читая. Одна из них периодически всхлипывала протяжным противным голосом. В ней он с трудом узнал свою тещу.

– Аня...

Посередине горницы на трех стульях стоял грубо сколоченный необитый гроб, в котором на подушке из сосновых иголок лежала его жена. Лицо Акулины после смерти стало,

словно восковым. Нос заострился, а черты лица стали еще круглее, чем раньше. Она была бледна. Одета в их свадебное платье, которое она когда-то берегла для Шурочки. Глаза прикрыты, а лицо умиротворено. В натруженных пальцах догорала восковая тонкая свеча.

– Упокой душу...– как обухом по голове, прозвучала молитва одной из бабок.

– Аня...– Петр, не сдерживая слез, обратился к сестре жены, суетящейся в изголовье.

– Анна!– она обернулась с поджатыми губами и злым взглядом. Ей не хотелось вовсе этого разговора. Тем более сейчас, в такой день, у гроба своей самой младшей сестреники.

– К-к-как?– выдохнул он, борясь перехватившим дыханием комом, застрявшим где-то в легких.

– Деда Федьку расстреляли... Она поехала с немцами, которые стояли у нее на постое за ним. Простудилась. Фельдшер говорит воспаление легких. Сделать ничего нельзя было,– Анна нарочно говорила короткими рубленными фразами, чтобы ее речь звучала сухо, а не оправдательно.

– К-как?

– Отца похоронили, как положено, Петя... Не волнуйся!– сообщила Аня, вытирая руки об передник, присаживаясь на скамью рядом с севшим на пол и обхватившим голову руками плачущим Петром.

– Акуля...

– Ты надолго?– спросила она.

– Милая...родненькая...дорогая...– он причитал совсем по-бабьи и не стеснялся этого. Боль от потери двух близких людей опустошила его, изгнав все возможные эмоции из головы.– Акулиночка...Дружечка моя...

Петр не мог поднять головы и посмотреть на гроб. Он мог только выть, захлебываясь в собственном ужасе и от его дикого крика ломило уши.

– Дружечка моя!

Приехал хоронить отца. А пришлось хоронить жену... Анна вздохнула и вышла из комнаты, поманив за собой старух-читалок. Негоже им было видеть, как страдает мужик, убиваясь по своей жене, которую любил больше всего на свете.

А потом были похороны и скудные поминки, которые Петр плохо помнил. Его сознание заволокло туманом, и он то ли пытаясь забыться, то ли разогнать этот туман пил большими кружками крепкую самогонку, не чувствуя вкуса. Перед ним сидели три Акулиных сестры и водитель Перховича, пришедший за ним прямо на кладбище.

– Пора...– твердил он ему на ухо, но Петр его не слышал, отмахиваясь от него, как от назойливой мухи. В каждой из сестер и старшей Варваре, и средней Елене и даже в хмурой Анне он видел черты лица жены. Разрез глаз, морщины, черные густые волосы, в которые он любил зарываться всем своим лицом, вдыхая чудесный аромат луговых трав.

– Акуля...– пробормотал он перед тем, как потерять сознание от выпитого спиртного. Перед его лицом стояла живая и здоровая жена и робко, как на той предвоенной фотографии, сделанной в этом проклятом городе.

– Люблю тебя!– проговорили ее тонкие губы, и Петр уснул прямо за столом, провалившись в спасительное забытие, где были только лишь он и она, как тогда у реки, когда он впервые увидел ее – красивую статную девушку, от взгляда которой зануло сердце у мужика, который уже не чаял встретить в этом мире свою любовь.

– Акулина...– прошептал он, счастливо улыбаясь от нахлынувшего воспоминания.

29

«Постскриптум»

Август 1943

– Теть Ань! Теть Ань!– раздался во дворе детский голос. Босая, но уже основательно подросшая Шурочка, медленно и уверенно превращающаяся в красивую статную девушку, вбежала в дом, шлепая босыми пятками по покрашенным половицам.

– Чего тебе, егоза?– строго нахмурилась Анна Герасимова, вытирая мокрые после стирки руки о свой передник. Николай работал в колхозе с весны. Его дома не было, а вот Шурочка оказалась хорошим подспорьем в хозяйстве – шустрая девчонка хваталась за все сразу и помогала, чем могла своей тете, взявшей их с братом на воспитание.

– Там почтальонка пришла! Говорит, письмо мамке пришло...

– Кому?– нахмурилась Анна, выбегая на улицу. Сердце захолонуло от предчувствия беды.

– Здравствуй, Любаша!– поздоровалась Аня, жадно разглядывая потертый военный треугольник с синим штемпелем.

– Письмо вам тут...– потупив глаза, произнесла почтальонка и поспешила уйти прочь, дальше разносить почту.

– Письмо...– быстрым движением Анна развернула конверт, вчитываясь в ровный гимназический почерк с чуть размытыми чернилами:

Уважаемая Акулина Васильевна, сообщаем вам, что ваш муж Подерягин Петр Федорович 1905 года рождения, воинское звание лейтенант пропал без вести при штурме станции Старая Ивановка Сумской области. Командование части скорбит вместе с вами.

Командир 100-й дивизии

Полковник Перхович Ф.И.

– Вот и Петьки нет больше...– пробормотала Анна, пряча письмо за пазуху при звуке шагов, вышедшей во двор Шурки.

– Теть, а что это за письмо пришло?– спросила девочка с интересом.

– Ничего, Санечка... Это по поводу деда Федьки в военкомат надо придти...– торопливо пояснила тетка, чуть дрог-

нувшим голосом. Шурка с сомнением посмотрела на тетку, но промолчала.

– Глянь-ка, тетя Ань, гроза собирается!– указала она тонким пальцем куда-то за громадину тока, где уже собирались густые кучевые облака. Молния разрежала тишину деревни, заставив местных дворняжек испуганно загавкать.

– И вправду гроза...– на лицо Анне упала холодная капелька, проскользнув за воротник, оставив нехорошее предчувствие, что беды их семьи еще не все позади.

Валуйки август-сентябрь 2018